

И.В. Дудко

Энциклопедия наших жизней

Истоки Книга 3 Глава 2 Детство и юность Ираиды

Ираида Владимировна Дудко Энциклопедия наших жизней (семейная сага). Истоки. Книга 3. Детство и юность Ираиды. Глава 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42861357

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-05908-5

Аннотация

Глава 2 – это 1947—1955 годы. Семья переехала из Киева в Москву. Арест отца. Вместо ожидаемой квартиры – барак в совхозе Вельяминово. Голод. Безысходность. Борьба за выживание. Мы у мамы – четверо иждивенцев. А мне – 12 лет. Мечусь по жизни, как щепка в ручье, – прильёт к берегу и опять по течению несёт дальше, а куда – неизвестно. Вот обо всех этих злоключениях и рассказано в этой главе. А ещё – сохранившиеся письма из армии от мальчишек, служивших в советское время. И о том, как судьба много раз давала мне шанс, но – незнание жизни, порой лень, бесшабашность и легкомыслие обрекали все попытки удержаться «на плаву» – на провал...

Содержание

Введение	5
Часть 1	7
Часть 2	11
Часть 3	36
Часть 4	40
Часть 5	45
Часть 6	48
Часть 7	62
Часть 8	67
Часть 9	79
Часть 10	88
Часть 11	93
Часть 12	101
Часть 13	110
Часть 14	113
Часть 15	117
Часть 16	123
Часть 17	130
Часть 18	141
Часть 19	165
Часть 20	173
Часть 21	175
Часть 22	181

Часть 23	191
Часть 24	196
Часть 25	201
Часть 26	210
Часть 27	220
Часть 28	234
Часть 29	238
Часть 30	247
Часть 31	250
Часть 32	253
Часть 33	269
Часть 34	321
Часть 35	356
Часть 36	395
Часть 37	405
Часть 38	411
Часть 39	414
Часть 40	430
Часть 41	439
Часть 42	442

Введение

Предыдущая 2-я книга нашей семейной саги – «ЭНЦИКЛОПЕДИЯ НАШИХ ЖИЗНЕЙ» – ИСТОКИ. ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ ИРАИДЫ. ДНЕВНИК БАБУСИ – по объёму оказалась большой, как и само детство, переполненное разными событиями. Места для юности в этой книге не хватило. Пришлось для воспоминаний о следующих десяти лет выделить аж две отдельные книги, в которые вошли соответственно 2-я и 3-я Главы.

Шел 1946 год.

Мне исполнилось уже 11 лет.

Дневники бабуси кончаются 1946-м годом. Они, как зеркало отражают события тех лет.

С 1946-го года по 1958 включительно все воспоминания основываются в основном на памяти и письмах, которые частично сохранились. К сожалению, дневников никаких больше никто не вёл, поэтому некоторые факты могут быть изложены с приблизительной точностью. Но, тем не менее, основные события отражены правдиво.

Я попыталась восстановить события, разложив их в этой книге – по годам, как по полочкам. Если честно, я не знаю – когда у меня кончилось детство. Мне кажется, что оно у

меня слишком затянулось.

Я не жила, а играла в «жизнь». А взрослеть начала только тогда, когда вышла замуж. Не трудно догадаться – за кого...

В отличие от меня, Виктор свои воспоминания записал не по годам, а распределил по отрезкам жизни: детство Виктора, военные годы, отрочество Виктора, юность и студенческие годы, первые шаги молодого специалиста...

Его воспоминания о детстве и юности кончаются 1958-м годом, в котором мы с ним познакомились.

Значит и эту книгу – о моей юности тоже ограничим 1958-м годом.

Итак, 1946-й год.

Часть 1

Переезд в Москву

На фотографии – мои родители – Владимир Васильевич и Нина Николаевна Степановы

Мы уезжаем из Киева. В этот раз отъезд отличается от нашего переезда в Киев из Казани. Туда мы ехали долго, в товарном вагоне, зафрактованным на две семьи. В этот раз также вагон был выделен на две семьи, только разрешили в вагоне ехать одному сопровождающему. Поэтому все остальные члены семьи ехали обычным пассажирским поездом.

Папа уехал в Москву задолго до нашего переезда. В самой Москве у нас родственников не было, поэтому папа жил в Пушкино, под Москвой. Там в собственном доме жила семья Гладилиных – папиного двоюродного брата. Там же часто находился другой папин двоюродный брат – Василий Степанов. Папа по переводу из Киева работал в Министерстве Путей Сообщения. Кроме того вместе с Василием Степановым они занимались подработкой – составлением смет и проектов домов и каких-то ещё объектов.

Позже мне тоже несколько раз сподобилось побывать в Пушкино.

У тёти Нины – Нины Фёдоровны Гладилиной была дочка – Аллочка. Она была тяжело больна. Я не знаю, чем именно она болела, но помню её тонкую, худую фигурку, истощённые руки и ноги, как у скелета. Ходить она не могла. Её переносили с постели в кресло. А иногда она сама пробовала

передвигаться на костылях, но, это только называлось – «сама». Её поддерживали со всех сторон. Она была единственным ребёнком в семье, поэтому ни в чём не знала отказа. К ней приходили лучшие педагоги. Она дома окончила школу. Изучала иностранные языки, любила классическую музыку.

Естественно, выезжать в театры она не могла, а телевидения ещё не было, поэтому не раз к ней на дом привозили артистов, которые давали для неё сольные концерты. Я точно помню, что приезжал к ней знаменитый Михайлов – оперный артист Большого театра, бас. Говорили, что в частном доме ему не хватало места, чтобы петь. Он сам по себе был огромным, а гостиная – не такая уж и большая. Но, тем не менее, он пел для Аллочки. Представляю, сколько стоили эти концерты.

Когда мне приходилось бывать в их доме, я часто слышала рассказы о том, как они весело проводили время, когда собирались вместе – и папа, и дядя Вася, и ещё кто-то. Говорили, что они сами «давали» концерты. Папа играл на пианино, Аллочка – на скрипке. Они часто играли в карты. Мне запомнилось по их рассказам, что проигравшие выполняли штрафные задания. Однажды тёте Нине выпал «штраф» – постоять на голове. А она маленькая, толстенькая. Ей пришлось залезать на диван и стоять на голове, прислонившись к стенке, чтобы не упасть. Платье завернулось вниз, видны были штанишки. Все смеялись, всем было весело. Это хорошо, когда взрослые умеют от души веселиться.

Папе обещали дать квартиру в Москве, в доме, который был ещё не достроен. А временно нашей семье предоставили жильё в подшефном совхозе ВЕЛЬЯМИНОВО УРСа МО-СУЗЛА МПС по павелецкой дороге. Туда папа и перевёз мебель, которая пришла по железной дороге как раз, почти одновременно с нашим приездом.

Часть 2

Вельяминово

Вельяминово, Вельяминово, Вельяминово... Сколько воспоминаний связано с жизнью в этом совхозе...

На электричке с Павелецкого вокзала нужно было доехать до ст. «Вельяминово». Рядом со станцией располагался рабочий посёлок. Он был расположен вдоль двух наезженных дорог, по обеим сторонам которых стояли дома посёлка. В принципе они ничем не отличались от деревенских рубленых изб, с огородами и палисадниками. Особенность жителей посёлка заключалась в том, что почти все мужчины работали в Москве, куда ездили ежедневно на электричках. Женщины же старались устроиться на работу в местные детские сады, ясли, больницу. Предприятий основных, которые могли бы обеспечить работой всех жителей посёлка, не было. Впрочем, как и во многих таких же поселениях, расположенных вдоль железной дороги.

Две дороги, проходившие по параллельным улицам через посёлок от ж/д станции, убегали в перелесок, за которым располагался совхоз – «Вельяминово – МПС». Совхоз подчинялся Министерству Путей Сообщений. Дороги, пробежав через перелесок, кончавшийся зарослями каких-то кустов, выбегали на простор. Между дорогами лежало совхоз-

ное поле. А дальше – и поле и дороги упирались в лысую, с утоптанной местами травой, площадь. По кругу площади расположилось несколько барачков и совхозная контора. Если пройти дальше, через площадь, можно было попасть опять на дорогу, которая выводила нас к «Большому пруду», по берегам которого разрослись столетние деревья и развесистые ивы.

Пробегая мимо пруда через мостик, дорога оставляла справа деревню с частными домами, а потом тянулась за три километра, через поля, к «Центральному» посёлку «Вельяминово», расположенному на основной автомобильной трассе по Каширскому шоссе.

Центральное «Вельяминово» называлось «Центральным» недаром. Там находился старый парк и развалины усадьбы Вельяминовых. Мы, ребяташки летом ходили туда стайками – искать малину с одичавших старых кустов и рвать черёмуху. По одному туда не ходили, так как наслушались много рассказов о приведениях на месте развалин и всякой другой нечисти.

История центрального села Вельяминово...

«Вельяминово – подмосковное село, расположенное в пределах городского округа Домодедово. При этом оно соседствует с одноименным поселком, принадлежащим Ступинскому району. Первые упоминания о селе датируются 1461 годом. Название село получило по фамилии одного из

своих первых владельцев. Представители этого старинного рода Вельяминовых участвовали в Куликовской битве, и поэтому есть предположения, что имение было пожаловано одному из них после победы в битве. Известно также, что в XVI веке Вельяминово было селом, то есть имело церковь, подвергалось набегам крымского хана Девлет-гирея и некоторое время, согласно документам того времени, пустовало. Во второй половине XVII века в селе насчитывалось только четыре крестьянских двора и господская усадьба.

Нина Николаевна Степанова (Варсобина) – 1950 год.
Совхоз МПС Вельяминово

Это фотография моей мамы. Она была сфотографирована на берегу большого пруда, куда мы часто ходили купаться. Фотографию кто-то обрезал. Пруда не остался, зато сохранился снимок моей мамы тех забытых лет конца сороковых годов в совхозе Вельяминово.

В селе издавна стояла церковь Преображения, примерно в конце XVII – начале XVIII столетия она была перестроена помещицей Анной Волынской. Деревянное здание было сооружено на каменном фундаменте и также было освящено в честь Преображения Господня. В первой половине XIX века к приходу Преображенской церкви были приписаны несколько соседних деревень, само село в то время расширялось, поэтому в 1865 году было решено перестроить храм в камне и сделать его больше. Для того чтобы работы шли быстрее, рядом с местом строительства был построен кирпичный завод. Главный престол был освящен в 1873 году, в храме также были устроены приделы в честь архангела Михаила и Рождества Пресвятой Богородицы. Благоустройство и оформление интерьера храма продолжались почти до конца столетия. В советский период храм был закрыт в 1936 году, лишен утвари и ценностей, колокольню взорвали. Возрождение Преображенской церкви началось в 1992 году.»

Я не удержалась от искушения – привести здесь рассказ о

чуде с иконами, напоминающем мне историю плащаницы...

В 1996 году произошло чудо – недавно написанная икона Казанской Божьей Матери отобразилась на стекле.

Все служащие храма, а особенно, художник-иконописец Николай Плагидов, несколько дней пребывали в состоянии легкого потрясения: Казанская икона Пресвятой Богородицы, которую Николай написал для храма в 1994 году, отобразилась на стекле.

Эта икона одной из первых появилась в церкви и сразу обратила на себя внимание. Даже владыка Ювеналий, который вскоре после открытия храма совершил здесь Божественную литургию, отметил ее и спросил, кто написал сию икону? А уж владыка на своем веку повидал икон немало, однако же именно эта чем-то привлекла его внимание. Теперь можно сказать, чем – благодать Божия пребывала на ней.

Долгое время Казанская икона находилась в иконостасе, потом ее перенесли в алтарь. Сейчас в храме заканчивается воздвижение нового иконостаса, и некоторое время назад здесь начали собирать средства для его украшения – с условием, что каждый из прихожан может на свои деньги заказать ту или иную икону. И вот объявилась одна женщина, которая выразила желание заказать для иконостаса Казанскую икону Божией Матери. Желание это, как пояснила женщина, было продиктовано необычным сном, в котором она видела явление именно этой иконы.

Поскольку Казанская икона в храме пребывала уже несколько лет, то именно ее и предложили жертвователнице считать «своей», принимая ее дар храму. Она согласилась. Икона ей очень понравилась. Единственное, что она попросила, – чтобы икона была перенесена из алтаря в такое место храма, чтобы к ней можно было прикладываться. И это желание было исполнено.

Через некоторое время женщина пришла снова и принесла в дар золотую цепочку с подвеской, пожелав, чтобы это украшение было помещено под стекло у Казанской иконы Божьей Матери. Это было проблематично: Николай Плагилов вспомнил, что в свое время он не без труда выставлял образ в киот. Теперь его придется вынуть, потом снова вставить... Жертвователнице предложили повесить украшение к другой иконе – «Млекопитательнице», которая почитается в храме как чудотворная и уже украшена многочисленными дарами в знак чьего-то исцеления или явления другой какой-то помощи по молитвам Пресвятой Богородице. Но женщина была непреклонна: она принесла это украшение именно для Казанской иконы.

И вот в субботу, после вечерней службы, в праздник святого славного апостола и евангелиста Иоанна икону стали осторожно вынимать из киота. А когда вынули – так и застыли в изумленном молчании: образ Богородицы четко повторился на стекле, только в негативном черно-белом изображении. Отец Леонид сначала подумал о том, что это так

просто осела пыль, но при попытке стереть – изображение не исчезало...

«Мы объявили об этом всем своим прихожанам, – заключил свой рассказ отец Леонид, – и усилили молитву Господу и Пресвятой Богородице».

Самое удивительное состоит в том, что это уже второй случай в Домодедовской районе за весьма короткий отрезок времени. На первой седмице Великого поста аналогичный случай произошел в храме Флора и Лавра, в соседнем селе Ям. Одна благочестивая прихожанка принесла в храм на реставрацию старинную Иверскую икону Божьей Матери, которая перешла к ней по наследству от родственников. Собственно, реставрировать надо было киот – икона упала со стены, и старое сухое дерево не выдержало, расколосось. При этом стекло осталось цело. И когда реставраторы разобрали киот, вынули из него икону, то увидели на стекле ее изображение в негативе. Но это другая история для другого тайника...

Отец Леонид, хотя и не сомневался в нерукотворности образа (фальсификация была исключена, хотя бы потому, что было хорошо известно, у кого были ключи от Храма), обратился к благочинному с просьбой освидетельствовать необычное явление. Тот приехал в Храм, но не один, а с комиссией Института криминалистики при ФСБ, во главе с ди-

ректором упомянутого института, действительным членом РАН...

Комиссия после проведенных анализов пришла к выводу о нерукотворности образа. К аналогичному заключению пришла и комиссия по изучению чудес при Московской Патриархии и специалисты из Института им. Сурикова. Завидетьствовано чудо появления нерукотворного отпечатка было и митрополитом Крутицким и Коломенским Ювеналием, возглавляющим приходы Подмосквья.

После обнаружения нерукотворного отпечатка на стекле, это стекло было снято с иконы и установлено рядом в нею, так что каждый, проходящий в Храм мог спокойно и подробно рассмотреть необычайное явление, что возможно и по сей день. По началу нерукотворное изображение представляло собою беловатый отпечаток с иконы, как бы выполненный одним тоном, но со временем, как заметили прихожане Храма и что было подтверждено специалистами из Института им. Сурикова, отпечатавшееся изображение стало приобретать различные тона, так что весь отпечаток к настоящему времени напоминает негативный черно-белый фотоснимок с иконы.

Прихожанами Преображенского Храма почитается и другой образ Пресвятой Богородицы, находящийся в этом Храме – Млекопитательницы. История его такова: пожертвованная для Вельяминовского Храма еще в XIX веке, написанная

на Афоне упомянутая икона, после многих лет снова вернулась во вновь открытый Преображенский Храм и ознаменовала свое появление несколькими удивительными исцелениями, происшедшими так сказать на глазах у многих жителей окрестных селений.

Несколько супружеских пар, проживающих поблизости, было бездетными многие годы, и согласно приговору врачей – были обречены на бездетность, однако по молитве у иконы Млекопитательница всем им Господь даровал исцеление от бесплодия. Следует заметить, что все они – местные жители, о которых вельяминовскому "сарафанному телеграфу" известна "вся подноготная". Знают в селе и об исцелениях нескольких онкологических больных – также местных жителей. Известны два случая исцелений детей местных врачей, в обоих случаях родители зафиксировали письменно факт использования всех возможных медицинских средств и его безрезультатность для лечения. Со временем число драгоценных привесок, оставленных на иконе Млекопитательница в память об исцелениях, так возросло, что местная милиция потребовала от настоятеля Храма убрать хотя бы часть золота с иконы во избежание соблазна...

Есть в Храме и чтимая икона Св. Феодосия Черниговского, возвращенная в Храм одной из жительниц села, после того, как она услышала во сне строгое повеление вернуть икону, которая хранилась у нее на квартире еще со времени за-

крытия Храма.

И в завершении, хочется добавить то, что первое такое чудо было в Киеве в 1993 году. На стекле киота отобразилась икона Божией Матери «Призри на смирение». Отображение получилось как узор на морозном стекле. Его исследовали ученые и растерянно развели руками: было признано, что изображение на стекле нерукотворное. Для иконы и отдельно для стекла были сделаны дорогие киоты. Сейчас и икона, и изображение на стекле стоят рядом в одном из храмов Киево-Печерской Лавры.

Второе чудо произошло в псковском храме святого благоверного князя Александра Невского. На стекле киота отобразилась икона Божией Матери.

Третье чудо – отображение на стекле иконы Божией Матери «Казанская», которая находится в храме Преображения Господня в подмосковном селе Вельяминово (описание выше).

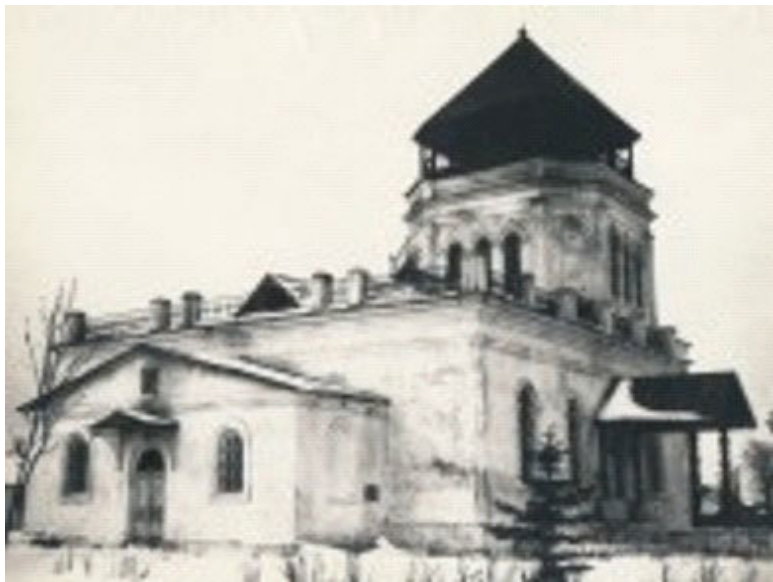
Недавно чудесно отобразилась на стекле икона «Спас Нерукотворный», которая находилась в иконостасе московского храма Петра и Павла у Яузских Ворот. Сейчас в иконостасе оставлено только стекло, икона вынесена для почитания на середину храма.

По материалам сайтов:

<http://veliaminovo.3dn.ru/>

www.pravoslavie.ru/sretmon/turin/konf2002.htm

<http://top.ucoz.ru/catalogs/14/index15.html><http://www.is-tok.ru/publ/5-1-0-82>

Вельяминово. Снимок 1988 года

Церковь Преображения – до реставрации

Online-Sicherheit <mailto:andreiaga@yandex.ru>

Я обратилась к автору снимка с просьбой использовать эту фотографию в публикациях этой книги. Ответ пришел на следующий день: Используйте.

«Это все, что есть, ничего другого у меня нет. С уважением, Андрей.»

Село Вельяминово Восстановленная Церковь Преображения (Источник – https://www.votpusk.ru/country/dostoprим_info.asp?ID=23198)

Вспоминаем – 50-е годы...

В Центральном Вельяминово, в помещении большого каменного здания школы всегда проводились выборы, а в клубе – основные мероприятия и концерты.

В моей памяти с тех пор остались праздничные настроения, связанные с днями **ВЫБОРОВ**. Голосовать все ездили в центральное Вельяминову, – в школу.

Мама с некоторыми другими женщинами отправлялась туда ещё накануне для работ на кухне. Для комиссии и других организаторов выборов в этот день готовились завтраки и обеды. Жителей совхоза в центральное Вельяминово отвозили на санях, в которые было накидано сено, чтобы удобно было сидеть. Дуги были украшены лентами, искусственными цветами и даже – колокольчиками, звон которых слышался на протяжении всей езды, перекликаясь с заливчатской игрой гармонистов, сопровождавших санную «карусель». Мне всегда почему-то казалось, что гармонисты – разные, а мелодия у всех – одна и та же. Как будто гармошка выговаривала – «Наши-Ваши, Наши-Ваши...». Все старались одеться по – праздничному.

В школе работал буфет, где кроме стандартных угощений продавались закуски, приготовленные поварами, обслуживающими выборное мероприятие.

Проголосовавшие не спешили уезжать. Столики в буфете не пустовали. И, конечно, в большой проходной комнате

было устроено что-то вроде сцены, на которой по очереди выступали агитбригады и участники кружков художественной самодеятельности, которые представляли разные посёлки, приписанные к этому участку выборочной компании.

На фотографии – в день выборов участники художественной самодеятельности от Вельяминовского совхоза МПС

В центре – слева от плаката с рушником на груди – моя сестрёнка Милочка

Эти три километра от совхоза до центральной усадьбы не всегда украшались праздничными настроениями. Когда мы приехали в совхоз, можно было выбрать не школу в пристан-

ционном посёлке, а поступить учиться в Центральном Вельяминово. Но нам не посоветовали. И не потому что, три километра до школы для детей – длинная дорога. Дело в том, что зимой эти три километра пролегли по пустынной заснеженной местности, открытой не только для ветров и снежных бурь. Здесь неоднократно видели волков и их следы. Леса – недалеко. И видимо, в зимнее голодное время они охотились на зайцев, следы которых встречались повсюду – и в лесах, и на открытых заснеженных полях и лугах...

С лысой площади совхоза – левее была ещё одна дорога, которая вела к «Малому пруду», а потом – выводила к совхозным полям и огородам пробежала через луга, и бежала дальше, через лес – в деревню – Привалово.

За «Малым прудом» находились огороды жителей совхоза. Позже нам тоже там выделили кусочек земли, на котором мы сажали картошку.

Я помню, как мы все вместе помогали маме её сажать, а, когда она отцветала, и появлялись уже клубни, мы с бабусей ходили на «наш» огород и осторожно, чтобы не повредить основной куст, подрывали и набирали в маленькое ведёрко молодой картошки. Возвращаясь, мы делали остановку, наливали в картошку воду и жмыхали её руками, чтобы смыть с неё оставшуюся не ней землю. Заодно, вместе с землёй облезала часть молодой шелухи. Потом её так и варили – в оставшейся кожуре. До чего же она была вкусной...

Мы с бабусей ходили в тот дальний лес, в сторону Прива-

лова и собирали там хворост для печи, поскольку с дровами всегда была проблема.

Когда мы возвращались с вязанкой дров за плесами у бабуси, мы проходили лугом, на котором встречались – бучаги. Это глубокие ямы заполненные прозрачной водой. По краям бучагов рос кустарник, а иногда в воде встречались и кувшинки.

В жаркую погоду мы останавливались у бучага, который побольше, – передохнуть и я купалась. В один из таких бучагов я опускалась и плавая, наслаждалась прохладной свежестью воды.

Странно, но с детства я была застенчивой, поэтому в бучагах я купалась в трусиках, хотя, кроме бабуси рядом никого не было. А зря. Купаться полностью раздетой, ощущать, как прохладная вода оптекает и ласкает всё тело – это такое блаженство...

Удивительный мир природы
Бесплатные фотографии my.mail.ru

Почему-то, когда я вспоминаю об этих маленьких оазисах, у меня в памяти всплывает песенка, которую бабуся пела мне в детстве:

Где гнуться над омутом лозы
И вешнее солнце печёт,
Летают, и пляшут стрекозы
Весёлый ведут хоровод.

Мы песенку знаем так много,
Тебя мы так любим давно,
Смотри, какой берег отлогий,

Какое песчаное дно.

Дитя! Подойди к нам поближе!
Тебя мы научим летать,
Дитя, подойди, подойди же,
Пока не проснулася мать.

Где гнуться над омутом лозы
И вешнее солнце печёт,
Летают, и пляшут стрекозы
Весёлый ведут хоровод...

Странный текст, но смысл песенки, вероятно, имеет глубокий подтекст...

Ещё с площади в центре совхоза выбегали маленькие вытопанные дорожки – тропки. Одна из них вела к детским яслям, другая к конторе, по одной из них можно было короче добраться до пруда, по другой – к теплицам, ну и, конечно, к каждому из барачков.

В центре площади стоял электрический столб. Наверху всегда вечерами включался фонарь. Место вокруг столба называлось «пяточком». Там по выходным или праздникам устраивались танцы под радиолу или патефон. Но чаще всего, вечерами, уставшими за день от полевых работ ногами, девчонки – под гармошку выбивали дробь.

Вот такое оно – «Вельяминово», разбросанное: и малень-

кое и большое, и богатое, как «Центральная усадьба» и бедное, как совхоз «МПС», но всегда красивое, как красивы все подмосковные местечки.

Почему я так подробно описала Вельяминово, каким оно было в те далёкие годы?.. Недавно, моя сестрёнка – Милочка, прожившая в Вельяминово дольше меня, решила съездить на старые места своего детства и юности.

Сойдя с электрички, она не узнала посёлка вообще. На месте деревенских домов с огородами, выросли каменные коттеджи. Всё чужое. Как ни странно, прежней остался только вокзал. Когда Милочка вошла внутрь здания, на неё со всех сторон навалились воспоминания. Ничего не изменилось...

Дойдя до бывшего перелеска, который раньше и влево и вправо перерастал в лесные заросли, она увидела лишь небольшой пустырь с редкими деревцами.

От совхоза ничего не осталось вообще. На месте его тоже выросли коттеджи. Разговорившись со случайным встречным, Милочка узнала, что совхоз давно закрыли. Бараки сломали. В центральном Вельяминово, где-то недалеко от шоссе, выстроили жилой многоквартирный дом, в который переселили всех жильцов из барakov. У Милочки больные ноги, и она не решилась идти дальше в поисках своего прошлого. Да и мало вероятного, что она отыскала бы своих бывших подружек. Их родителей, наверняка, давно нет в живых. Да и они сами все уже бабушки...

Вернувшись домой, Милочка сделала для себя вывод – прошлого не вернуть, и, вероятно, не стоит его искать. С годами плохое – не забывается, просто в памяти боль притупляется.

А всё хорошее – греет душу. Так и надо жить с этим хорошим. А встречи с состарившимся прошлым чаще всего ранят, и разочаровывают...

Поскольку папа был направлен в совхоз на «временное поселение» от самого министерства, ему выделили «квартиру в бараке». Других домов в совхозе не было, кроме дома директора. Барак был крайний с левой стороны площади. В отличие от стандартных барачков, где входили в коридор в дверь в одном конце барака, а выходили – в другом конце, этот «наш» барак имел другое расположение. С торцов был вход в большой тамбур, из которого опять же был вход в одну «квартиру» – нашу. Она состояла из двух комнат, вернее из одной большой комнаты, в которой стояла огромная русская печь. Если зайти с другой стороны печи, создавалось впечатление второй комнаты.

В первой стояла бабушина кровать, и вдоль окна – обеденный стол. Во второй – наши кровати. Боря с Милкой предпочитали спать на печи, а я и – мама с папой – на кроватях.

Из тамбура ещё одна дверь вела в огромную комнату, которая достраивалась внутри. В ней на земле были установлены столбики, на которых накинаны доски. Часть комнаты, от

дальней стены уже была застелена полом. Создавалось впечатление сцены и длинных лавок. Днём там работал плотник, а вечером мы, ребятишки собирались в этой комнате, и играли в театр.

Бабуся очень любила сидеть на крылечке и подолгу смотреть в сторону леса. Она была дальнотзоркой. Тем не менее, однажды я очень удивилась. Мы с бабусей сидели на крылечке, и вдруг, она встала, и, раскинув руки, не твёрдыми шагами поспешила по дороге в сторону леса. Оттуда шел мужчина. Как оказалось, к нам приехал погостить на короткое время её родной брат Витя. Это была их последняя встреча.

Как она его разглядела, и узнала, ведь, это всё-таки далеко было – до леса метров 800. Бывает...

Позже, когда мне приходилось ждать где-нибудь Витю, я, хоть и была сильно близорукая, всегда узнавала его по каким-то особым признакам: фигуре, манере двигаться и т. д.

А, может быть, телепатически чувствовала, что он появился на горизонте, или в толпе. Чувствуют же собаки родного человека, не видя его в поле зрения...

Когда достроили комнату рядом с нами, нас переселили в противоположный конец барака. А теперь уже – двухкомнатную «квартиру отдали какому-то начальнику. У нас не было второй большой комнаты, но зато был большой коридор, в который мы незамедлительно выставили всю не нужную мебель: какой-то матрац, кровать и т. д.

В этот недолгий период жилось нам не плохо. Папа каждый день ездил в Москву на работу. Мама первое время не работала. Да и подыскать работу с её специальностью – чертёжницы, было не возможно.

Весну в Вельяминово мы встретили в приподнятом настроении и томительном ожидании чего-то очень хорошего. Ожидали, когда достроят дом в Москве, и мы туда переедем жить. А пока мы просто жили, и радовались. Наконец, мы жили с отцом. Он каждый день возвращался с работы на электричке. Мы, дети бегали к перелеску его встречать, а бабуся сидела и ждала его на крылечке. Приближалась пасха и майские праздники.

Дома поставили брагу. В большой молочный бидон разводили дрожжи в воде и сахар. Позже, когда она бродила, мама подкрашивала её чаем. Самогонку не делали, но и сама брага производила нужный эффект.

Помню, как я ради любопытства, а мне было всего 12 лет, выждала момент, когда в прихожей никого не было, зачерпнула кружкой пенящуюся брагу, и отпила. На вкус она была сладкой, пилась легко и приятно. Через несколько минут мне стало весело. Я зачерпнула ещё немного. В это время к нам зашел Серёжка Морозов. Серёжка застал меня за поглощением браги. Поскольку я уже была пьяненькая, так как брага быстро бросается в голову, я рассердилась на то, что Серёжка подкрался незаметно, и обозвала его уличной дразнилкой – «Серя-засеря». Он обиделся. В знак примирения я

зачерпнула и ему полную кружку браги... Когда он ушел, я вошла в комнату и легла на кровать, где моментально отключилась, пока не проспалась... Это был мой первый «опус» с употреблением алкоголя.

Пасху в советское время было не принято отмечать. Тем не менее, её отмечали в совхозе в каждой семье. Причём в «партийных» семьях это тщательно скрывали, а жены партийцев всем на показ, на пасху стирали бельё, и вывешивали его сушиться на верёвки.

В этом году мы всей семьёй сидели за настоящим пасхальным столом: были и куличи и пасха, и пироги, и, наверное, ещё что-то вкусное, хотя с продуктами было туговато.

Пасхальный стол

Бесплатная картинка с сайта – prodvigenie-bлаго.ru

Год был голодный. Но папа сумел достать всё необходимое, вероятно – с рынка, за деньги. Потом долгие годы, почти десять лет такого стола больше в нашей семье уже не было.

Часть 3

Школа

Поскольку мы приехали весной, и учебный год ещё не окончился, нас с Борькой сразу же отправили в школу. Естественно, школы в совхозе не было. Поэтому, мы ходили в школу в рабочий посёлок «Вельяминово» при станции. Я – в 6-й класс, Борька, кажется, в третий. Милочка пошла в школу только на следующий год.

Школа находилась в рабочем пристанционном поселке, от совхоза – за перелеском.

Весной, в разлив, когда таяли снега, и покрывали водой все поля и дороги, в школу можно было пройти только в резиновых сапожках. Дороги размывало так, что по ним и проехать-то было трудно, а уж нам пройти и того хуже. Ходили мы группками. И с нами, совхозными часто специально пристраивались ребята, чтобы помочь. Через огромные лужи, в которых наши детские резиновые сапожки запросто захлёбывались, ребята переносили нас на закорках. Когда уже наступал пик таяния снега, в школе объявляли каникулы.

Но особенно мне запомнились в нашем хождении в школу, изумрудные дорожки от наших следов. Когда рано утром выходили из дома, особенно после дождя, дороги были раз-

мытыми, и чавкали грязью. Тогда мы шли по луговой траве. Она была матовой от дождя или росы. Мы шли по траве, и после нас, как бы проявлялись, и ярко выделялись на поле изумрудные дорожки...

А зимой мне нравилось смотреть, как искрился слежавшийся снег. Я несколько раз с Борькой ходила в поле и лес – изучать следы.

И действительно, если сойти в сторону от утопанной тропинки, можно было найти следы зайцев, а, может быть, даже лисьи следы. Правда, я не уверена, что мы могли бы различить их...

Когда начались летние каникулы, мне так не хотелось расставаться со школой, что я продолжала бегать в неё и заниматься в ботаническом кружке. За школой был юннатский участок. Руководила кружком учительница ботаники. Мы вырастили в это лето огромные тыквы, подмосковные арбузы и ещё всякую другую овощ.

Когда осенью мы собрали урожай, к нам в школу приехали корреспонденты газеты «пионерская правда». Я помню – собранный урожай собрали кучками. Нас, юннатов, посадили в два ряда, разрежали арбуз, и раздали нам по кусочку. Прежде, чем снимать о нас фильм, нас проинструктировали. В основном, мы должны были кушать арбуз, улыбаться, но – ни в коем случае не должны были смотреть прямо в камеру. Началась съёмка. Всё шло отлично, до тех пор, пока я, увлëкшись «ролью», не выпятилась прямо в камеру. Что тут

было! Оператор заорал, женщина – режиссер стала его успокаивать – «Ну, что с них возьмёшь? Это же дети!»... .

Фильм не получился, а фотография в «пионерской правде» и статья о юных юннатах Подмосковья была. К сожалению, у меня не сохранилась...

Новая школа встретила меня ласково. Я быстро завела там подружек. Поселковая школа была трёхэтажная, кирпичная. Учителя – добросовестные, строгие, но человечные. Дети, в основном, из рабочих и «крестьянских» семей, и лишь за редким исключением, из семей служащих. Поэтому (да простят мне мою самоуверенность), я резко отличалась от остальных учеников.

Вскоре я стала лидером в классе, а потом и в школе. Школа была семилетка. Поэтому, я проучилась там второе полугодие 6-го класса, и затем – 7-ой. Сначала меня назначили пионервожатой в один из младших классов, затем выбрали председателем пионерской дружины. Меня никто не учил, что надо делать. Я просто играла. В школе была специальная пионерская комната. Я для начала решила, что она должна быть уютной по домашнему. У бабуси я выпросила несколько красивых салфеточек, связанных ею лично. Рукодельница она была высшего класса. Кроме салфеточек, кинула клич, и дети принесли из дома горшочки с цветами. В общем, мне так нравилось в этой пионерской комнате, что я чувствовала себя там, как дома.

А ещё мне запомнились линейки, на которых председа-

тели отрядов отдавали мне рапорта. А я стояла рядом со старшей пионервожатой, под пионерским знаменем. Был и барабанщик и горнист. В общем, я упивалась этим «взлётом» своего положения. Это чувство первенства и лидерства, инстинктивно потом преследовало меня всю жизнь, делало меня уверенной даже в моменты проигрышных ситуаций, придавало самоуверенности, и, наверное, помогало побеждать...

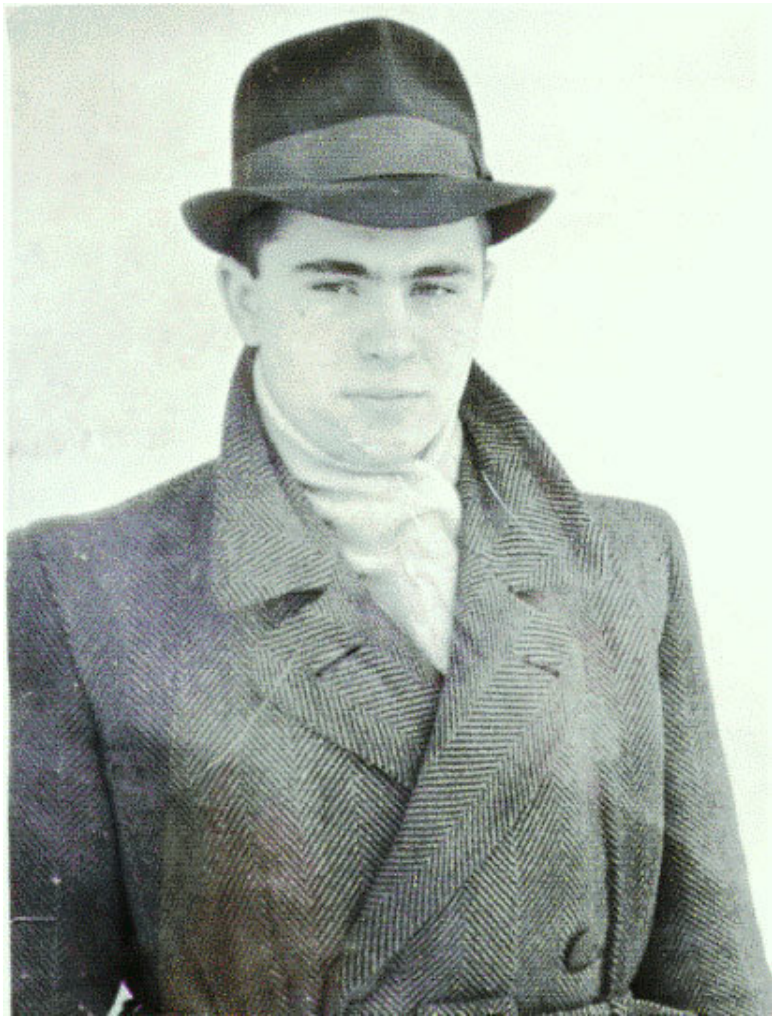
Часть 4

Серёжка Морозов

Серёжка Морозов, о котором я уже вспоминала, учился в 7-ом классе, и тоже был пионервожатым. Он и по возрасту был немного старше меня. Внешностью он был довольно таки симпатичным пареньком, и я, конечно, взяла его «на мушку»...

С Серёжкой мы подружились, хотя на меня он смотрел, как на ребёнка, а был всего лишь на пару лет старше меня. Но разница в возрасте, когда тебе – 13, а ему – 15 лет, вполне допускает флирт, или первую влюблённость.

У нас не было никаких объяснений, но вокруг нас создалось определённое магнитное поле, в котором нам было комфортно.

Сергей Морозов

С Серёжкой у меня связано одно любопытное воспоминание. Когда я училась в Москве, в кожевенно-обувном техникуме, я всё-таки порой приезжала в Вельяминово, к моим родным – Милочке, Борису, маме и бабусе.

В один из таких приездов, я, встретив Серёжку Морозова, на вопрос – чем я занимаюсь в свободное время, соврала, что – хожу на каток. Соврала для бахвальства. На самом деле я на коньках никогда не стояла вообще.

Серёжка ухватился за мою фразу, и сказал, что в ближайшие выходные приедет в Москву, и мы вместе пойдём на каток. Признаваться в том, что я соврала, было поздно, да и неудобно. В общем, договорились...

Я была самонадеянной. Да, к тому же, не представляла трудностей с освоением конькобежного искусства. Решила положиться на авось...

Позвала с собой на свидание девочку из нашей группы – Тонечку. Тонечка помогла мне обрядиться подобающим образом и мы отправились на свидание. Серёжка приехал во время. Взяли коньки с ботинками на прокат. Они ловко одели коньки, помогли и мне. А затем – началось. Подхватив меня с двух сторон, они доковыляли со мной до льда. А там, как только они меня отпустили, я растянулась лягушкой на льду. Ноги дрожали от напряжения. Но никакая самоуверенность не помогла мне сразу встать твёрдо на ноги на льду.

Они пробовали кататься втроём, держа меня за руки с двух сторон. Но ничего не получалось. Я вихлялась между ними, напоминая ваньку-встаньку.

Наконец, им это надоело. Они с моего согласия, посадили меня на одну из скамеек, которые стояли в некоторых местах, по краю катка. Я сидела и мёрзла, наблюдая за проносящимися мимо парами, или одинокими конькобежцами.

Периодически, мимо меня, сделав круг, мелькали, проезжая – Серёжка и Тонечка. Весёлые, раздумяившиеся, счастливые. Иногда они подъезжали ко мне, спрашивали – не замёрзла ли, и, виновато просили моего согласия на то, чтобы они проехали ещё кружочек... За свою ложь я наказала себя сама.

Потом Тонечка мне призналась, что они с Серёжкой ещё несколько раз встречались и ходили на каток. Так мне и надо...

Не знаю, какое продолжение могли бы иметь наши отношения с Сергеем, но летом его забрали в армию.

Как и полагается везде и у всех, мать (отца, у него не было) организовала проводы Сергея в армию. Все совхозные девчонки готовились к проводам, и каждая вышивала ему на память платочек. Я не умела ни шить, ни вышивать, но платочек я приготовила тоже. Был он каким-то не красивым, похожим на изделие, состряпанное детскими руками в пер-

вом классе, на уроках труда. Но, что поделаешь. Я многим этим премудростям научилась позже. А в этот раз – что вышло, то вышло...

Всех провожающих пригласили за стол. Те, кто были постарше меня, пригубили самогоночки, и что-то поели. Пели песни, плясали под гармошку, отбивали дробь и пели частушки. Всё, как бывало обычно в таких случаях.

Потом началось прощанье. Гости одаривали Сергея принесёнными подарками. В основном это были безделушки, но полезные, которые могли ему пригодиться вдали от дома. А девчонки подходили к нему по одной, дарили ему свой платочек, а он целовал каждую из них в губы. Подошла и я. И мне достался поцелуй – первый в моей жизни поцелуй с юношей.

Вот так всё хорошо начиналось...

Часть 5

Арест отца

Однажды летом, когда Милочка и Боря побежали вечером встречать отца к перелеску, он не приехал. Вместо него кто-то привёз, неожиданную для нас, страшную новость – отца арестовали...

Спустя столько лет, я не помню точно, что ему вменялось в вину. Но суть этого дела была в следующем.

Отец выполнял одно задание: между двумя, стоявшими на близком расстоянии друг от друга домами, нужно было построить смычку из жилых квартир, начиная со второго этажа и выше, оставив внизу проезд для машин, что-то вроде ворот. В Москве находился его двоюродный брат – Василий Степанов. Сын кого-то из братьев Степановых (детей Иродиона Григорьевича), но кого – не знаю. Отец дал ему возможность подработать – сделать проект и смету на порученный объект.

Довели строительство до второго этажа, и вот – всё это обвалилось вниз. Слава богу, всё случилось ночью, и не было никаких жертв.

Велось следствие. Стали проверять расчёты, сметы. А сметы составлял папин двоюродный брат Василий. А он был без высшего образования, как и отец. Папа, хоть бросил

строительный институт с третьего, или четвёртого курса, а у Василия не было и этого. Он допустил не точности в расчётах, а отец не перепроверил. Папа по договору был основным подрядчиком.

Василий не был оформлен вообще. Поскольку у обоих была фамилия – Степановы, и на всех документах стояла подпись отца, папа взял полностью ответственность за ошибки в расчётах на себя... Брата он выгородил, а сам загремел, как говорят, «на полную катушку».

Отец всю вину взял на себя. В общем-то он действительно был виноват: доверил, не проверил и т. д.

«Подфартило» ещё и то, что в это время издан был жестокий Указ, номер которого я запомнила на всю жизнь – «Указ от 04.07.47 года».

Указ Президиума ВС СССР от 04.06.1947

УКАЗ. от 4 июня 1947 года. Об уголовной ответственности за хищение... карается заключением в исправительно-трудовом лагере на срок от десяти до двадцати пяти лет с конфискацией имущества.

.....

По этому Указу сажали хоть за булку, хоть за мешок картошки, хоть ещё за какие-то провинности, на срок от десяти и выше.

Указ сопровождался множеством АКТОВ и ПОЯСНЕНИЙ, объясняющих – какие преступления могут быть подведены под этот Указ.

В том, что случилось с отцом – прямого хищения не было. Видимо, был определен размер уже произведенных затрат на момент обрушения – на материалы и строительные работы и отнесен их к убыткам, допущенным по вине руководителя строительства, т. е. – моего отца. И эти убытки были приравнены к – растрате государственного имущества.

Отцу дали 12 лет лагерей.

Срок отбывал он в Иркутске, а семья была вынуждена «задержаться» в совхозе, в бараке.

Часть 6

Барак

Нас всех переселили из «квартиры» в обычную барачную комнату в соседнем бараке, со всеми остальными последствиями сложившейся ситуации.

Так оборвались все наши мечты и солнечные ожидания московской квартиры и сладкого будущего...

Начались трудные долгие голодные и холодные годы борьбы за выживание и ожидания возвращения отца.

Нас осталось пятеро: безработная мама, мне – 12 лет, Борьке – 10, Милочке – 6 лет, и бабуся. Весь наш доход сводился к малюсенькой бабусиной пенсии по старости. В своё время она бросила работу, чтобы воспитывать нас троих. Рабочий стаж учительницы был не велик, и к пенсии по старости ничего не добавлял.

На фото: Мой брат – Борис, Виктория, Я (Ираида), моя сестрёнка – Милочка, тётя Рая с Иришкой и наша мама – Нина Николаевна Степанова.

Начали с того, что мама пошла искать работу.

Дальнейшие подробности, касающиеся работы моей мамы, я черпаю из её трудовой книжки и различных справок.

Сначала ей повезло и она устроилась на работу в торговой закупочной базе СТРОЙ ОРСА – заведующей столовой. Обеды в столовой готовились для рабочих строй участка этой базы, которые вели какое-то строительство на ж/д станции – Вельминово.

Приказ № _____

мш

До Торгово-закупочной базы Стройтреста № 1

ст. Одинцово

9 февраля 1948 г.

В связи с переездом основного контингента рабочих
на стройучастка со ст. Вельяминово приказываю:

§ 1

столовую на ст. Вельяминово закрыть 10 11 48 г
зав.столовой т. Степанову от заимчивой должности
освободить и назначить ее зав.ларьком ст. Вельяминово

§ 2

Руководящего повара т. Кобелевски и смен. повара т. Петрову
перевести в столовую на ст. Перкузово смен. повара
т. Ганову перевести в столовую на ст. Одинцово

§ 3

Т. Степановой все кухонную посуду и инвентарь находящийся
в столовой на ст. Вельяминово доставить на ст. Одинцово
и передать по акту зав.столовой т. Ганову

Т.З.С.

Сидя *Росин*

ПРИКАЗ

По торгово-закупочной
базе.....

Ст. Одинцово

9 февраля 1948 года

В связи с переездом основного контингента рабочих

с 1-го стройучастка

со станции Вельяминово ПРИКАЗЫВАЮ:

1

Столовую на станции Вельяминово закрыть
10.02.48 г.

Заведующую столовой Степанову Н. Н. от
занимаемой должности освободить и назначить её зав.
ларьком на станции Вельяминово.

2

Руководящего пекаря тов. Круглякова и сменного
пекаря тов. Петрову перевести в столовую на станцию
Перхушково. Сменного повара тов. Агапову перевести
в столовую на станцию Одинцово.

3

Тов Степановой всю кухонную посуду и инвентарь,
находившийся в столовой на станции Вельяминово
доставить на станцию Одинцово и передать по акту зав.
столовой тов. Ганеку.

Но строительство закончилось, и бригада была переведе-
на в другое место.

Маму перевели – заведующей ларьком на станции Велья-
миново.

Но потом и ларёк закрыли. И маме пришлось перейти на
работу в совхоз, где мы все жили...

Дальше в трудовой книжке продолжают следующие за-
писи...

1. 1948 г. С 26 / V – Совхоз Вельяминово УРСа Мос
Узла МПС

– Приказ № 62

– Зачислена на работу рабочей в полевые работы.

2. 1949 г. 03. 06 –Приказ № 85

– Переведена на должность бригадира
животноводства.

И т. д. ...

С 20 / V 48 г. – работала на разных полевых и совхозных
работах.

Работа на вейлке Моя мама на снимке – крайняя слева.

Её профессия чертёжницы была, естественно, не востребована. Сначала она работала на совхозных работах, по принципу – куда пошлют...

Но в конце года нужно было совхозному начальству составлять техпромфинплан на следующий год и сводный баланс за прошедший. У мамы это хорошо получилось, и впоследствии, её каждый год привлекали к этим работам.

В остальное время она перепробовала разные специальности, и перебивала на разных работах. В трудовой книжке ей записали, что она назначена на должность бригадира животноводства.

На самом деле она продолжала работать – куда пошлют, а иногда помогала в составлении отчетных работ в конторе. Вот тогда-то и появилась запись о том, что она якобы работает бригадиром животноводства.

На самом деле она продолжала работать – куда пошлют, а иногда помогала в составлении отчетных работ в конторе. Вот тогда-то и появилась запись о том, что она якобы работает бригадиром животноводства.

СССР

МИНИСТЕРСТВО ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ

ОТДЕЛ РАБОЧЕГО СНАБЖЕНИЯ

ЦУД МПС

Совхоз «ВЕЛЬЯМИНОВО»

29 августа 1949 года _____

№ 165 _____

СПРАВКА

Дана настоящая Степановой Нине Николаевне в том, что она действительно работает в совхозе ВЕЛЬЯМИНОВО УРСа Мосузла ГЛАВУРСа МПС в качестве бригадира животноводства и получает оклад заработной платы 450 рублей в месяц. На своём иждивении имеет 4-х не трудоспособных членов семьи.

Справка дана на предмет предъявления и в школу.

ДИРЕКТОР

.....

С П Р А В К А

Совхоз "ВЕЛЬЯМИНОВО"

24 августа 1967 г.

№ 365

г. Вельяминово

Дана настоящая рабочей совхоза "Вельяминово" УРСа МосУзла МПС С т Е П А Н О В О Й Нине Николаевне в том, что она действительно работает в совхозе в качестве рабочей по наряду и получает в среднем зарплату 200-250 рублей в месяц. На своём иждивении имеет: мать мужа 70-ти лет и троих детей школьного возраста от 10 до 16 лет. Хозяйства никакого не имеет.

Справка выдана для предъявления по требованию.

СПРАВКА

Дана настоящая рабочей совхоза «Вельяминово» УРСа МосУзла МПС Степановой Нине Николаевне в том, что она действительно работает в совхозе в качестве рабочей по наряду и порлучает в среднем зарплату 200–250 рублей в месяц. На своём иждевении имеет: мать мужа, 70-и лет, и троих детей школьного возраста от 10 до 16 лет. Хозяйства никакого не имеет.

Справка выдана для предъявления по требованию.

Директор

совхоза.....

Секретарь.....

В летние каникулы я и Борька тоже выходили на работу – «куда пошлют». Это делалось так. К 7-и утра все подходили к конторе. Выходил на крыльцо агроном и зачитывал разнарядку. Он называл фамилию бригадирши (в основном, все бригадиры были женщинами), называл место работы (например, на прополку свеклы или капусты и т. п.), и перечислял – кто зачислен сегодня в эту бригаду. Когда все были названы, к нему подходили не постоянные, а временные, не заявленные накануне, желающие поработать, вроде нас. Он секунду думал, а потом направлял нас в какую-нибудь бригаду.

Работать с непривычки было тяжело. Солнце печёт, дождь ли крапает, всё одно – работать надо в любую погоду. Грядки длинные, нам иногда казалось, что они бесконечные. Опытные совхозницы по грядке идут быстро, пропальывают играючи. Вскоре мы их видим уже на далёком конце грядки. А в конце грядки – лес. Дойдя до края грядки, они ложатся на траву в холодок и несколько минут отдыхают. Когда мы добираемся до конца гряды, они уже встают на новые грядки и начинают свой «бег» в обратную сторону.

А мы... Спины болят, руки скрючиваются от напряжения и усилий. Норму, естественно, мы выполняли редко. Платили нам копейки. Но и эти копейки были для нас каким-то маленьким спасением. Ведь, помощи нам ждать было не откуда.

А однажды, возвращаясь с дальнего поля лугами, я увидела распустившиеся цветы. Это были метёлочки светло ма-

линового цвета. Я сорвала, понюхала, и задохнулась от сладкого медового запаха. Придя домой, я пошептала с Борькой. А утром рано-рано, мы пошли на луг и нарвали две огромных охапки цветов. Сели на электричку в тамбур, чтобы успеть убежать от ревизоров в другой вагон.

В Москве сразу же прибежали на базар. В те годы, на площади, прямо напротив павелецкого вокзала был колхозный продуктовый рынок. Мы встали в конце рядов, положив охапки цветов прямо на землю, стали складывать их в букетики и протягивая их в руках, предлагали проходившим мимо – купить их. И их покупали.

К концу наши цветы увяли, ведь они были уже столько времени без воды. И всё – таки, мы продали все цветы. Не так уж много мы выручили денег. Помню только, что мы купили молока и белые булки хлеба. Мы были голодные, и с удовольствием сразу же уплели целую булку на двоих. Остальное привезли домой.

На следующий день утром мы опять побежали на тот же луг. Но к нашему удивлению мы не нашли там цветов. Как будто это были цветы одного дня...?

Осенью я и Борька пошли в школу.

Бабуся выполняла все основные работы по дому: стирка, уборка, а главное – ежедневная топка печи и готовка еды при полном, практически, отсутствии продуктов. Не было и дров.

Я помню, как бабуся брала меня и Борьку с собой в лес.

Мы ходили и собирали хворост. Сначала этот хворост стаскивали в три кучки. Потом эти кучки надо было стянуть верёвками так, чтобы было удобно нести, и он не рассыпался бы. Если при поиске хвороста нам попадались грибы, мы их собирали, и бабуся варила грибной супчик.

Мама продолжала работать – куда пошлют по разнарядке...

После тяжелых полевых работ, мама похудела, лицо обветрилось, руки огрубели, а душа изболелась от безысходности, полуголодной жизни семьи, и бесперспективности существования...

Моя мама – Нина Николаевна Степанова

А ещё мы ходили «на промысел». Собиралась нас группа ребятшек, а иногда и подростков, и мы осуществляли набеги на совхозные огороды. На огурцы и помидоры мы не покушались. Эти огороды охранники оберегали с ружьями, могли и подстрелить. А вот помню точно, лазили ночью за морковкой. Делали это ночью. Выжидали, когда сторож, обходя вверенный ему участок, пройдёт в другой конец. Потом нужно было перебежками или ползком пробежать подальше от края. Одежду одевали, как говорят, не со своего плеча, чтобы можно было за пазуху или в штанины накидать побольше той же моркови.

А ещё мы лазали за горохом. Заходили днём, со стороны леса. Ночью мы горох не отыскивали бы среди его зелёных стеблей. Да и бдительность у сторожа днём ослаблена. Наверное, он не верил, что посреди ясного дня, у всех на виду найдутся наглецы.

В отношении гороха лучше всего получалось у Борьки. Он маленький, худенький, заползал в заросли гороха, его и не видно было. Наберёт полную пазуху стручков, вылезет с грядок и стрекача к лесу. Потом мы садились в лесу и наедались гороха до отвала.

Ближе к осени мне довелось пару раз попасть по разрядке на сбор помидор.

Вдоль длинных грядок расставляли корзины так, чтобы удобно было с любого места относить к ним собранные по-

мидоры. Рвать можно было розовые и бурые. Краснеть почему-то им не приходилось – их собирали раньше. А, может быть, потому что, они не вызревали в Подмоскowie под открытым небом. Иногда попадались почти красные помидоры.

В первый раз я не поняла, почему все женщины брали с собой в карманы в бумажечки соль. А оказалось, «ларчик просто открывался». Без соли не очень спелые помидоры не съедобны. Вернее, можно, конечно их съесть, но не много. А вот, если сорвёшь даже бурый помидор, разломишь его, посолишь, а он – душистый, как говорят – сахарный, сочный, вкуснятина...

Но после работы взять с собой помидоры никто не решался. За это могли сдать тебя «органам»... И поехала бы я по тому же Указу вслед за отцом в дальние лагерь...

Часть 7

Серые будни

На этой фотографии – наша семья (кроме бабуси) с приехавшими к нам в гости родственниками из Ташкента: жена бабусиною племянника Анатолия Мейстрик – Раечка с дочками.

Слева – направо: Борис, Вероника, я (Ираида), Милочка, Раечка Мейстрик с младшей дочкой и мама – Нина Николаевна.

Но главное в этом снимке – мы сфотографированы на фо-

не барака, куда нас переселили после ареста отца. От крыльца – слева окошечко с отдёрнутой занавеской нашей комнаты. Перед окном небольшая изгородь с миниатюрным палисадником-огородом.

Новый 1947 год мы уже встречали в другом бараке. Мы для совхоза уже не были семьёй работника министерства. Мы превратились в обузу. На улицу нас, конечно не выгнали, но, чтобы жить в совхозе, в нём должен был кто-то работать из семьи. Работала мама – куда пошлют, или где пригодится.

Из нашей «квартиры» нас переселили в другой барак, в среднюю часть его. Это большой тамбур, а по бокам его – две комнаты. Левая была – наша.

При входе справа – большая русская печь, которая жрала много дров. А по стенкам стояли: две древние бабусины кровати с металлическими набалдашниками – шарами; ещё две металлические казённые кровати – обычные, какие стояли раньше в госпиталях или в рабочих общежитиях; буфет, который везде переезжал с нами – из Астрахани в Казань, затем в Киев, и, наконец, в Вельяминово; у окна – стол; несколько старинных стульев с высокими спинками и пара табуреток. Да, забыла ещё про сундук, на котором прошло наше раннее детство в Казани.

Для совхоза это была роскошная обстановка. Для нас – остатки старой потёртой рухляди, а для бабуси – последнее, что осталось от былой роскошной мебели с пианино, чехла-

ми и прочими прибабасами.

Жизнь была голодной и холодной. И хотя совхоз выделял дрова, их приходилось беречь. Протопив печь, нужно было беречь тепло, чтобы не замёрзнуть ночью. Боря с Милкой спали на печи, а мы, остальные – располагались на кроватях под кучей одеял и телогреек. Около двери стелили половички и тряпки, чтобы тепло не убежало через щели. Если кто-нибудь входил, то вместе с ним в комнату врывались клубы морозного воздуха. Лица с улицы были у всех красные, а на валенках – снег, который не весь удавалось сбить веником в коридоре.

Я по прежнему пропадала в школе. Домой идти не хотелось. Бабуся знала, что я целый день практически без еды. И старалась мне чего-нибудь передать из дома. Милка приносила мне эти передачи. Сейчас она вспоминает, как несла мне в кружке винегрет – картошку со свёклой, естественно, без масла. Это было деликатесное блюдо. Милка несла его, а ей так хотелось есть. Но она донесла эту кружку. А я, вроде бы не была бесчувственной и бессердечной, но взяла эту кружку и спокойно съела винегрет. Я почему-то думала, раз бабуся прислала мне эту порцию винегрета, значит дома свои порции они уже съели. А Милка смотрела, и – глотала слюну...

Я во многом виню себя за такие чёрствые поступки с моей стороны.

Но я не задумывалась над многим. Я просто жила, плыла

по течению.

И будучи с одной стороны довольно развитой и эрудированной девочкой, я оставалась наивным ребёнком, и, наверное, эгоисткой.

А как иначе назвать такое бессердечие?

Это, когда я потом вышла замуж, на протяжении всей своей жизни – лучшие кусочки и порции я отдавала – Виктору и детям, а себе – только в последнюю очередь... Эта привычка перешла ко мне от бабуси. Но это будет – потом... А – пока...

Директором школы у нас был Иван Ефимович Егоров. Он преподавал историю (а, может быть, математику? я уже сейчас и не помню), а его жена – немецкий. У них не было детей. Они очень хорошо относились ко мне. Пару раз приглашали к себе в гости, кормили обедом и расспрашивали о нашей семье. Однажды они попросили, чтобы мама пришла в школу. Они долго беседовали с ней. Как оказалось, они предлагали маме отдать им меня на воспитание. Они готовы были удочерить меня. Мама, конечно, отказала им сразу. Как им повезло! Они наплакались бы со мной вдоволь. В конце концов, я сбежала бы от них, и не обязательно домой.

Весной, когда растаял снег, мы бегали в огороды, где по прошлому году росла картошка. Копали оттаявшую сверху землю, и выбирали промёрзшую картошку, которая случайно осталась в прошлом году в земле. Я не помню рецепт приготовления кавардашек. Картошку мороженую замачивали, потом протирали, кажется, добавляли то ли отруби, то ли

ещё что-то, а потом пекли и ели ещё горячими. Может быть, что-то путаю, но мне вспоминается, что, когда печка была очень горячая, мы брали сырые кавардашки, делали из них лепёшки и пришлёпывали их к горячим стенкам печки, и с нетерпением ждали, когда они пропекутся.

Часть 8

Большая Мартыновка

Чтобы хоть как-то, хоть не на долго продержаться в этой без исходной обстановке, бабуся списалась со своей сестрой – ФАИНОЙ АЛОНИЕВНОЙ, и, наскребя на билеты, взяв с собой Борю и меня, поехала в Большую Мартыновку, Ростовской области. Всё таки у тёти Фани был свой садик, а значит – бесплатные фрукты и витамины. А ещё – были курочки, которые несли яички.

Ехать надо было до станции «Куберле». А потом на автобусе уже до станицы – «Большая Мартыновка». Нам с Борькой было всё в радость. Новые места, не надо было работать в совхозе...

Когда мы сошли с автобуса, оказалось, что до тёти Фаниного дома нужно ещё добираться на чём-то. Нас довез на телеге какой-то добрый дядька. Это, оказывается, была не телега, а арба. Она отличалась от телеги тем, что была ниже и с бортами. Когда мы подъезжали к большой, выгоревшей на солнце, и покрытой пылью, площади, увидели на ней непонятных животных. Мы с Борькой предположили, что на земле лежит корова, а на неё сбоку навалилась другая, и отдыхает. Но оказалось, что на земле лежал верблюд. Мы просто никогда не видели верблюдов вне зоопарка.

Вокруг станицы была степь. Зелень была лишь в садиках и палисадниках, около домов. Каменных домов было не много. Они стояли в основном, в центре станицы. Вероятно, это была школа и другие административные здания. А собственные дома в основном были все деревянные.

Дом тёти Фани и дяди Вани был деревянным, с садом и палисадником. Тётя Фаня была младшей сестрой бабуси. Между ними была разница в возрасте аж – 20 лет. Её дети – Миша и Светлана (Лана), хотя и были на два года моложе меня и Бори, приходились нам – дядей и тётей.

Поскольку мы все были примерно одного возраста – компания у нас составила для озорства отменная. Бабуся всё время ставила мне в пример Светку, поэтому она меня сразу же стала напрягать. А Мишка был безобидным, добрым, мягкотелым мальчишкой, с Борькой они сдружились.

Вот старая фотография дома тёти Фани. Это – Большая Мартыновка Ростовской области. Дом дожил до наших дней. И теперь в нём живёт дочка Фаины Алоньевны, наша ровесница, больная, одинокая, заслуженная учительница истории – Светлана Ивановна Фирсова...

Фаина Алониевна Фирсова (Мейстрик)

Мне кажется – эта фотография немного позднего времени.

Но других фотографий у меня нет.

Днём мучила жара. Тётя Фаня готовила обед. Мы отъедались. Потом нам стелили на пол (там было прохладнее) матрасики и нас заставляли отдыхать. Мы, конечно, не спали, но в пик жары, всё равно, заниматься было нечем.

Днём в доме ставни были закрыты. Это позволяло сохранять ночную прохладу. А к вечеру, когда солнце закатывалось за горизонт, жаркий сухой воздух, который тянулся из степей на улицы станицы, сменялся тёплым, пахнущим парным молоком и сухими травами – лёгким ветерком. Свежесть опускалась на землю...

Что особенно запомнилось из нашего гостеванья? – Курочки. У тёти Фани было несколько собственных курочек, которые несли яички, опять же, которые мы с удовольствием глотали в любом виде. Борька сам бегал по утрам и вынимал свежие яички из куриных гнёзд.

Ещё запомнилось, что однажды нас тётя Фаня взяла с собой в гости к знакомым на пасеку. Тётя Фаня была врачом офтальмологом, поэтому её знала вся Мартыновка. Помню, хозяин нас усадил в саду, за маленький столик и вынес нам по тарелке с жидким мёдом и по кружке с холодной водой.

Вот, если бы он дал к мёду нам по куску хлеба, я уверена, мы съели бы всю тарелку мёда. А так, прихлёбывая воду, всё равно ощущалась приторность сладкого мёда. И много его нам съесть просто не захотелось. Но запомнилось...

Школа, в которой учились Света и Мишка, объявила сбор всех пионеров и комсомольцев. Нужно было пропалывать кукурузу, с тем, чтобы степная грубая трава не забила нежные стебли кукурузы. Мы с Борькой проявили патриотизм и увязались на это мероприятие.

Работалось тяжело. Жара. Перчатки мы не догадались взять из дома. Трава была жёсткой, резала и царапала ладони. Но мы были «гордые», и упорно старались не отставать от местных ребятишек, которым такая работа не была в диковинку.

Вот тот самый мост через реку Сал, которую я переплыла, практически не умея плавать...

Фотография из интернета. Сразу файл не записала, а потом вновь не нашла...

Обратно возвращались с поля мимо речки «Сал», которая протекала через станицу. Река была не особенно широкой, но достаточно глубокой и быстрой. Многие пошли через старый деревянный мост, а группа ребят, уставшие после работы, с удовольствием кинулись в воду, решив переплыть Сал.

Борька пошел через мост, а я решила тоже переплыть реку. Расстояние было – метров 150–200. Плавать по собачьи я уже умела (даже тонула в Днепре), но здесь силы я, конечно не рассчитала. Купальника у меня не было, стесняясь, я в воду так и пошла в белой кофточке и коротких шараварчиках. Сначала плыла нормально, потом стала отставать от основной группы, потом почувствовала усталость. Нужно было следить, чтобы течение не снесло в сторону. Плыли вдоль моста. На середине я почувствовала, что выбиваюсь из сил. Кто-то заметил, крикнул ребятам. Двое подплыли, и предложили держаться руками за них. Я гордо отказалась, и продолжала плыть. Они подстраховывали меня с двух сторон. Я доплыла сама. Но в общем-то мероприятие было рискованным... Всё хорошо, что хорошо кончается.

Среди ребят я отметила одного мальчика. Мне он показался красивым. Был он очень правильный. Как и я в школе, он был председателем совета дружины. Ребята его уважали, и как мне показалось, даже слушались. Он мне представлялся героем из повести «Тимур и его команда».

У Светки были фотографии многих ребят из школы, и была малюсенькая фотография этого мальчишки – Бориса Погорелова. Фотографию я увезла потом с собой. Может быть, я придумала себе эту «симпатию». Не важно, но какие-то флюиды пробежали между нами.

Вернувшись в Вельяминово, я написала ему письмо. Он ответил. Но встретились мы с ним только в 1953-ьем году, когда он приехал в Москву и поступил учиться в институт. Тогда у нас завязалась длительная переписка. Но это уже относится к событиям 1953-го года...

Бабуся не могла наговориться с тетей Фаней. Уже в живых из многочисленной семьи Мейстриков остались только дядя

Витя в Ташкенте, и тётя Фаня в Большой Мартыновке. Больше она ни с кем из них при жизни не встречалась.

Света после школы поступила в институт и стала историком. Всю жизнь она проработала в Мартыновской школе. В отпуска приезжала к нам в гости. Когда я ездила в командировку в Таллин, я её однажды взяла с собой, устроила в гостиницу, показала город, ездили по экскурсиям. Она осталась очень довольна. Замуж она вышла поздно, но уже через три года развелась. Он решил вернуться на родину, а она ехать с ним не захотела. Больше она замуж не выходила, хотя попытки такие были. Но или она была слишком требовательна, или не нашлось мужчины, равного ей по интеллекту, не знаю, но в этом смысле жизнь у неё не сложилась.

Миша тоже долго не женился. Позже он создал семью со Светиной подругой, которая была немного старше его. Они любили друг друга и жили дружно. Позже он уехал с ней в Астрахань, к истокам своей родословной, где и умер в январе 2012 года.

Мы – Ираида и Борис в Б. Мартыновке

Осталась фотография, на которых мы запечатлены с Борисом в Мартыновке и – благодарные воспоминания о гостеприимстве семьи тёти Фани – бабусиной сестры...

Часть 9

Лето

49-ой год набирал обороты.

Я окончила 7-ой класс, и распрощалась со школой. Надо было думать, что делать дальше. Учиться в 8-ом классе можно было только в Михнево, так как в Вельяминово десятилетки не было.

Возможно, на центральной усадьбе и была школа, но туда надо было ходить за три км. в любую погоду. А зимой, говорят, из леса в поля выбегали и волки.

Можно было поступить в техникум какой-нибудь в Москве. Но это был бы крах всем мечтам бабуся. Столько сил и надежд она в меня вложила, что представить меня без высшего образования – это просто кощунство.

Но впереди было лето. Можно было ещё подумать.

Как только окончилась учёба, я и Борис опять пошли работать в совхоз. Посылали нас на разные работы. Помню, мы набивали в теплицах торфяные горшочки землёй для рассады, сушили, и скирдовали сено, пропалывали всё, что можно.

Но был однажды и курьёзный случай. Меня определили в бригаду на дальний участок по заготовке сена. Внутри бригады нужно было кого-то назначить поваром. И вот, у ко-

го-то пришла на ум дикая мысль, которую подхватили все – назначить поваром меня. А ведь, я ещё никогда в жизни не готовила, живя за бабусиной спиной.

Котёл на костре.

CC0 Public Domain

Бесплатно для личного и коммерческого использования

Я не знаю, что там я вытворяла, когда все ушли с рассветом на косьбу. Я налила в котёл пару вёдер воды. С трудом разожгла огонь. Потом в кипяток сыпала пшенку и ещё что-то. В общем, когда пришла бригада на обед, пшенка была сырая, похлёбка не солёная, и вообще не съедобная.

А они набрали грибов и хотели быстренько добавить их в суп вместо мяса.

Добавили. Но уже без меня. Поварихой выбрали другую девушку. Нюра быстро доварила похлёбку, добавив в неё грибы, соль, лаврушку, может быть, ещё что-то. Но было очень вкусно, а главное сытно.

К котлу меня больше не подпускали. Косить меня тоже не брали. В основном я и ещё пара девчонок, ворошили ряды скошенного сена, чтобы оно не слежалось и не загнило от росы. Мне вспомнился ещё один случай, связанный с заготовкой сена.

На этот раз совхозу была выделена делянка в лесу, на огромной поляне, за 15 км. от совхоза. Жили в палатках. Воздух, настоящий на высыхающем сене, пьянил. Я вместе с другими девчонками в основном сушила сено.

Вот такими рядками было разложено скошенное сено для просушки

Бесплатные изображения

<https://pixabay.com/ru/photos/search/geh%C3%A4kelt/>

Это, когда идёшь с граблями сбоку ряда скошенной травы и переворачиваешь траву на другую сторону – это до обеда. А после обеда – то же самое, только наоборот. Но главное, нас кормили пшеничными супами и кашами.

Настал момент, когда трава со всей делянки была скошена. Косари уехали первыми. Высушенная трава, т. е. теперь уже – сено, скирдовалась на поляне и постепенно вывозилась тракторами с прицепами в виде больших тележек.

За последними девчатами, в свою последнюю езду, трактора должны были приехать следующим утром, а в тот день, после обеда все отдыхали. Я соскучилась по своим, и заявила, что ждать не буду трактора, а пойду пешком домой.

Шла дорогой, которая временами сужалась до маленькой тропки, и только колеи по её бокам напоминали, что здесь проходили телеги, или трактора. Я всё шла, шла, шла, а дорога не кончалась. Я не знаю, сколько уже прошла километров, когда на лес опустился внезапно сумрак.

Небо тяжелело и всё ниже опускалось к земле. А я всё шла, шла, пока в наступившей темноте не наткнулась на торчащий передо мной куст. Я сделала шаг влево, опять куст, – вправо, опять куст. Я поняла, что в темноте сбилась с тропы, и скорее всего, заблудилась.

Прохлада окутала всё вокруг. С каждой минутой свежесть превращалась во влажный холодок, затекающий за шиворот. Сесть на сырую землю и просидеть до утра – не выход из положения. Тогда я стала продвигаться практически на ощупь вперёд. Почему-то мне стало казаться, что передо мной не проходима чаща. Куда – бы я не вступила, везде натыкалась на какие-то заросли.

Постепенно, вместе с ночной лесной прохладой, в мою маленькую душу заползал страх. Было страшно идти в темноте, ещё страшнее было стоять на месте. Когда я останавливалась, прижимаясь от страха к какому – не будь дереву, как бы ища у него защиты, я замирала, и в эти мгновения я слы-

шала как громко стучит моё сердечко.

Пожалуй, это был первый страх в моей не долгой ещё жизни. Когда я замирала на месте, сначала слышала тишину, полную тишину. А потом начинали, сквозь эту тишину, оживать лесные голоса. Птицы молчали. Но потом мой слух начинал различать какой-то шелест, шепот, шуршание. Лес жил своей ночной жизнью. Но, поскольку эта жизнь была скрыта темнотой, и не известно было, что за ней скрывалось, было страшно вдвойне.

Выбившись из сил, я села на корточки, прислонившись к какому-то стволу, и уже решила так дожидаться рассвета, как вдруг, ясно различила далёкий лай собак. Я поняла, что где-то в той стороне должно быть жильё. И пошла напрямом в этом направлении. Я не помню сколько я шла, вернее, продиралась на ощупь, но, наконец, лес поредел, и я, действительно вышла сначала на поляну, а потом, на край деревни. Страхи отступили. Я постучалась в первый же дом, и спросила – где находится сельсовет. Женщина, вышедшая на крыльцо, расспросила меня, и сказала, что в сельсовете уже никого не застану. Подумав, она пустила меня на ночлег...

Утром, когда я выспалась, видела, как по дороге проехали трактора в направлении нашей делянки. Я решила, что зачем тратить силы на ходьбу, когда можно дождаться своих. Часа через два, действительно, показали на дороге возвращающиеся трактора с сеном, на котором возлежали наши девочки. Я прыгнула к ним на телегу, и домой добралась уже без

дополнительных приключений...

Когда сено было хорошо просушено, мы его собирали в копёшки. Сухое сено на тракторах с прицепом увозили в совхоз. Как сейчас помню, на той же лысой площади в совхозе, по кругу устанавливали высокие копны, которые зимой припорошивало снегом. Сено оттуда брали в коровник.

Кстати сказать, почти вся продукция совхоза, включая и молочную, отправлялась в Москву, как для предприятий МПС, так и для самого министерства. За свои деньги можно было покупать совхозные продукты. Для этого надо было написать заявление, оплатить их стоимость в конторе, а потом получить их со склада или хранилища. Но нам это было не по карману. Поэтому молоко мы выписывали очень редко...

Лето кончалось. Нужно было что-нибудь решать. Несмотря на свою маленькую пенсию, нашу мизерную зарплату на заработанные трудовые дни, и мамины получки, бабуся за лето скопила маленькую сумму денег. Нужно было что-нибудь купить к зиме нам, детям.

Но в первую очередь бабуся решила одеть меня, так как было решено отправить меня на учёбу в 8-ой класс, в Михнев, в интернат. С этой целью бабуся взяла меня с собой, повесила на шею мешочек с деньгами, спрятав его на груди, и мы поехали на вещевой рынок.

Я не помню, где он был, но только точно знаю, что находился он за городом, то есть, в ближнем тогда Подмосковье. Нужно было нам доехать до Москвы, потом, до како-

го-то другого вокзала, и опять на электричке несколько остановок.

Сразу же, недалеко от платформы начинался этот вещевой рынок. Его цивилизованным рынком нельзя было назвать. Это была огромнейшая толпа народа, колышущаяся людская масса,двигающаяся одновременно в разных направлениях. Каждый второй что-то держал в руках – продавал, каждый другой второй – покупал. Мы долго толкались туда-сюда. Наконец, бабуся сторговалась, и купила мне старенькие валенки. Задники их были обшиты, а подошвы – нет. Поэтому на них померили и одели калоши.

Кроме того, бабуся купила небольшие отрезы тёмно-синей и коричневой байки. У бабуся ещё в сетке, кроме валенок лежала старая дамская сумка, в которую она положила сдачу, использованные билеты на электричку, и ещё какую-то мелочь. В какой-то момент мы с бабусей чуть не потерялись, так как попали в какую-то толкучку. Когда мы из неё выбрались, через мгновение, нас одёрнула какая-то тётка – «Валенки потеряете!». Бабуся посмотрела и ахнула – сетка была разрезана, дамской сумочки как не бывало, а валенки стремительно вываливались из разрезанной сетки.

Хорошо, что все деньги были уже истрачены на покупки. Мы решили, что пора уезжать домой. До станции «Вельяминово» добрались затемно. Пошли домой по левой дороге. В темноте было идти жутковато, так как и у нас ходили слухи,

что в темноте не раз уже нападали на людей, возвращавшихся с электричек и грабили.

Я решила, что если в кустах сидят «бандиты», то они не нападут на девочку и бабушку... Поэтому, я непрерывно что-то щебетала, давая порой бабусе вставить несколько слов. Когда кончился перелесок, справа началось поле, а слева ещё тянулись кусты, мы явно слышали в кустах мяуканье. У меня оборвалось всё внутри. Я шепотом спрашиваю бабусю, крепко вцепившись ей в руку – «А вдруг это чёрная кошка?», а громко выкрикиваю – «Ты бабуся, не бойся, это кошечка совхозная заблудилась»...

Бабуся на своей старенькой зингеровской машинке, из коричневой байки сшила мне тёплое форменное платье для школы. А из тёмно-синей байки сшила мне шаровары. Затем она достала из сундука тоже старую, выгоревшую местами на солнце зелёную, плюшевую занавеску. Из этой занавески она выкроила, подобрав по цвету, «новый» верх на моё старенькое пальто, ухитрившись при этом удлинить рукава и само пальто.

Итак, к школе я была готова.

Часть 10

Михнево

В Михнево первый раз меня сопровождали, а потом я ездила туда уже всё время одна. Школа была на дальнем правом конце Михнево. Сначала надо было пройти по городским улицам, потом начинались на окраине деревянные рубленые дома, и, наконец, на самой окраине стояло здание интерната, и чуть дальше – школы.

В школе все дети как-то сами по себе, разделялись на три категории: высшая – михневские, местные, средние – приезжие, и живущие в интернате, и, наконец – детдомовские. Они тоже жили в интернате, так как детский дом был где-то за городом. Их можно было отличить по двум признакам – они все были одеты одинаково, и держались всегда дружной стайкой, что бы они ни делали.

Интернат представлял собой большой деревянный дом. В просторной центральной комнате – «зале» в середине стоял большой стол, за которым можно было делать уроки, и за которым мы завтракали, обедали, и ужинали. По стенкам стояли кровати. И ещё были две комнатки – тоже спаленки.

За тех, кто жил в интернате, родители оплачивали ещё и питание. В интернате была кухонька, где повариха готовила для нас еду. Мы же, детвора, по очереди дежурили «на кух-

не». В наши обязанности входило не только мытьё посуды, но и уборка помещений, мытьё полов и т. д. То есть, мы были на самообслуживании.

Памятуя свои «игры» в Вельминовской школе, я и здесь, в интернате развила бурную деятельность. Интернат был уже не интернат, а какой-то корабль, а мы все – его команда. Мы составили не только чёткие расписания дежурств, а и ещё программу каких-то мероприятий, в которые втянули всех проживающих в интернате. Учёба меня интересовала – постольку, поскольку. Я жила в игре, и наслаждалась этой жизнью. До школы было не далеко, в интернате – тепло, относительно сытно... А что ещё нужно было, чтобы проучиться зиму, и окончить как-нибудь 8-ой класс?

Помню, однажды, у нас в интернате заболела одна девочка. Я раздула целое движение за её спасение. Самовольно освободила от занятий тех, кто по расписанию должен был дежурить у её постели ночью, сама не спала первую целую ночь, и так далее. В конце концов, кому-то надоело моё командование, и, кажется, даже был небольшой конфликт между теми, которые подчинялись моим фантазиям, и теми, которые просто хотели учиться, есть и спать. Наверное, каждый остался при своих интересах. Но жизнь, есть жизнь...

Бабуся продолжала собирать копеечки, чтобы во время вносить плату за моё проживание в интернате. Ошибка её была в том, что эту плату она передавала со мной.

В первый раз, получив эти деньги за месяц вперёд, я за-

шла с этими деньгами, когда шла со станции в Михнево, в какой-то продуктовый магазин. Я долго гуляла вдоль витрин, и мысленно пробовала выставленные там конфеты и пряники.

Наконец, посомневавшись, я всё-таки вынула денежку, что-то купила, и съела тут же, как говорят, – «не отходя от кассы».

Затем я подумала, что оплатить полностью необходимый взнос, у меня уже денег недостаёт, поэтому, какой смысл в том, что оставшаяся сумма будет лежать без дела? А ещё, вдруг, её стащат? Хотя таких случаев вроде у нас пока не бывало. В общем, я накупила конфет и пряников впрок, с чем и пришла в интернат.

Так прошел месяц, потом повторилось во второй. Наконец, воспитательница, кажется её звали – Валентина Ивановна, которая с нами работала в интернате, не получая от меня вразумительных ответов, поехала в Вельяминово к бабусе.

Для неё это был удар «под дых». Тем не менее, я не знаю – как она выкручивалась, но долг за интернат она внесла, и потом регулярно оплачивала всё до конца учебного года, хотя дома семья жила впроголодь.

Бабуся была очень гордой. Она чувствовала себя обязанной тётё Нине Гладилиной из Пушкино, у которой жил папа, когда мы находились ещё в Киеве. Она долго думала, чем отблагодарить эту семью.

И вот однажды, она взяла старый большой чемодан, и сложила в него весь хрусталь, который ездил вместе с семьёй из города в город много лет. Это был не современный хрусталь с толстым резным рисунком, а тонкий, звонкий хрусталь с нежным изящным рисунком. Были стаканы, стаканчики, стопочки, рюмочки и фужеры, графинчики и вазочки. Каждую штучку бабуся аккуратно завернула в газеты, и уложила в чемодан.

Приехали мы в Пушкино. Нас встретили чопорно и сухо. Может быть, тётя Нина подумала, что бабуся приехала выговаривать ей за вину Василия? А, может быть, увидев нас с чемоданом, она предположила, что мы приехали к ней жить? Но, когда бабуся стала разворачивать и расставлять на столе хрусталь, тётя Нина удивилась, а потом оттаяла и стала угощать нас обедом. Кажется, бабуся гордо отказалась, поблагодарила, и мы уехали с пустым чемоданом домой.

Когда папа через несколько лет вернулся домой, он не раз упрекал бабусю за этот поступок. Он говорил, что не жил за их счёт, а отдавал половину зарплаты за питание. А ещё папа не мог забыть, что бабуся подарила последнюю ценную вещь, которая у неё оставалась – золотой кулон. Это был довольно большое, красивое, ромбовидной формы, резное украшение, инкрустированное крупными рубинами, правда, без цепочки.

Этот кулон бабуся подарила Свете Фирсовой на память, справедливо предполагая, что я бы его не уберегла. Но, как

и папа, я тоже с лением иногда вспоминала эту красивую вещь...

Часть 11

Техникум

Я окончила 8-ой класс. И опять летом сразу же оформилась уже на всё лето на работу в совхоз... И Борис тоже работал со мной. Милочка перешла во 2-ой класс.

Жили мы трудно, вернее сказать, бедно. Да и не только мы. Время трудное было для всех.

Помню такой случай. У нас был директор совхоза. Я училась с его дочкой Светкой. Иногда я забежала к ней домой. Однажды я попала к ней во время обеда. Меня пригласили за стол и сказали, что сейчас будем есть жареных цыплят. Я и не знала в общем-то – какие они на вкус. Поставили на стол блюдо, на котором высились горкой жареные тушки. Положили, и мне на тарелку целую птицу. Я смотрела, как едят взрослые – обглаживают ножки, грудки, оставляя голые косточки. Ну и я также съела, тем более, что есть – то хотелось всегда.

А после обеда, Светка смеясь, спросила – «А ты знаешь, что это были не цыплята? Это папа настрелял грачей, а мама пожарила». Я не знала верить мне или нет. Мне кажется, что директор совхоза стрелял грачей к обеду не от бедности...

Кстати, мне вспомнился ещё один случай, связанный с отцом Светки.

Однажды, когда я ещё училась в 7-ом классе, в Вельяминово, я возвращалась из школы. И когда я шла перелеском, вдали, в лесу я увидела удаляющиеся две мужские фигуры. Интересно, что можно в пустом лесу делать? И куда они по-

шли?

Придя домой, сидя за обедом, я стала рассказывать целую историю, которую тут же сочинила. Это было что-то вроде того: – «Иду я из школы по лесу. А недалеко от дорожки, идут двое мужчин и разговаривают. Один говорит – всё равно мы его убьём. Я так поняла, что говорили они – про Светкиного папу. А потом они ушли вглубь леса»...

Я не ожидала, что мама всерьёз примет мой рассказ за правду. Она побежала к Светкиному отцу и всё рассказала. Через некоторое время к нам пришли двое, как тогда говорили, да и теперь тоже – двое в штатском. Мне пришлось им свой рассказ повторить. А потом вместе с ними пришлось пойти в лес и показать то место, где я их видела. Они меня отпустили, а сами ушли в глубь леса – искать следы то ли шпионов, то ли бандитов?!?!

Ну разве можно было быть такой фантазёркой? А я была...

А следующая история – уже не из области фантазий. Была в совхозе у меня любимая подружка – Светка Кулинич. Семья Кулиничей приехала откуда-то из Сибири. Отца у них не было, кажется, погиб на войне. Мама – Анна Сергеевна Кулинич одна тянула четырёх дочек: Светлану, Аллу, Элю и Таню. Светлану коротко звали – Талой. Тала, Талочка, очень красивая девочка. Жили они так же трудно, как и наша семья. А когда мы, дети собирались все вместе, получалась уже

целая орава – их четверо, да нас трое. Можно представить, чего только мы не вытворяли.

Мы с Талкой мечтали куда-нибудь вырваться из дома, получить самостоятельность. Мне было пятнадцать, Талка была на год старше меня.

И вот мы поехали с ней в Москву сдавать документы в торговый техникум. У неё документы приняли, у меня – нет. Я не проходила по возрасту... Не хватало одного года...

Вслед за Талкой я тоже стремилась куда-нибудь прийтнуться. Поэтому я несколько дней подряд моталась по Москве, тычась, как кутёнок носом – где бы устроиться...

И вот, однажды, еду в трамвае, стою, гляжу в окно. Потом поднимаю глаза и читаю наклеенное объявление о приёме в кожевенно-обувной техникум. Дальше перечислялись все прилагающиеся блага: общежитие, клуб и т. д. и т. п.

Я записала адрес, поехала туда, и подала заявление. Заявление приняли. Вступительные экзамены я сдала средне. Диктант написала хорошо и математику – тоже, химию и физику с трудом сдала на тройки.

Помню заседание приёмной комиссии. Длинный стол в аудитории, за которым сидели все заведующие кафедр. Перед ними по очереди проходили первыми – те, которые набрали необходимое число баллов. Потом те, кто нуждался в общежитии, но получил хорошие оценки, и в последнюю очередь те, которые и в общежитии нуждались, и баллов до-

статочно не набрали.

Я была в числе последних. Помню, как я стояла перед этой комиссией, скромно потупившись. Мне стали задавать вопросы: где живу, кто родители и т. п. Я отвечала жалостливо, что так мол и так, отец сидит, семья бедствует, идти мне некуда, и дома жить не на что...

Смотрю стали перешептываться. Наконец, один из них говорит: – «Вот вы подали, как все на обувное отделение. Это, конечно, интересно. Но в нашем техникуме есть ещё экстрактовое отделение. Это специальное приготовление экстрактов, которыми дубят кожу, чтобы потом она была пригодна для изготовления обуви. Скажем честно, на остальные отделения все места заняты. Я – заведу экстрактовым отделением. Я могу принять вас к себе. На этом отделении стипендию дают даже с тройками. Какое решение вы принимаете?».

А какое решение мне нужно было принимать, если мне было всё равно, куда меня примут. Лишь бы было общежитие, стипендия. А что будет потом, жизнь покажет.

Так я оказалась студенткой экстрактового отделения коженно-обувного техникума. Техникум находился недалеко от Сокольников. Нужно было проехать на трамвае от Сокольников мимо клуба имени Русакова, и ещё несколько остановок до техникума.

Общежитие было в таком же большом каменном здании,

стоявшем рядом с учебным корпусом. За зданиями был луг и спуск к какой-то речушке, по берегам которой тянулись огороды. Если ехать дальше на трамвае, то, как ни странно, по правой стороне была улица с деревянными домиками, заборами, малюсенькими огородами и палисадниками. Видно, раньше здесь и была деревня, которую поглотил город, теперь это место стало – Москвой.

Конечная остановка трамвая – (кольцо) была на площади, в конце которой расположился резиново-каучуковый комбинат, а по правой стороне находились Ростокинские бани.

Занятия надо было посещать обязательно. За пропуски и двойки могли снять со стипендии. А стипендия – дело святое. Помогать из дома мне не могли, так как они сами перебивались, как говорится с хлеба на воду. Поэтому стипендия была моим единственным доходом. Девочки, которые приехали в общежитие из деревень, привозили с собой картошку, морковку, варили на общей кухне себе супчики. Я же не только не имела из чего готовить, я и не умела ничего готовить вообще. Кроме того, я не была расчётливой, наоборот, моя беспечность и безалаберность помогали мне проесть стипендию в несколько дней, а потом ходить вечно голодной. Правда, голод переносился легче, чем можно было бы предположить.

В общежитии я жила в комнате, где жило человек 10 девочек. Все они были из одной группы. Среди них была одна девочка – Вера. Вместо одной ноги у неё был протез. С ней

у меня связано одно воспоминание.

Иногда я пробовала гадать на картах. В основном, это было так, баловство. Но девчонки часто просили им погадать на них самих, или на тех, кто остался дома, далеко от Москвы. Однажды Вера попросила меня погадать на своего брата, который пропал без вести на войне. Я раскинула карты, и выпало, что он – «на пороге». А буквально на следующий день она получила от него письмо, а потом он сам приехал к Вере. Мы все, как сейчас помню, сидели за столом, и, разинув рты, слушали его рассказы о войне, о госпитале, в котором он долго лечился, и где надолго задержался уже после победы.

Девчонки меня зауважали. От них не стало отбоя – погадай, да погадай. И Вера один раз попросила опять, чтобы я раскинула карты на её отца. Что-то давно от него не было писем. Я раскинула. И четко выпал пиковый туз под королём, пикой вниз, а сверху легла девятка пик. Ну и остальной расклад был не лучше. Я сказала, что ему выпадает смерть. А на следующий день Вера получила телеграмму, что он умер... Я так перепугалась. У меня было ощущение, что именно я виновата перед Верой, что принесла ей такую неприятную весть. Больше я не брала карты в руки, и не пробовала гадать больше никогда в жизни...

Учёба в техникуме меня особенно не заинтересовала. Правда, было всё внове: занятия, зачёты, первая в жизни сес-

сия. Все учились, и готовились к экзаменам. За компанию со всеми и я вынуждена была учить уроки. В техникуме, не как в институте, где читают лекции, а оценки получаешь только на экзаменах, или на зачётах. Здесь спрашивали, как в школе, задавали задания на дом, ставили оценки за ответы. За двойки снимали со стипендии. Поскольку, на нашем экстрактовом отделении стипендию давали с тройками, главной задачей было – не схватить двойку. Каким образом, не помню, но мне это удавалось.

У меня появилось несколько подружек. Самой закадычной была – Тонечка Синельникова. Очень красивая девочка, с чёрными волнистыми волосами. Она была похожа на молдованочку. Мы подолгу могли болтать о чём-нибудь. Вернее, я говорила почти всегда одна, а она внимательно меня слушала. Язык у меня был подвешен правильно, уболтать я могла любого, а поскольку она умела слушать, я и философствовала.

Обычно, мы сидели на подоконнике, в коридоре общежития. Я помню, как я ей говорила, что мне скучно жить, не интересно общаться с людьми. Я объясняла, что, если кто-то что – либо начинал говорить, мне уже сразу же было не интересно слушать, так как я с первых же слов знала, что человек скажет дальше, или что сделает в следующий момент...

Интересно, я что, на самом деле так думала, или рисовалась? Кажется, всё-таки я так и думала...

Часть 12

Инка

Была ещё одна девочка, которая меня заинтересовала своими рассказами о мальчиках. Эта тема для меня была не просто не изведанной, но, точнее сказать, совершенно загадочной, полной таинственного. Звали её Инна Кондрашова. Она была старше меня, и уже встречалась с ребятами, целовалась с ними, и, как потом я стала догадываться, может быть, позволяла себе и большее. Но что означает – это большее, для меня вообще было полной тайной.

Но я помню, что именно в это время я поняла, что из подростковой девчонки я начала оформляться в девушку. Зимой на уроках физкультуры нас не раз водили в Сокольники, на соревнования по лыжам. Пред соревнованиями все участники в обязательном порядке проходили медосмотр. Заключение он в том, что мы раздевались по пояс, и выстраивались в две очереди – к столу, за которым сидели два молодых врача. Они выслушивали нас, смотрели в рот – нет ли ангины, и на этом осмотр оканчивался. Когда подошла моя очередь, я немного засмущалась, так как в первый раз стояла раздетая перед молодым доктором. А у меня уже почти оформилась грудь. Я зала, что моя грудь напоминала два упругих, недозревших, но уже налившихся солнечным теп-

лом персика. Когда врач стал меня слушать, я почувствовала на себе его пристальный взгляд. Я поняла, что ему что-то во мне понравилась, так как он несколько раз поворачивал меня к себе ненадолго спиной, а потом опять и опять прослушивал сердце... И вдруг, я поняла, что мне нравится, как он на меня смотрит. И, если сначала – я стояла съёжившись от стеснения, потом я распрямилась, как бы говоря – «ну, на же, смотри, если тебе так хочется»...

Инка, как я её звала, училась не ахти как, а после первого курса она бросила техникум. Жила она с матерью в маленьком частном домике, находившемся на улочке, которая была почти напротив нашего общежития. Дом был на две семьи. Перед домом был палисадник, а с одной стороны дома была открытая веранда, на которой стоял умывальник, столик, и в глубине – широкая скамья, которую при желании можно было бы использовать, как постель. Мать Инки, как мне показалось, особенно воспитанием её не занималась. Инка была, как и я в жизни предоставлена сама себе. Питалась кое-как. Гуляла, сколько хотелось, и с кем хотелось.

Именно она первая стала мне рассказывать о том, что недалеко от её дома находится 1-ое Московское артиллерийское подготовительное училище – 1-ое МАПУ. Что ребята там учатся, также как в суворовском – по десятый класс включительно. Потом они поступают в академию, и по окончании становятся офицерами. Зовут ребят из училища – спецами. Девочек, которые дружат со спецами, называют – спе-

духами. Но есть ещё и такие, которые с ними живут. Их прозвища – борухи.

В Москве есть ещё второе такое же училище – 2-ое МАПУ. Ребята этих двух училищ соперничают между собой. Часто дерутся. У каждого училища в Москве есть свои места, где они «прошвыриваются» в увольнениях или самоволке. Общеизвестные места – это «Бродвей» на улице Горького и «плешка» – от метро Сокольники до входа в парк.

Но чаще бывают драки между «шпаками» и спецами. Шпаки – это штатские ребята. Иногда между ними бывали такие громкие драки, что даже милиция не справлялась. Шпаки подкарауливали спецов, когда их шло по улице немного – два-три человека. Когда начиналась драка, кто-нибудь из спецов добегал до училища, поднимал своих криком – «наших бьют!», и тогда ребята срывались дружно иногда прямо с уроков, на ходу снимали ремни, накручивали их на руки и в драке били пряжками по чём попало. Страшно.

Инка рассказывала, что познакомиться со спецами не так просто, их в увольнительную отпускают по выходным, и то не всех, и не всегда.

В общем, любопытство моё разгорелось, и я изъявила желание – познакомиться с кем-нибудь из спецов. Мы стали прогуливаться около училища. Иногда мимо нас проходили ребята в военной форме, которые спешили в увольнение. Но они на нас особого внимания не обращали.

На новый год в училище было несколько вечеров с ёлками, с оркестром. Несколько, потому что вечера устраивались для разных классов, или подразделений, не знаю, как правильное их называли. На один из таких вечеров я попала, но не с Инкой, а с какой-то другой девочкой, которая достала два пригласительных. Ёлка была большая, до самого потолка, и стояла посередине большого зала. Все девчонки были нарядные, их приглашали ребята, подтянутые, какие-то торжественные. Оркестр играл вальс. Очень хотелось танцевать, но нас никто не приглашал. Большинство ребят были со своими девочками. Видимо, они все были с ними давно знакомы, и на вечер пригласили их заранее. Мы стояли у стены, а потом решили танцевать друг с другом, как говорили раньше – «шерочка с машерочкой». Паркет был очень скользким, мы в упоении так раскружились в вальсе, что не удержались, поскользнулись, и на виду у всех, загремели на пол посреди танцующих...

Особых знакомств на этом новогоднем вечере мы не заимели. Поэтому в очередной раз, когда мы с Инкой пришли к училищу, решили действовать по другому. У Инки были там не друзья, а просто знакомые. Их можно было вызвать на КПП. Она попросила дежурного кого-то из них позвать. Когда выбежал её знакомый, она с ним сначала просто «почтила лясы», а потом договорилась с ним, что он позовёт кого-нибудь из ребят, которые – «свободные», то есть, ни с кем из девочек не встречаются. И, действительно, он через

минут десять выскочил опять на улицу через КПП с двумя ребятами. Мы познакомились. Один из них – Розов Виктор, второй – Володя Пырин. Мы договорились, что они сообщат нам, когда получат увольнительные, и можно будет куда-нибудь пойти погулять.

Виктор Розов

У меня сохранилась фотография Виктора Розова тех лет.

Инка познакомила меня с девчонками, у которых можно было собираться компанией по вечерам. Особенно я запомнила одну из них – Найку Пивчик. Родители её были за границей. Жила она только с сестрой. Сестра вышла замуж и тоже куда-то уехала с мужем. Найка, будучи немного старше нас, жила одна в однокомнатной квартире. Но дом был какой-то старинной постройки, поэтому эта единственная комната в однокомнатной квартире была такой огромной, что заменяла по площади все три. Я была с Инкой пару раз у Найки в гостях. Была музыка, танцы. Потом ребята боялись опоздать из увольнения, поэтому долго не засиживались. Они провожали нас по дороге в училище до общежития.

Кстати сказать, при первом знакомстве с ребятами, я обратила внимание на Розова Виктора. Он был высокий, светленький, симпатичный.

А прохожу мне потом не давал – Володя Пырин. Он влюбился в меня с первого взгляда. А я не знала, как от него отделаться. Вскоре через этих ребят, мы перезнакомились ещё со многими другими. На всякие праздники, особенно, когда наступала весна, мы собирались в складчину у Инки на веранде. Было, наверное, и вино. Но я тогда спиртное не употребляла вообще. Меня этот момент застолья как-то не интересовал.

Кстати, один из таких вечеров у Инки мне запомнился особо.

В нашей компании была одна девочка – Наташа. Родители её были в командировке за границей. Жила она с бабушкой. Когда мы собирались справлять Первомайские праздники, Наташке захотелось покрасоваться в маминых новых туфлях на каблуках. Она потихоньку стащила их из комода, и потом одела на нашу вечеринку. Туфли ей особо не подошли. Она натёрла в них ноги, поэтому сняла и куда-то засушила, а одела свои, в которых пришла.

Домой она пришла поздно. Бабушка её уже ждала, и закартила ей взбучку, так как уже обнаружила отсутствие туфель. Наташка сначала заупиралась – не брала мол, и всё. Тогда бабулька её побежала и написала заявление в милицию, указав Инкин адрес, и перечислив всех девочек, которые были в тот вечер. Всех по очереди вызывали в милицию для разбирательства. Вызвали и меня.

До милиции надо было доехать несколько остановок трамваем в сторону Ростокина. Приехала в милицию, показала повестку, попросили подождать около какого-то кабинета, потом вызвали туда. В небольшой комнате помещался только стол, за которым сидел следователь. Справа и слева перед столом стояло по стулу, другой мебели в комнате не было.

Следователь стал расспрашивать – кто был на той злополучной вечеринке, что делали. Во сколько разошлись. Я всё объясняла так, как было. В какой-то момент он начал на ме-

ня почти что орать. Он кричал, что точно знает, что я взяла туфли, и, если я не скажу – куда их дела, то... И дальше всякие угрозы. Я-то знала, что я не брала, поэтому отвечала нахально, уверенно. В какой-то момент ему надоело на меня кричать, он подписал мою повестку, и сказал, что вызовет ещё, и, чтобы я подумала...

А через день туфли нашлись. Наташка, когда переобувалась, запихнула их под тумбочку умывальника. А здесь, Инкина соседка стала убираться на веранде и нашла их.

Ну, думаю, я теперь повеселюсь. Приезжаю в милицию, а следователя на месте нет. Какой-то другой молодой следователь спросил меня – а что я хочу? Ну, я выговорилась, сказав заодно, что хочу, чтобы передо мной извинились.

Следователь извинился. Я с возмущением сказала, что вызывают в милицию, а сами даже не предполагают, что у бедной студентки, может быть, даже денег нет на трамвай. Следователь предложил мне взять три рубля. Я возмутилась, а он сказал, что у них предусмотрены на дорожные расходы специальные деньги, и чтобы я брала не стесняясь. Ну, я, конечно, взяла... А денег, у меня, действительно не было.

Часть 13

Каникулы

Начались летние каникулы. Нам выдали стипендию за лето. Но, как всегда, мне её надолго не хватило. Ехать в Вельяминово, и работать летом в совхозе мне было не интересно. И вообще я туда приезжала редко и ненадолго. Девчонки все разъехались на лето по домам. Осталось несколько человек – детдомовских, ну и я тоже.

Не знала – куда себя девать. Инка уже работала на резиново-каучуковом комбинате. Поэтому днём я с несколькими местными подружками ходили гулять в Сокольники. Эти девчонки были все из компании спецух, поэтому разговоры велись только о мальчишках и о любви. Для меня пока это были всё абстрактные темы. Некоторые девчонки уже имели опыт первых поцелуев. Те, которые ещё не извели этого первого сладостного чувства прелюдии любви, приставали с просьбой – научить их целоваться. И, сидя на бревне, «опытные» девчонки демонстрировали процесс «настоящего» поцелуя, натурально целуя друг друга. В общем, «школа» функционировала. Когда время подходило к обеду, девчонки разбегались по домам. Мне идти было некуда, поэтому мы договаривались с Инкой, что в её обеденный перерыв она выйдет на улицу, и мы поболтаем. По дороге я забежала на

рынок. В овощном ряду на прилавках горками лежали огурцы. Помидоры в это время, видимо ещё не созрели. Имея Киевский опыт по «добыванию» семечек, мне удавалось от нескольких горок украсть (по другому это не назовёшь) по одному огурцу. Когда Инка выходила на улицу, она выносила с собой завёрнутый в газету свой скудный обед. Мы сидели на травку у забора комбината. К её обеду я выкладывала огурцы, и мы съедали всё до последней крошки.

Однажды, или я обнаглела, или потеряла бдительность, но на одном из огурцов дед – продавец меня «застукал». Он стал кричать, но я убежала так быстро, что не слышала его ругани. В этот раз я Инке рассказала про это приключение. Она посоветовала этого больше не делать. Да я и сама пришла к тому же выводу. И не потому, что этот дед там торговал каждый день, а просто эта «игра» мне уже надоела...

Пошла я в отдел кадров техникума, и попросила, чтобы мне подыскали какую-нибудь работу на лето. И хотя, рядом был кожевенный комбинат, работы для меня не нашлось. Но женщина из отдела кадров сказала, что у неё есть знакомая семья, которая ищет приходящую работницу. Нужно мыть полы в квартире, и на веранде, и ещё выполнять какие-то мелкие поручения. Я согласилась. Проработала я в этой семье всё лето. Семья состояла из мамы, папы и сына, который оказался очень симпатичным молодым человеком. Естественно, он стал за мной ухаживать. У него был мотоцикл. И несколько раз он меня катал на нём по ночным улицам –

до Сокольников и обратно. Незабываемое впечатление, когда едешь на больших скоростях – ветер бьёт в лицо обжигая. Появляется ощущение полёта...

Но началась учёба, и я вынуждена была эту работу бросить.

Быстро пролетел семестр. Наступал 1951-ый год.

Часть 14

Прощай, техникум!

Шел 1951 год.

После зимней сессии начались каникулы. Стипендию почти всю я раздала за долги, а оставшиеся деньги быстро пролетели, как всегда. Я, как и прежде, домой не поехала. Скиталась по общежитию. Ходила в гости к Инке. Денег много не было. Есть хотелось постоянно. Однажды, придумывая, чего бы пожевать, я, в поисках еды в который раз облазила все тумбочки, проверяя, не осталось ли чего-нибудь съестного. В одном месте, под кроватью стоял ящичек с картошкой. Я взяла несколько штук и сварила... Больше съестного не нашлось...

Каникулы кончились. Девочки вернулись в общежитие. И тут неожиданно разразился скандал. У одной девочки пропал альбом с открытками артистов. Поскольку в комнате, кроме меня, никто не оставался, сразу же обвинения полетели в мою сторону. Подлила «масла в огонь» девочка, которая сказала, что у неё пропало несколько картошек. В общем, скандал был большой. В комнате устроили собрание, скорее, похожее на судилище. Мне было обидно, но картошку-то я действительно взяла.

В порыве обиды я пошла в отдел кадров и забрала доку-

менты, бросив учёбу в техникуме.

Надо сказать, что где-то перед экзаменами, к нам в комнату временно поселили на свободную койку девушку, кажется, из Саратова. Она приехала в командировку в наш техникум. Звали её Римма Ожогина. Перед новым годом она уехала. Сопоставив все факты, я предположила, что альбом с артистами увезла она. Она знала про него, рассказывала нам, что тоже собирает открытки...

Придя к такому выводу, я написала письмо (на деревню дедушке) – в милицию города Саратова. В письме я жаловалась на то, что вынуждена бросить техникум из-за несправедливых обвинений в мой адрес. Я обращалась к ним с просьбой отыскать альбом у Риммы, а дальше в письме я давала «советы», как вызвать Римму на признание, или как заставить её показать им альбом...

Наверное, в Саратове не одно отделение милиции, но в какое-то моё письмо попало. А по поводу моих советов – как надо проводить следствие, вероятно, хохота было не мало.

Интересно, что спустя несколько лет, в метро я случайно встретила двух девочек из моей группы. Они рассказали, что вскоре, после того, как я ушла из техникума, пришла из Саратова бандероль, в которой был пропавший альбом.

Девчонки очень переживали, что несправедливо обидели меня, пробовали искать меня через Инку, через паспортный стол Москвы, чтобы вернуть меня в техникум и извиниться. Но, к сожалению, они меня не нашли... А, если бы и нашли,

я бы, наверное, всё равно не вернулась, так как понимала, что это – не моё. Пересидела полтора года, и хватит. Надо было искать что-нибудь новенькое.

От той поры у меня сохранилось стихотворение. Хочу сразу предупредить, что поет из меня никакой. Но мои naive стихи мне не хочется вычёркивать из моего прошлого, также, как иногда бывает жалко выкидывать какую-нибудь старую, но любимую кофточку.

Москва. Сокольники.

Кожевенно – обувной техникум.

НАША ЮНОСТЬ

Наши годы незаметно мчатся,
Может, навсегда нас разлучат,
Может, не придётся увидаться,
Нас дороги разные помчат...

Правда, мы народ весёлый очень,
Где ни будем, нам не пропадать,
И какие трудности не будут,
Побеждать их – нам не привыкать.

Но друзей, товарищей, подружек,
Золотые дни с кем провели —
Никогда нигде не позабудем —
Были, есть и будут дороги.

Хорошо осенью порой
У окна немного погрустить.
Вспомнить, как Московскою весною
Не могли мы юность оценить.

И тогда об этих днях напомним
Мне вот эти самые стихи,
Где пишу о вас, моих знакомых,
И о том, как проводили дни...

Вот такие наивные строчки... Я всё ещё оставалась ребёнком, хотя мне уже исполнилось – 16 лет.

Часть 15

Талочка

А что же стало с моей подружкой – Светланой Кулинич, или как её все называли – Талочкой.

Училась она в торговом техникуме хорошо, может быть, даже отлично. Она была очень симпатичная. Жаль, что у меня не осталось её фотографии. Было естественным, что она многим нравилась, но случилось противоестественное – в неё влюбился преподаватель, которому, кажется, было уже около 70 лет.

Был он огромным, полным, если не сказать – толстым стариком. Мне трудно было представить его красивым, для меня тогда все старше 30, уже казались старыми. Но позже мне Тала показывала его семейные альбомы, в которых он на фотографиях в молодости был необычайно красив. Он был из интеллигентной семьи, получил в своё время, еще в начале 19-го века, утончённое воспитание и несколько высших образований.

Ухаживать за Талкой он стал очень осторожно, так как, вероятно, дорожил работой и репутацией. Сначала он предложил ей помощь в усвоении своих предметов. Он занимался с ней после уроков, в техникуме. Кажется, он преподавал – «холодильные установки». Потом он стал назначать заня-

тия у себя в доме. Кончилось это тем, что Талка забеременела. Не знаю, как он уговаривал, чем её прельстил, что обещал? Но главное, как ей не было противно? Может быть, он её изнасиловал? Скорее всего, опоил вином. Но теперь уже было не важно – как он соблазнил её, факт был на лицо.

Анна Сергеевна, мама Талки, встретила с ним. Талка бросила учёбу, и осталась жить у матери в совхозе. Я видела его, когда он несколько раз приезжал к ним в совхоз. Он привозил в сетках свёртки с едой, гостинцы Талкиным сестрёнкам, и, естественно, ей. Переговоры шли долго. Жениться по каким-то причинам он не мог, так как его сразу же осудили бы за развратные действия, хотя Талочке тогда уже исполнилось 18 лет.

В техникуме каким-то образом узнали о его «шалостях», пригласили его на общее собрание педагогов. Он, конечно, всё отрицал, утверждая, что всего лишь принимал близко к сердцу тяжелое положение её семьи.

И опять он зачастил в совхоз. Длительные переговоры с Анной Сергеевной привели к следующему результату. Он удочерил Свету, прописал у себя, в Московской квартире. Семье Кулиничей он купил козу. В ответ на это, Света написала заявление в дирекцию техникума, что ребёнок, которого она ждет, не от него, а от какого-то молодого человека, который сейчас находится в армии.

Светлана переехала жить в Москву, к новоявленному отцу, а в совхозе все говорили о том, что Анна Сергеевна об-

меняла дочь на козу...

У Сетки родилась дочка Леночка, а через год – сын Пётр.

На фотографии – Анна Сергеевна Кулинич, её младшая дочка – Эллочка и дети Талки – Петя и Леночка

Такая молодая мама и уже с двумя детишками... А «папа» вскоре отправился на тот свет. Видно, любовные нагрузки и эмоциональные стрессы сделали своё дело.

И тут началось самое интересно. Нашлась мама этого «папы». Ей было 90 с лишним лет. И она претендовала на квар-

тиру, в которой жила Талка. Дело дошло до суда, на котором уже посмертно признавалось, что он был не папой, а отцом ребяташек. Судья встал на сторону Светланы, тем более, что у мамы (Талочкиной свекрови) была собственная квартира...

После окончания суда, вся семья Кулинич переехала к Светке.

Я одна из первых побывала у них в гостях. Квартира находилась на Дербеневской набережной. Если смотреть с берега Москва-реки, то на той стороне бросались в глаза трубы какой-то фабрики, или завода. Если перейти мост, и пройти мимо этих серых промышленных зданий, начинался массив каменных домов, очень старых построек. Нужно было пройти через арку во двор, в середине которого был разбит сквер, со всех сторон окруженный домами, подъезды которых выходили во двор. Дальний дом и угловой подъезд был потом знаком не только мне. У нас, как и у многих из Вельяминовского совхоза, не было в Москве родственников, поэтому при необходимости все совхозные близкие друзья, вроде нашей семьи, всегда спешили переночевать у Кулиничей. Мало того, с их согласия, к ним приезжали и наши некоторые родственники, приезжавшие в Москву.

Квартира была, кажется, на третьем, может быть, на четвёртом этаже. Я не помню, как выглядела кухня, но, когда я первый раз побывала у Талки, увиденное произвело на меня жуткое впечатление. Комната была оклеена тяжелыми на

вид, шелковыми обоями, может быть, настоящим шелком. От старости обои стали почти чёрными. И только взглядев-шись в них, можно было различить штрихи рисунка с по-золотой. На стенах висели в рамках такие же тёмные чьи-то портреты (наверное, его предков), выполненный ещё в 18-ом веке, если не более раннего периода. Кроме портретов, по стенам были развешены ещё какие-то картины. Оттого, что окно, вероятно, не мылось много лет, свет в комнату проса-чивался еле-еле, и не освещал, а как бы заполнял комнату серым туманом, не в состоянии разогнать, царящий кругло-суточно, полумрак.

Вся мебель – и круглый стол с бархатной скатертью, и вы-чурные стулья и кресла – всё было под стать общей атмо-сфере. Казалось, что ты попал в совершенно другой мир, не из нашей жизни. И становилось жутковато, так как казалось, что по углам комнаты и по стенам струились какие – то тени, которые вот-вот выползут и набросятся на тебя сзади.

Когда к Свете переехали мама с сёстрами, они попыта-лись преобразить квартиру, по крайней мере, отмыть окна, но обои они смогли поменять только много позже. Я не знаю, где они все ухитрились спать, ведь, вместе с детишками их оказалось 7 человек. Помню только, что кто-то из девчонок спал на полу, и когда на ночлег забредали «гости», их укла-дывали, естественно, тоже на пол, продолжая ряд спящих. В комнате стояла огромная кровать, на которой спала Света, Анна Сергеевна и малыши.

Проследить дальнейшую судьбу этой семьи мне до конца не удалось, да я и не ставила такой цели. Знаю только, что девочки выросли и вышли замуж, оставив эту квартиру. Алла погибла, утонув в реке...

В настоящее время иногда по телевизору мелькает фамилия – КУЛИНИЧ ПАВЕЛ, кажется – художник. Может быть, это сын Талки?

Однажды, года через два, я приехала к ним в первой половине дня, Талка ещё не вставала с постели, в которой она лежала с каким-то мужчиной. Она начала пить, и приводить домой мужчин, не обращая внимания на то, что здесь были маленькие дети. Мать она не слушалась, упрекая её, а в чём? Ведь она сама была во всём виновата. Анна Сергеевна от таких переживаний стала быстро стареть, вся поседела, и у неё стали дрожать голова и руки...

Часть 16

Помилование

Милочка и Борис с мамой – Ниной Николаевной Степановой

В Вельяминово, в нашей семье тоже ничего хорошего не случилось. Кроме голода было напряженное отношение местных жителей к нашей семье. Как и прежде, бабуся вела себя по отношению к другим замкнуто и гордо. Кроме всего, она не могла отказаться от привычки иногда обращаться на людях к Миле и Боре на немецком языке. Многие дразнили их за это – жидами. Иногда ночью, на двери кто-то делал

надпись – «ЕВРЕИ!».

Немного выручала коза, которую кто-то уговорил бабуся купить в рассрочку. Козу называли «Лохмушкой». Она была такая же худая, как и её хозяйева – кости, да кожа. Молока она давала мало, но и это выручало детей. Лохмушка жила вместе со всеми, спала около печки. Ухаживал за ней Борис, доила – бабуся... Но однажды она заболела и издохла. Вскрытие показало, что она заболела глистами. Все внутренности были заражены. С Лохмушки сняли шкуру, и она ещё много-много лет служила ковриком у кровати.

Когда отца арестовали, мама подавала апелляцию в Верховный Суд.

Ему скостили два года. Но и десять лет было огромным сроком. Я не знаю, почему я не пробовала что-то предпринимать в этом отношении раньше, но уже шел четвёртый год, как он сидел.

Было лето, я тогда только ещё перешла на второй курс техникума, и иногда приезжала домой, в Вельяминово.

Я взяла у мамы документы, составила прошение на помилование, и решила подать его Швернику.

Я не помню – где находилась приёмная Шверника. Помню только, что это было огромное помещение, напоминающее вокзал. Кафельный пол. Вдоль всех стен по кругу стояли скамейки, тоже, как на вокзале. Стояли они и по всему залу, расставленные рядами. Народу в этом зале была – уйма. Говорили все шепотом. Улыбок там не было. Слезы были на

глазах у многих. И ещё была во всей этой толпе – какая то покорность, униженность, зависимость.

Ровно в 10 утра, в зал вошло несколько человек. Один из них распорядился, чтобы все заняли места вдоль стен. Все бросились занимать места. Кому не хватило, сели на скамьи в середине зала. Пришедшие чиновники разошлись по разным сторонам зала, и стали обходить по очереди сидящих на скамейках людей. Довольно быстро продвигаясь, подошли они и ко мне. Мужчина, чуть наклонившись, спросил – какой у вас вопрос. Я ответила – «Просьба о помиловании». – «Давайте документы». Я отдала. Последняя фраза была – «Ждите помилования»...

Ответ пришел не скоро и был формально отрицательным...

Тогда я решила на не феноменальный поступок. Я написала «рыдающее» письмо – заявление. В нём я просила освободить отца, потому что погибают от голода его дети и старушка мать. Писала, какие худенькие от голода у них ручки, как теряет зрение с каждым днём бабуся, как я, вынуждена бросить учёбу, так – как не на что учиться... И много другого в том же духе.

Прошение написала на имя начальника Главного Управления Лагерей – ГУЛАГа. Каким – то образом узнала, где находится это Управление, и отправилась туда.

Управление ГУЛАГа находилось в известном здании на Лубянке. Здание само – очень большое, занимает целый

квартал по периметру. Если дойти с центральной его стороны до угла, затем завернуть налево и опять дойти до угла – в торце здания находится дверь в бюро пропусков. В небольшом помещении были два или три окошечка, а вдоль стены находились две кабины телефонных будок. Я зашла в одну из них, осмотрелась. На стене была табличка с указанием нескольких телефонных номеров. Я звонила по очереди по каждому из них, и старалась узнать, как позвонить «Главному» начальнику Гулага». Долго звонила, приставала с вопросами, с просьбами и т. д.

Наконец, даже теперь самой не верится, каким – то образом, я узнала этот таинственный номер телефона. Теперь я точно знаю, что мне помог ангел – хранитель, а, может быть, сам Бог. Иначе как поверить, что в такой секретной организации кто-то мог назвать мне этот вождеденный номер.

Кажется, это было так. Я набирала наугад номера телефонов, и спрашивала (я не помню сейчас, как его звали), – «Это Иван Иванович? Нет, как же так, я набирала его телефон». – «А какой Вы номер набирали?» – называла номер. «Нет, вы ошиблись». – «А какой правильный номер?» – «Узнайте в справочной». И так несколько раз, пока кто-то не назвал, может быть, машинально, правильный номер.

Я набрала его. Мужской голос ответил – «Слушаю». Я стала объяснять... Меня прервали с возмущением...

Я набрала опять... И опять услышала возмущение...

Я набрала опять... Голос перешел на тон выше, трубку

бросили...

Я набрала опять... Голос стал угрожать: – «Вы не представляете, что я сейчас с Вами сделаю! Заберу! Накажу! Арестую!»». А я в ответ:

– «Так я этого и хочу. Арестуйте, главное, выслушайте. Помогите! Спасите! Пожалейте!!!»...

После недолгого раздумья, голос сказал – «Говорите». Я, сквозь слёзы, изложила ему свою просьбу. Голос опять спросил – «А как Вы узнали мой телефон?». Я ответила – «Добрые люди подсказали».

– Голос буркнул – «Разберусь...», а потом изрёк – «Нигде не уходите. К Вам подойдут. Как фамилия?»

– «Степанова».

– «Ждите»...

Минут через десять с улицы вошел мужчина, в строгом костюме, обычного вида. Спросил – «Кто здесь Степанова?» – говорю – «Я». – «Выходите со мной».

На улице повернулся ко мне лицом и говорит – «Давайте Ваши бумаги».

Я нахально так отвечаю – «А откуда я знаю, что Вы их передадите...? и что Вам можно верить?».

Он молча отвернул борт пиджака, там был приколот какой то значок. Я сделала вид, что проверив его, поверила ему. А что это за значок, я и не разглядела. Отдала я ему своё «Письмо – Прощение».

А через месяц нам, в Вельминово пришло официальное

извещение о том, что отец помилован.

Я помню, сколько наивной радости в те дни мы пережили.

Я, ведь, уже была большая, но тем не менее, иногда выкидывала детские глупые номера.

На этот раз, когда мы получили это известие, я говорю Борису – «Пошли встречать папу». Я была уверена, что он, стремится домой, и вот-вот приедет. А приехать он может через Москву и электричкой, и... Скорее всего это будет не так. Он сядет на попутную машину и приедет на Центральную Усадьбу, по основному шоссе.

Я уговорила Бориса. Мы дошли до шоссе и сели на обочине дороги. Мы ждали час, второй, третий...

Машины проезжали мимо, не останавливаясь, и скрывались вдаль. Борису ждать надоело. Мы поплелись домой.

Ждали в этот день возвращения отца мы зря. Не приехал он и через месяц.

Только прислал письмо, что освободился и решил задержаться в Иркутске, чтобы немного подработать денег. А меня просил выслать ему трудовую книжку.

Письму его я выполнила. И опять никто мне ничего не объяснил. Его трудовую книжку я отправила заказной бандеролью. А нужно было ценной. Но это я узнала гораздо позже. Конечно, моя бандероль не дошла до адресата. Ещё бы! Это я теперь понимаю, какую ценность представляет собой в тех местах трудовая книжка, а тогда я этого не знала. Я уже и сама несколько раз устраивалась куда-нибудь на работу, но,

уходя с неё, никогда не забирала свою трудовую книжку.

В общем, я всему в жизни училась методом проб и ошибок. Жаль только, что ошибок было больше, и били они больше, и не только по мне...

Часть 17

Работа

Когда я поняла, что отца в ближайшее время ждать не стоит, я призадумалась на тему – что же мне делать дальше.

По – прежнему, у меня не было желания работать в совхозе. Да и жить дома, и вместе со всеми – голодать, не имея возможности помочь чем-то семье у меня тоже желания не было. Впереди ещё было целое лето.

Бабусе я ничего не сказала о том, что бросила техникум. Соврала ей, что перешла на следующий курс, а теперь всех отпустили на летние каникулы...

А пока я ездила по Москве и искала – где бы устроиться на работу с общежитием.

Устроилась я на работу на строительство МГУ. Но не на саму стройку, а на очень не плохую работу, на университетские склады.

Параллельно со строительством, для будущего университета закупалось оборудование, аппаратура и разные приборы. Хранились они в коробках и ящиках, на стеллажах. Склады представляли собой длинные бараки. Вдоль основного прохода, тянувшегося через весь склад – перпендикулярно к нему слева и справа были устроены стеллажи, запол-

ненные оборудованием. Работать была не сложно. Каждому лаборанту (так нас называли), выделяли какой-нибудь стеллаж. Нужно было по порядку брать коробочку, или ящичек, разворачивать прибор, проверять в каком он состоянии – нет ли ржавчины или повреждений. Затем надо было его смазать техническим вазелином – густым, жирным. Приборы и так были смазаны хорошо, но в некоторых «голых» местах нужно было добавить смазку. Этим мы и занимались. Руководил работами инженер – Мельников, среднего возраста, спокойный, уравновешенный. Он следил за тем, чтобы приборы опять были тщательно упакованы, и поставлены на место. Большую часть дня он вообще отсутствовал на складе.

Пользуясь его отсутствием, я часто находила на каком-нибудь стеллаже свободную от приборов полку, забиралась на неё и отсыпалась. А отсыпаться было от чего. Каждый вечер я принимала участие в «посиделках», которые проходили на общественной кухне. Кухня была в отдельном небольшом бараке. Вдоль всех стен были установлены рабочие столы, а в середине барака стояла большая почти промышленная плита. На ней не было комфорок, а было сплошное чёрное покрытие. Можно было ставить кастрюли в любое место на плите, к краю – меньше нагрев, к середине плиты – очень горячо. Кто хотел приготовить что-нибудь, занимал свободный столик, разделявал продукты, а потом готовил. Поздно вечером, когда уходили все «поварихи», в пустой огромной кухне было тепло и пусто. И тогда туда собиралась молодёжь.

Мы веселились, как могли, рассказывали анекдоты, кокетничали, шутили. В общем, особенно в холодные вечера не хотелось уходить в общежитие.

По кругу от площадки, на которой стояла «кухня», стояли панельные дома. Квартиры первых этажей были отданы под общежитие, а в квартиры, расположенные на этажах выше, заселили семейных.

Мне выделили койку в комнате на троих. Там уже жили две рабочих девицы, грубые, нахальные... У нас не могло быть не только ничего общего, с первых же минут возникла обоюдная антипатия. Тем более, мне интереснее было проводить вечера на «кухне».

На кухне собирались ребята и девчонки самых разных специальностей, поэтому часто вечерами обсуждались интересные проблемы, связанные со строительством основного здания МГУ. Мне было интересно.

Новые знакомые обещали мне экскурсию, которую вскоре осуществили. Здание было всё сырое и серое, можно даже сказать – мрачное. Огромное количество этажей. Для каждого студента планировались отдельные комнаты. Они были такими маленькими, напоминающими пеналы для карандашей и ручек. В них могла поместиться только кровать, стол и стул. Я не знаю, куда там мог бы втиснуться ещё шкафчик для вещей. Стены и перегородки – всё было бетонное. Строили быстро, отделочные работы ещё не начинались, поэто-

му пахло везде сырым раствором, которым оштукатуривали стены и перегородки, и всё кругом напоминало большой многоэтажный улей со множеством сот. Ещё можно было бы это всё сравнить с огромной скалой, в стенах которой ласточки устраивают свои гнёзда. Но самое большое впечатление на меня произвел вид из окон этого великого высотного здания. Вид с высоты птичьего полёта на окрестности. Черёмушки, которые тогда были обычной деревней, были далеко внизу. Домики казались игрушечными, люди – муравьиными головками... На стройку попасть просто так было нельзя, объект считался «закрытым». Поэтому, мне повезло увидеть это чудо века своими глазами изнутри. Правда, наверх пришлось залезать долго, по недостроенным (без перил) лестничным проёмам. А на верхних этажах и лестничных проёмов ещё не было. Временными лестницами служили перекинутые с этажа на этаж балки с набитыми поперечинами из досок. Но, как говорят, цель оправдывает средства.

Получив первую зарплату, я решила съездить в Вельяминово, и признаться, наконец, бабусе, что бросила техникум. Я накупила гостинцев. Не помню – каких, знаю только, что покупала какие-то крупы, и то те, которые подешевле, чтобы больше купить... Когда я приехала в Вельяминово на выходные, был вечер, и все уже засыпали. Я помню, как с печки протянулись тоненькие ручки Милки и Борьки. Первое, о чём они спросили – привезла ли я чего-нибудь поесть... Они продолжали жить впроголодь. Помогать им я ничем не

могла, так как сама «болталась», как щепка в проруби. А они жили на маленькие мамины заработки и бабушину «копеечную» пенсию...

Я предложила бабушке продать последнее, что у неё оставалось от старой жизни – часы. В своё время все золотые корпуса с часов были сняты и спущены в торксин. Так называли скупку вещей. Туда сдавали всё, что было ценным, что принимали, и платили деньги, на которые спасались от голода. А механизмы от часов сохранились у бабушки до сих пор. Часы-то были все швейцарские, дорогие. У бабушки это была, наверное, последняя память о былых временах и людях, которым эти часы принадлежали. Но мне она никогда и ни в чём не могла отказать. Поэтому и сейчас она молча мне отдала эти механизмы от часов. Их было штук шесть-семь: от наручных часов, от часов-луковиц, от маленьких дамских часиков.

Конечно, порыв и желания мои были самыми благонамеренными. Но, к сожалению, довести благие намерения до правильного конца, я не смогла. Я не знала, куда в Москве с ними сунуться. Предлагала их купить в одной, потом в другой мастерской. Но там почему-то этими часами не интересовались. Хранить в общежитии их было нельзя, так как это была не комната, а проходной двор. Тогда я попросила нашего инженера – Мельникова подержать часы у себя и помочь их продать. Он обещал, но говорил, что и у него ничего пока не получается. А потом я просто о них забыла, а, мо-

жет быть, махнула рукой. Я тогда спокойно перешагивала, не оглядываясь, через свою юность и судьбу, а уж часы-то... Маленькая, бессовестная дура...

У нас, для работающих на строительстве МГУ, независимо какую бы работу мы не выполняли, организовывали разные мероприятия, в том числе и – самодеятельность. Естественно, как только я об этом узнала, сразу же записалась в этот кружок. Руководил самодеятельностью мужчина, лет под сорок. «Драмкружок, кружок по фото...» – это было не по его части. Он играл на аккордеоне, и в основном, все номера сводились к песням. Мы на репетициях пели дуэтом, квартетом, хором... Надо учесть, что слуха-то у меня нет, хотя есть – внутренний слух. Я слышу, когда поют неправильно, врут мелодию. Про себя я знаю, как должно звучать правильно, но сама вслух правильно пропеть не могу.

И вдруг, наш руководитель начинает меня уговаривать – петь соло.

Я, естественно, отказывалась. Дальше – больше. Он начал ухаживать за мной. Мне это было даже неприятно. Он стал уговаривать меня согласиться на его предложение – подготовить несколько песен. Он говорил, что у меня хорошие сценические данные, петь меня он выучит, и мы будем выступать в концертах: я – петь, а он аккомпанировать на аккордеоне. Мне надоели его уговоры. По моим понятиям, он был нудным стариком. Я просто перестала ходить на занятия

кружка. Он разыскал меня на моей работе. Как-то мне сказали, что меня вызывают на улицу (на склад мы ходили строго по пропускам). Оказалось, меня вызывал этот «поклонник». Я довольно резко поговорила с ним. Он сказал, что никуда не уйдёт, пока я не приму правильного решения. Я ушла и пожаловалась инженеру Мельникову, что один старик (а Мельникову было, наверное, столько же лет), пристаёт ко мне, и не даёт мне прохода. Я попросила Мельникова выйти и разъяснить моему поклоннику, что преследовать меня бесполезно. Мельников, действительно вышел, о чём они говорили, не знаю. Но, когда он вернулся, сказал мне что с этой минуты я могу не беспокоиться, меня оставят в покое...

Был ещё случай. На посиделках на кухне, в меня влюбился рабочий Ваня. Был он крепким, сильным. Имел какие-то заслуги на стройке. А мне он не нравился. Он был года на три старше меня, а я предпочитала встречаться с мальчиками моего возраста.

Однажды, прибегают в выходные знакомые «по кухне» ребята и зовут меня с собой. Говорят, что Ваня с горя запил, и, если меня не увидит, то что-нибудь с собой сделает. Пришли в мужское общежитие. Лежит Ваня на кровати и плачет. Мне ещё не приходилось иметь дело с пьяными – Бог спасал. Увидел Ваня меня, бухнулся на колени, стал что-то говорить, что-то объяснять, чего-то просить. Рядом стояли его ребята, и тоже не знали, какую роль им отведено в этом спектакле.

В конце концов, Ваню уговорили лечь спать, и сказали ему, что разговаривать с ним я буду завтра. Он успокоился, лёг и заснул. Больше я с ним не виделась, избегала его, слава Богу, мне это удавалось.

Время шло. Лето катилось к осени. Работать на складе мне стало надоедать. Я понимала, что надо учиться. Где, на кого?

В общежитии мы с двумя другими жилищками не разговаривали. Я их почему-то раздражала. К ним почти каждую ночь приходили парни. Кровати их были завешаны «балдахинами», вернее, занавесками, наподобие балдахин. Меня их оргии не интересовали. Честно сказать, я просто не понимала до конца, что у них происходит каждую ночь. Нет, я, конечно, понимала, что у них с парнями взрослые отношения, но что это означает, я и не представляла, да и не задумывалась над этими проблемами. Удивляюсь, как я сама не нарвалась на какие-нибудь неприятные приключения в этом плане. Однажды утром, когда их парни ушли, они долго смеялись. Одна другой рассказывала, что её парень так старался, что, в конце концов, уснул лёжа на ней. Я подумала, что он уснул на ней, потому что кровать узкая, и рядом лежать тесно.

На этом этапе познания этих тем, я пока освоила поцелуи. Целоваться мне нравилось, и я считала это не грехом, а приятным развлечением. Конечно, если нравится мальчик, и флиртовать и встречаться с ним приятно...

Видно, я здорово раздражала своих соседок по комнате своим безразличием. И вот, однажды, прихожу с работы, а мои вещички сложены в сумку и выставлены в коридор. Я попробовала зайти в комнату, они не пустили. Поднялся скандал. А скандалить тогда я ещё не умела. Они объявили мне, что на моё место они подыскали себе другую «товарку», а я могу убираться куда хочу. Я говорю, но в комнате ещё остались мои валенки и кое-какие другие вещи. Они сказали, что у них кое-что пропало, и ещё надо доказать, что в этом виновата не я. Поэтому они конфискуют из моих вещей то, что им понравилось, а если я не уйду, они меня ещё и изобьют.

Ну и куда мне было идти? Решила поехать и позондировать почву – где и кем работает Инка Кондрашова. Дома её не застала. Поплелась к Найке. У той всегда можно было переночевать. Найка приняла меня радушно. Она рассказала, что после общения со спецнами, перешла на курсантов лётного училища, а в настоящее время встречается с футболистами. И, действительно, вскоре стали съезжаться гости: модные накрашенные девицы и потом завалилась шумная компания ребят. Правда, среди них почему-то был один не футболист, а молодой военный, в лётной форме – чей-то друг.

За столом засиделись до поздней ночи. Когда все начали укладываться спать, я поняла, что метро уже не работает, и мне тоже придётся задержаться у Найки до утра. Футболисты разобрались с девчонками. Видно, здесь давно уже сформирова-

ровались пары. Мне показали место за шкафом (вся мебель была расставлена так, чтобы было много спальных изолированных мест).

Я легла не раздеваясь на какой-то жёсткий топчан. И вдруг сюда же направился лётчик. Я его спросила – «А что, больше нет мест?» – «А я на новенького» – «Тогда вы не по адресу. Я здесь случайно»...

– «Но не могу же я спать на полу».

– «Чур до меня не дотрагиваться».

– «Все так говорят».

Он примостился с краешку топчана, и попробовал меня обнять. Я его оттолкнула. Он сказал:

– «Понял. Тогда я посплю»... – И, действительно, вскоре заснул.

Утром пораньше я встала и ушла. К моему удивлению лётчик догнал меня на улице. Проводил меня до метро, и наговорил массу комплиментов, уговаривая продолжить знакомство...

Но у меня в голове крутилась единственная мысль – куда идти-то?

Я подумала – наверное, это судьба. Пора мне завязывать с этой стройкой. Коллектив далеко не тот, что был в технике, это видно из моего рассказа.

Взяла я сумку, и... – поехала в Вельяминово, домой. Даже документы никакие не забирала. Как всегда, о том, чтобы забрать трудовую книжку, я тоже – не подумала... Толь-

ко зашла попрощалась с Мельниковым, сказала, что увольняюсь, и уехала.

Часть 18

Десятый класс

Бабусе я покаялась, объяснила, что всё-таки поняла, что нужно кончать десятый класс, и поступать в институт.

И вот опять я оказалась в той же Михневской школе, в том же интернате. Приняли меня в десятый класс, засчитав за девятый – два курса кожевенно-обувного техникума.

И опять бабуся копила свою пенсию, чтобы оплачивать мою учёбу.

Несмотря на то, что я поболталась по «самостоятельной» жизни, почти что соприкасалась иногда с житейской грязью и омерзительными сценами, я осталась такой же наивной фантазёркой, какой и была раньше.

Ведь, если я о чём-то рассказывала бабусе, что я хочу того-то и добьюсь этого, я, ведь верила в это, а не просто «вешала лапшу на уши». А ведь, мне исполнилось уже 17 лет.

В интернате, как и раньше, жили и детдомовские и другие дети. Но играть, как прежде, в пионерские игры мне было не интересно. Меня уже начали интересовать мальчишки. А всё свободное время я отдавала художественной самодеятельности.

В этот раз я увлеклась плясками. В школе кружком худо-

жественной самодеятельности руководил преподаватель танцев. В основном мы разучивали русские народные пляски. Как-то так получилось, что у нас в этом плане началось соревнование с параллельным классом. У нас из Вельяминово учились ещё девочки. Разговорились, и я узнала, что почти в каждой семье, в сундуках бабушек хранятся старинные народные костюмы – панёвы. Это были яркие сарафаны, блузы, кокошники с лентами. Раньше я думала, что вроде такие костюмы носили только на Украине, или в Молдавии. А здесь была такая красотища. Я не помню, каким образом нам удалось уговорить бабушек одолжить нам эти костюмы. Наверное, потому, что танцевали в этих панёвах и их внучки. На концерте мы произвели фурор. Но, к сожалению, победили соперники.

Зима была холодная. Я донашивала какую-то старую одежду. Помню, однажды, когда я собралась на выходные домой, классная руководительница – учительница химии, Мария Александровна, пригласила зайти к ней домой. Она напоила меня чаем и подарила огромную вязаную шерстяную из деревенских ниток, шаль. Она окутывала не только голову, но и плечи и спину. Пальтишко-то у меня было тоненькое, отнюдь не зимнее.

Странно, но у меня сохранилось несколько листочков дневника, который я начинала писать, поступив в 10-ый класс. Естественно, начав писать, вскоре его забросила.

Странички блокнотного дневника Иры

3.4.9.52.

Уже четвёртый день занятия.

5.9.52 г. И где мы не будем, нигде не забудем сияние школьных огней!!!

Сейчас сидим на школьном часе.

Сидим на парте – я, Маша и Клава. Маша достала дневник свой и дала прочитать нам описание одного из воскресений. Было написано как раз о том, как проводился у них прощальный вечер 10 – ых классов дневной и вечерней школ. Маша, несмотря на то, что была девятиклассница, тоже попала на этот вечер. У неё за этот день описание кончалось цитатой из песни:

«И где мы не будем,
Нигде не забудем
Сияния школьных огней».

Эти слова мне суммировали все мои мысли о том времени, когда я училась в техникуме, и тогда, когда я поступала в 10-ый класс.

В техникуме мы являемся ведь тоже учащимися. Но студентов нельзя сравнить с учеником дневной школы и даже вечерней.

Студенческая жизнь безгранично разнообразна, и интересна. Но там себя, например, я хоть, чувствовала уже самостоятельной. Меня там не заставляли учиться, как в школе, не вытягивали, не было тех простых отношений с учителями всеми, как это было в школе. Я пользовалась авторитетом, меня все хорошо знали, мне, если надо было, предлагали помощь, но всё равно, это уже не то. Резко чувствовалась оторванность от школы. Я думала – неужели мне никогда в жизни не придётся сидеть за партой. В техникуме, в аудиториях мы занимались за столами. Я с сожалением вспоминала, что прошла пора, когда я могла называть себя школьницей.

Ведь школа, учителя, уроки, парты, всё это так знакомо, так близко и дорого, до боли дорого, и всё это связано с самой счастливой порой нашей жизни – детством и юностью, с первой порой нашей золотой юности, которую нам предстоит ещё прожить в институте.

И вот моя мечта, о которой я даже боялась мечтать, сбылась.

Я учусь в 10 – ом классе Михневской ср. школы. Как гордо это звучит – десятиклассница. Выпускники...

Когда я пришла в эту школу, – я услышала от Алексей Михайловича Бобова – преподававшего в школе военное дело, что в 10-й класс принимают после полностью оконченных 2-х курсов техникума. А я окончила только три семестра – полтора курса. 9-й класс меня не устраивал. Алексей Михайлович был не только преподавателем военного дела,

но и заместителем директора школы. Видимо, он поручился за меня, и вот именно он сообщил мне о том, что я решением педсовета принята в 10 Б класс. Я так обрадовалась, что в порыве этой бурной волны нахлынувшего счастья, вскрикнула, а потом сказала – «Давайте я Вас расцелую за такую весть». А Бобик заулыбался в свою очередь, и мне так ответил: – «Ладно, ещё впереди будет время».

1-го сентября, я, бывшая студентка Московского кожевенно-обувного техникума экстрактового отделения, вместе со всеми учащимися, села за 1-ую парту 10 го «Б» класса Михневской школы.

Затем в дневнике шла пустая страничка...

А ещё на последующих страничках были записаны тексты песенок, которые мы с девчонками иногда напевали...

ЛУЧШИЙ ПАРЕНЬ НА ДЕРЕВНЕ

Во всей дярёвне, да нету краше парня.
И лучше Ваньки в дярёвне не найти,
Любил он Наську «да эх она каналья,
Меня любить не хочет никогда.

«А что ж ты брешешь, парень окоянный,
Меня обманывал ты завсягды,
Надысь с Авдотьей крепко целовалси,
А на меня смотрел из под углы.

А ну ка – девки собирайтесь в кучу,
Осудим парня да мы судом своим
И зададим ему такую взбучку,
Чтоб не обманывал он боле никоды»

«Простите девки, да боля я не буду
Обманывать не буду никоды
А про Авдотью да я теперь забуду
Любил я Насську и боле никовы».

ДВЕ ЖЕРТВЫ

Пошел купаться Юверлей, Юверлей
Оставив дома Доротею
С собою па-а-ару пузыре-е-ей
Берет плавать не умея.

(Последние 2 строчки каждого куплета поются 2 раза).

Но с ним случился рок судьбы, рок судьбы
И он нырнул вниз головою
И голова-а-а, тяжелей но-о-ог,
Она осталась под водою.

Жена узнавши про беду, про беду
Увидеть захотела тело
Но Ноги ми-и-илого в пруду-у-у
Она узрев – окаменела.

С тех прошло уж много лет, много лет.
Травкою поросли аллеи,
Но всё торчи-и-ит там пара но-о-ог
И остов бедной Доротеи.

Мораль сей песни такова
Не надо было Юверлею
Ходить купа-а-аться без жены-ы-ы
А надо было вместе с нею.

Эту песенку мне пела моя подружка Талочка. Песенка мне так понравилась, что я записала её для памяти в дневнике.

ЦЫГАНОЧКА

Раз в цыганскую кибитку
Мы случайно забрели
Платки пёстрые в накидку
К нам цыганки подошли.

В этой песенке тоже две последние строчки каждого куплета повторяются дважды.

Одна цыганка молодая
Меня за руку брала
Колоду карт в руках держала
И говорить мне начала.

От тебя ничто не уходит
И не уйдёт казённый дом

На квартиру к тебе ходит
Бубнова дама с королем.

Она тебя так крепко любит
И на твоих она глазах
Но вместе с ней ты жить не будешь

И топчешь свадьбу ты в ногах.

На этом кончила цыганка
Я за труды ей заплатил
Но в моем сердце стала ранка,
Как будто кто кинжал всадил.

РОДИНА. Муз. Айвазяна
Милая, я помню поздний час
Первый раз я у тебя
Не забыть мне блеска твоих глаз
Милая любовь моя
 Милая, я помню стройный стан
 Джаз играет Родину
 Где то вдалеке мой Ереван
 Я пою мою мечту.

Не могу представить одного
С кем танцуешь ты сейчас
Может быть, целуешь те его
Может быть огонь погас.

 Если в ресторане горе пью,

Достою я твой портрет,
На него я только посмотрю
И милее пошлый свет.

Если блюз танцую с девушкой,
Помню я мой друг тебя
И когда бываю я хмельной
Я пою судьбу клеймя.

Милая, я верю в чистоту,
Верю, что не тронута,
В ресторане вижу пустоту
Видю лишь тебя одну.

А дальше следовало продолжение записей дневника...

Сегодня пятый день занятий. Каждый день я учила так, что не успевала выучивать уроки, не оставалось ни минуты свободной, но те которые выучивала, знала более – менее прилично, если не на 5, то на 4 твёрдое. Раньше я математику не любила, тянула на 3, теперь стала учить – она мне понравилась. Сделаю из этого вывод: учи предмет, и он всегда будет нравиться, если его будешь понимать и знать.

Я оставила техникум. Почему я не жалею об этом. Ведь это всё время самостоятельной жизни, юности, когда пробуешь силы своих знаний и понятий жизни, когда тебе предстоит самой, без посторонней помощи решать жизненные проблемы, вопросы, могущие повлиять на всю дальнейшую

жизнь. Жизнь студента – нищего студента интересна не только трудностями, она интересна своей свободой и разнообразием, своей отчасти беспечной весёлостью, разнохарактерностью препровождения свободного времени.

Почему же я не жалею, о той трудной и весёлой жизни, которую я вела, которую ведут все студенты? Ведь если школа дороже, так только тем, что она накрепко связана с прошлым, которого не вернёшь. А студентам можно быть всю жизнь, как говорят про таких – вечный студент.

– Это раз, а во вторых, что и есть главной причиной, – то, что мы ещё будем студентами, и я успею вкусить ещё раз студенческую жизнь. И она будет интереснее, т. к. буду студенткой института.

Сейчас такой возраст, такое время, когда хочется испытать большое чувство, чувство истинной дружбы и любви. Это чувство я ставлю так высоко, что в жизни, вокруг себя, кроме книжной болтовни, я ещё не встречала такой взаимной любви у других, которую можно назвать истинно чистой, как родник – святой любви.

Как сейчас дружат и любят? Девчонка, смотришь, ещё совсем соплячка, а уже стреляет глазами и выслушивает от ребят признания вроде: – «давай с тобой дружить?!?!?», или – «давай с тобой встречаться?!».

Если ещё этот мальчишка, такой же сопливый, пятнадцатилетний, которому мама ещё сама, когда он ляжет спать, ставит заплатки на штанишки, да приговарива-

ет «хорош, когда спит», и если такой мальчишка понравится девчонке, то она соглашается с ним встречаться.

Они, проводя вдвоём вечера, представляя себя взрослыми, обнимаются, целуются, ведут глупый разговор, в то же время, мечтая про себя: она – с кем изменит ему, а он – какая будет его следующая девочка. Вслух они приходят к общему соглашению – дружить до особого предела во всём, и объясняются монотонно в любви, сами не понимая всей недалёкости их наигранности.

А другие про них говорят: «они гуляют»... Или, если про них спросят где они, спокойно ответят: «Ушли дружить».

11.9.52 г.

Ту мысль, которую я начала развивать в тот раз, закончу потом, а сейчас решила написать о моей новой жизни в 10-м классе и вообще в интернате.

Первые 3 дня мы ночевали в столовой интерната. С квартирами в Михнево обстоит трудно, т. к. в Михнево стоит военная часть и офицеры снимают комнаты и дорого за них платят. Поэтому найти дешёвые комнаты для интерната – очень трудно. Поселили нас к одной старушке со старичком – Семехановым. Дом их стоит за церковью. Снимаем 2 комнаты. Одна – проходные сени – на 10 человек – огромная, с кривым полом. Там – восьмиклассники. А для нас отвели бывший чулан. В нём видно хранилось раньше мясо, т. к.

долгое время не могли проветрить достаточно хорошо комнату, чтобы можно было входить – не морщась и не затыкая носов. Комнатушка сырая. Матрасы, подушки и одеяла отсырели. Одно окошко выходит на церковь и изнутри не закрывается, другое в сад – с большими ящиками яблок, и закрыто на 2 рамы, так что не открывается вовсе. Ну, я по старой привычке, схватив эти несколько данных, набросала пару новых четверостиший:

За квартиру платим 30,
А в квартире что твориться,
Одни обломки печки
На них огарок свечки.

Потом набросала про питание. Сейчас нас кормят сравнительно хорошо, считая все трудности питания – 3. р 60 к. в день на каждого, да притом в магазине в Михнево ничего не достанешь.

В первые же дни нас кормили одной картошкой: на завтрак чай и картошка, обед: картофельный суп и картошка, ужин: чай и картошка. Я написала:

Солнце встаёт и мы встаём
Время идёт и мы идём
В столовую..

А когда мы придём, садимся и ждём
Когда принесут и нам подадут
– Готовую:

Картошку варёную,
Картошку толчёную,
Картошку в водах,
Картошку в жирах,
Чаёк с сахаринром,
И хлеб с керосином.

Когда принесут и нам подадут
Сидим и молчим, молчим и едим
– С аппетитами...

Когда всё сожрём, встаём и идём,
С блеском в глазах, с едой в животах
– Набитами:

Картошкой варёной,
Картошкой толчёной,
Картошкой в водах,
Картошкой в жирах,
Чайком с сахаринром,
И хлеб с керосином.

На уроках сидим, в тетради строчим...
В головах садом, всё с великим трудом
– Понимается.

А учителю в тон, подвывают потом,
не в меру урча и немного ворча

– Переваривается:

Картошка варёная,
Картошка толчёная,
Картошка в водах,
Картошка в жирах,
Чайком с сахарином,
И хлеб с керосином.

19 сентября 1952 г.

Давно не писала в дневник. И тот раз так неожиданно прервала записи. Писала на школьном часе. Подошёл Неучев и вырвал дневник. Ребята убежали с ним на улицу. Но Михайлёв потом сказал мне, что они его не читали, т. к. с самого начала им это не понравилось.

Живём у Селиханович. Провели свет. В большой комнате 2-й печник строит русскую большую печь. Потом будет строить печь и у нас, но не русскую, а небольшую плиту. А пока поставили маленькую железную печку. Топят вечером понемножку дровами хозяйки, но бывает очень тепло.

Решила теперь писать дневник, как и писала, но только прятать подальше.

Только сейчас кончила читать «Студенты» – Трифонова. Трифонову было 25 лет, когда он написал эту книгу. Родился он в 1925 г. Сейчас он ровно на 10 лет старше меня и уже написал такую книгу. Правда, он кончил Литературный институт. Если он окончивший институт, то я – всего лишь будущая студентка. Он в институте учился 5 лет. Значит знаний у него больше, чем у меня на 5 ученических лет.

Если я попробую сейчас написать рассказ, или повесть. У меня должно выйти в 5 раз хуже, чем у Трифонова. Но ведь и он был таким же, как и я. И он пробовал писать в моих летах. Почему же и мне не попробовать. Пусть будет первый блин комом. Ведь и Трифонов не родился готовым писателем. Я попробую написать повесть. Работать придётся много. Буду писать повесть по ходу развивающихся событий. Тема: борьба за знания. Буду описывать наш 10-й класс. И повесть так и назову «Десятиклассники».

Буду писать, как есть и так, как думаю, придерживаясь своих убеждений. Главным лицом если взять себя? А, если потом другие скажут: хочет себя выставить? Вот уже ловлю себя на боязни, сомнениях в том, что скажут другие. Нехорошо. Ведь многие писатели под каким-либо действующим лицом подразумевают себя и большей частью под главным. Хорошо. Я буду одной из главных героев повести. Стоит ли

идеализировать свой образ или ещё чей-нибудь? По-моему не стоит, а писать буду, как и решила – обо всём так, как и есть всё на самом деле. Стоит ли выводить и подвергать их критике, со своей точки зрения, – учителей? По-моему стоит о них писать также, как это всё есть на самом деле...

Итак решено. Я начинаю писать повесть не от лица автора, а вообще – о всех и о себе, как о посторонней девочке. Писать начало, не зная конца этой повести. Можно ли так писать? Ведь говорят, что писатель должен заранее выносить всё своё произведение – детище в своей голове и только после этого уже вылить всё, что обдумано – на бумагу.

Конечно у меня масса будет, и есть – ошибок. Но попытка не пытка. Попробую. А там ведь, что выйдет. Для повести думаю завести отдельную тетрадь. Думаю, что в дневник придётся писать после этого – мало. Ведь у меня всё будет записано в повести. Главное, чтобы не было сухо. Пусть это будет всё просто, ясно. Смогу ли? Попробую.

Получила от Оли Медведевой 2-е письмо. Это – девочка, с которой я училась в техникуме. Я ей писала, что мне нравится Михалёв. Просто, по-моему он здесь лучше всех из ребят. Да и на личико он хорошенький. О том, что мне он нравится, узнали девчата и передали ребятам, а ребята ему, как видно. Он стал немного грубее, и в то же время – учтивее ко мне.

Мы сейчас часто спорим, а то и ругаемся, но при случае он вежлив, интересовался моей жизнью в техникуме и т. д. Оля желает мне хороших с ним отношений, но, как и когда это всё будет, и будет ли, не известно. А вообще хочется, чтобы мы с ним были друзьями.

Я помню, как сама Оля рассказывала о школьницах из своего города – Загорска. Там находится семинария. После её окончания, семинаристы получают распределение и перед отъездом на новое место, в свой приход, они спешат жениться. Школьницы старших классов стараются познакомиться с семинаристами. Приглашают их на школьные вечера и стараются после выпускных экзаменов стать невестами семинаристов, чтобы после их выпускных экзаменов выйти за них замуж и уехать из дома.

В нашем классе есть Дядин – грек наполовину, я уж забыла с кем. Чёрный такой. Перепёлочка сказала мне, что он с прошлого года дружит с Шульгой из 10 «А» класса. Обычно у меня, как и у каждой девчонки, появляются чувства понимания насчёт чувств ребят. Например, я заметила, что Дядину хоть немного, но нравлюсь. По-моему, это свойственно каждой женщине, и почти каждой девушке. Каждая определяет по любому слову, по любому взгляду, – какое отношение мужчины или парня к ней. Каждый взгляд, каждое слово она переводит, иногда и не намеренно, а даже в глубине

мысли, машинально, – на процент его личного чувства к ней, даже, если этот человек ей совсем незнаком. Так и я, не знаю почему, но как-то невольно понимаю, что Дядин смотрит на меня не как на всех. Наши парты стоят рядом. Моя в среднем ряду первая, его в крайнем ряду первая. Он сидел у окна, рядом Власин, а потом я с Перепёлочкой. Власин 3 дня болел и не был в школе. Дядин сидел на его месте и иногда машинально задерживал взгляд на мне. Я подумала, что если бы была на месте Дядина, обязательно поменялась бы местами с Власиным, чтобы быть ближе ко мне. Власин поправился, и Дядин на самом деле поменялся с ним местами. Сегодня Дядин на перемене стал вставать с парты, а я в это время о чём-то разговаривала с Русиной. и как засмеюсь. Засмеялась и посмотрела долгим взглядом, как будто машинально – на Дядина. Смотрю и смеюсь. А он механически перестал вставать с парты и опять сел, продолжал в свою очередь смотреть на меня.

Я не знаю почему, но мне хочется, чтобы Дядин громко говоря – «полюбил» меня. Но ведь я твёрдо знаю, что отвергну его любовь или товарищескую дружбу. А вот хочу всё-таки потягаться с Шульгой – этой красавицей школы. Ну там время покажет.

Думаю, что немного нравлюсь Прозорову, и могла бы понравиться Самоварову. Но Саморову хорошей парочкой бы-

ла бы Мохова. Думаю, что Перепёлочка моя нравится Бобкову. Ну ладно. Писать кончаю. Сегодня суббота. Домой не поехала. Завтра жду Милку. На улице дождь.

Одновременно с повестью, мне не мешало бы послать парочку стишков в Комсомольскую правду. Сейчас поработаю над темой и попробую написать.

Далее карандашом написано несколько слов по-немецки. И на этом кончается дневник. Наивный детский дневник... Он лишний раз показывает, как в свои 17 лет я по существу оставалась ещё глупенькой девочкой...

Больше об этом времени я ничего не запомнила...

Единственное, что осталось на память, это несколько стихотворений, наивных, но, отражающих то настроение, которое меня не покидает и сейчас при воспоминаниях об учёбе в Михневской школе...

Михнево. Интернат.
10-ый класс.

ОСЕНЬ

Заметно вечереет,

Но ещё светло.

От заката солнце,

Зажглось огнём окно.
Уже на землю падает
С деревьев желтый лист.
И воздух по осеннему
Прохладен, свеж и чист.
Осеннею порою
Приятно погрузить.
В тихий палисадник окошко отворить.
Наблюдать, как птицы
Все на юг летят,
Как вдали, за рощей
Догорел закат.
Как с полей колхозных,
Окончив день труда,
С радостными песнями
Спешит народ сюда.
Вот пригнано стадо
Колхозным пастухом.
И в воздухе запахло
Парным уж молоком.
Распахнёшь по шире
Ещё своё окно,
На душе так радостно
Привольно и светло...
Смотришь, и смеёшься,
И дышишь во всю грудь...
А счастья столько много,
Что некогда взгрустнуть.
Как хорошо, что именно

Живу в такой стране,
Где обо мне заботятся,
И помнят обо мне.
Где ждут, когда ты вырастешь,
И для своей страны
Новые построишь
Заводы и дворцы.
А, чтобы с полной силой
Вступить в рабочий строй,
Нам много нужно знаний,
Даваемых страной.

Вот такие патриотические стихи писала я в свои 17 лет.
Но это ещё что! Мой патриотизм переливался через край и
выплёскивался стихами, вроде этих:

СПАСИБО ПАРТИИ

Живя счастливо, русское спасибо
Мы говорим родной своей стране,
Великой нашей ПАРТИИ спасибо
За счастье всех, на всей моей земле.

И, если на страну опять нагрянет
Нежданной силой новая война,
Народ за мир стеною плотной встанет
И защищаться будет до конца.

Пусть сильнее сияют звёзды над Кремлём!
Человек шагает всё вперёд и выше!

Наш народ живёт счастливей с каждым днём,
С каждым часом к КОММУНИЗМУ ближе.

Я не придумываю. Эти стихи я писала от души. Но были и другие стихи.

КЛЯТВА

Опустилась ночь над интернатом,
Лунный свет разлился за окном,
Мы с тобой сидим на койке рядом,
Говорим о будущем своём.

Раньше ты весёлым был мальчишкой,
Я была, как девочка, – глупа.
И, склонившись рядышком над книжкой,
Мы не знали, как любовь сильна.

Годы мчатся, пробегая мимо,
Мы теперь с тобой выпускники,
Этой же весной, окончив школу,
Разные мы выберем пути.

Сидя каждый день за школьной партой,
Дружбу укрепляли мы свою
Над задачей трудной, и над картой,
Не зная слова этого – люблю.

Ты сейчас сидишь со мною рядом,
Крепко прислонив плечо к плечу.

И другого счастья мне не надо,
Ведь ты знаешь, – я тебя люблю.

Так давай сейчас друг другу скажем
Клятву нашей сбывшейся мечты,
Что всегда друг другу верны будем,
Как сейчас стране своей верны.

Не было у меня ни любви, ни влюблённости, и с мальчишкой за партой я не сидела. Я думаю, что я тосковала по этим чувствам, воображая их по книжкам и по фильмам. И под такими стихами нужно подразумевать призыв любви, но?!?!?

ПЕСНЯ О ШКОЛЕ

(на мотив – «Сормовская лирическая»).

Школа родная! Пора золотая!
Тебя никогда и нигде не забыть...
Парты и книжки! Стихи и мальчишки!
Всё в памяти свято мы будем хранить.

О том, как сдували, в кино убегали,
Как подвиг мечтали большой совершить...
О том, как гуляли, стихи сочиняли
И робко мечтали впервой полюбить.

Ещё не забудем, где только не будем,
Учителя образ простой и родной.
Как часто ругал нас, но он воспитал нас
Всё правильно делать и твёрдой рукой.

Часть 19

Проба пера

Нужно отметить, что задуманное, о котором я вспоминала в конце этих страничек дневника, я всё-таки выполнила. Я задумала написать повесть, но получился только небольшой, наивный, детский рассказ, надуманный и корявый. Но я его всё-таки написала. Мало того, додумалась даже отослать в какую-то редакцию, и в ответ даже получила рецензию.

Рассказ назывался – «Эдик». Сначала я его хотела переписать и поместить в приложении к этой главе. Но он – небольшой. Поэтому привожу его здесь.

Всё-таки это была моя первая «проба пера»...

И. В. СТЕПАНОВА

ЭДИК

Солнце смеялось. Лужи плакали, размазывая по тротуару грязные кляксы. Почки на деревьях, острыми раскрытыми клювиками, тянулись к весне и к солнцу, дразнясь клейкими зелёными язычками. Утро струилось сочной свежестью

и приятным предчувствием чего-то нового, ласкового. Была весна.

Александр Борисович, или просто – Саша, так как ему совсем недавно сравнялся четвертной, сидел у окна в кресле довольный, бритый и улыбающийся. Вчера в вечерке была помещена статья о последней его книге – «ЭДИК». Саша был начинающим писателем, молодым писателем, и, так как писать о взрослых у него не хватало опыта и знаний, он писал для детей. Он любил детей, и дети любили его.

Был у Саши друг – Эдик Баталов – Сашин однофамилец, и жил он этажом выше. Учился Эдик в третьем классе. Родители его были – геологи, и почти всё время находились в отъезде. Эдик оставался на попечении бабушки, которую, кстати говоря, он не слушался. Каждую минуту у Эдика случались приключения, тысячи больших и маленьких неприятностей, и бабушка давалась диву, где только он их находит.

Для Саши Эдик служил наглядным пособием. Свою последнюю книгу он написал о нём, и так и назвал её – «ЭДИК»...

В это же утро Антонида Ивановна, или просто – Тоня, так как её недавно исполнилось только 23 года, стояла у окна в учительской и, глядя на весеннюю улицу, думала: – «скоро у ребят каникулы, а у Эдика две двойки. Самый не аккуратный и беспокойный ученик. Несколько раз она собиралась сходить поговорить о нём к его бабушке и всё почему-то откладывала. Но сегодня...

Сегодня Эдик откуда-то притащил заячий хвост и ухитрился незаметно прицепить булавкой к платью Антонида Ивановны. Это было уже чересчур.

Сейчас у Тони был свободный урок, и она решила, наконец, сходить к Эдику домой.

Тоня остановилась у высокого серого дома.

– Простите пожалуйста, – обратилась она к выходящей из подъезда старушке – мне нужна квартира Баталовых.

– А, знаю, милая, знаю. Под нами живёт – третий этаж, крайняя дверь направо.

Тоня поднялась на третий этаж, и, поправив волосы, позвонила. Послышались лёгкие шаги и дверь открылась.

Саша вопросительно смотрел на Тонию.

– Мне нужна квартира Баталовых. Я насчёт Эдика.

– Эдика? Моего Эдика?

– Да, Я думала, что Вас не застану дома, ведь Вы...

– Проходите, проходите.

Саша помог ей снять пальто и провёл в комнату.

У меня немного беспорядок, Вы извините меня.

Он торопливо смахнул со стола крошки и переставил стакан с недопитым кофе на буфет. Усадив Тонию у окна в кресло, он сел напротив неё.

– Я очень рад, что Вас заинтересовал мой Эдик, мой плод долгих усилий и поисков.

Густые Тонины брови удивлённо взлетели вверх.

– Я учительница. Я считаю своим долгом предупредить

Вас, что Вы не совсем правильно понимаете задачи воспитания ребёнка. Нельзя его предоставлять самому себе. У Эдика, Вашего ребёнка.

– Моего детища, Вы хотели сказать.

– Ну, если Вам так угодно – у Вашего детища столько отрицательных сторон, что он может плохо повлиять на других ребят.

– Я охотно верю, что Вас, как учительницу, заинтересовал мой «Эдик». Экспериментируя, в методах воспитания Вам хочется найти такой метод, который бы позволил детей с пелёнок видеть послушными и примерными.

Вы только не обижайтесь, пожалуйста, но когда Вы работаете побольше, Вы поймёте, что дети – есть дети. Ну и пусть себе на здоровье балуются, пока они ещё дети.

– Но, если Эдик балуется на уроках, и получает двойки, дети видят в нём героя и начинают подражать ему. Неужели Вы хотите, чтобы Эдик стал хулиганом, а продолжение такого поведения покажет, что это будет так.

– Продолжение? Но я ещё не думал о продолжении.

– И очень плохо, что не думали. Вам нельзя быть отцом, раз у Вас такие взгляды на воспитание детей.

Тоня резко откинула косы за плечи и продолжала говорить о том, как надо правильно воспитывать детей.

– Я бы на Вашем месте... – Тонины щёки горели. – Я бы на Вашем месте больше внимания уделяла внимания Эдику, а не так – от случая к случаю, как это делаете Вы, молодой

папаша.

Саша слушал молча. Когда Тоня назвала себя, он сразу понял, что это – молодая учительница первой ступени, прочитав его книгу, пришла поделиться с ним впечатлением. А она, обманув его ожидания, принялась критиковать его, говорить ему о том, что он плохой воспитатель. Саша становился всё более недовольным. Подумаешь, пришла какая-то девчонка, с длинными косами, с курносым носом и ямочками на щеках, сидит, и невозмутимо читает ему нотацию. Когда она кончила, он довольно сухо сказал:

– Я, конечно, приму Ваши советы к сведению, но всё-таки я сам не плохо знаю всё, что входит в мои функции.

И Саша встал, давая понять, что разговор окончен. Тоня тоже встала. Щёки её покраснели ещё больше, а ямочки на щеках стали ещё глубже. Носик вздёрнулся ещё выше.

– Теперь понятно, откуда берутся у нас такие дети, если сами родители поощряют их поступки...

– Вы хотите сказать, что...

– То, что я уже сказала...

Саша пожал плечами.

– Очень сожалею. Но ничем не могу помочь.

– Тогда я буду принимать другие меры воздействия на Вас, раз Вы не хотите слушать мои советы. До свидания.

Саша ещё раз пожал плечами, помог ей одеться и проводил до дверей.

Тоня шла по дороге, и ругала себя: – «Девчонка, ...учительница! Не могла найти подход к человеку! Не смогла объяснить всё, как нужно...».

А Саша сидел недовольный. Допил холодный кофе и, ворчливо думал – «Ходят тут всякие! Знала бы свою школу, а то в чужую душу лезет, учить вздумала...»

В дверь постучали. Это, конечно, Эдик. До звонка он не достаёт и стучит всегда в дверь ногой. Эдик влетел в комнату кубарем, чуть не сбив с ног Сашу.

– Дядя Саша, дядя Саша! Ко мне училка приходила жаловаться. А бабушки дома нет, я знаю.

Саша внимательно посмотрел на Эдика.

– Учительница?

– Ну да, Антонида Ивановна.

– С косами?

– Да.

– И ямочки на щеках?

– Да, а Вы откуда знаете?

Саша внезапно понял всё и бросился к дверям. Выбежал на улицу, но Тони уже нигде не было. Саша вернулся домой и, чему-то усмехнувшись, усадил Эдика в то же самое кресло, где только что сидела Тоня и сел рядом.

– Я знаю, Эдик, что ты не слушаешься бабушку, что у тебя две двойки. Так вот, этого больше не будет. Ясно? С сегодняшнего дня я сам буду проверять твои домашние задания. А в воскресенье поедем в цирк.

Потом, подумав немного, Саша взял с этажерки книжку и протянул её Эдику:

– Передай её завтра Антониде Ивановне, и скажи, что с сегодняшнего дня я сам займусь твоим воспитанием, а ещё скажи... скажи, что в воскресенье мы её с собой приглашаем в цирк.

На следующий день, на первом уроке Эдик сидел смирно. Когда Антонида Ивановна проверила по журналу – все ли в классе, Эдик поднял руку. Антонида Ивановна строго посмотрела на него.

– Что ты хочешь сказать, Баталов?

– Антонида Ивановна, дядя Саша просил передать Вам эту книгу. Он теперь будет сам меня воспитывать. А ещё он приглашает Вас и меня в воскресенье, в цирк.

Тоня взяла книгу и прочитала вслух название – «ЭДИК».

– А кто это – дядя Саша?

Девочка, что сидела сзади Эдика и жила с ним в одном доме, подняла руку:

– Можно я скажу? Антонида Ивановна, это писатель. Он живёт в нашем доме, в том же парадном, где и Эдик, только этажом ниже. Он про Эдика книгу написал.

Тоня покраснела, и тихо переспросила:

– Этажом ниже? На третьем этаже, крайняя дверь справа?

– Да.

– Хорошо. Всё ясно. А в воскресенье, если хотите, мы мо-

жем пойти в цирк всем классом. Только вы должны тихо сидеть на уроках. А сейчас я должна начать Вас спрашивать.

В этот день Тоня не поставила ни одной двойки, и во время урока почему-то часто улыбалась.

А за окном сияло солнце, и лужи плакали, размазывая подошвами прохожих по тротуару грязные кляксы...

Была весна.

Рецензия, к сожалению – не сохранилась...

Часть 20

Случилось

И опять мне стало казаться, что учёба в школе мне надоела. Меня опять потянуло на приключения. Какие? Я ещё не придумала. Наверное, для этого должно было что-нибудь случиться. И оно случилось.

В марте, как гром грянул с неба. Умер Сталин...

Впечатление от этого известия было такое, что казалось, как – будто небо обрушилось на землю.

Я собрала в интернате свои вещички, приехала домой. Бабуся спрашивает – «Почему ты приехала посреди недели? А как же учёба?» А я в ответ: – «Бабуся, а какая может быть теперь учёба? Ведь Сталин умер!»...

Вот так, в очередной раз я бросила учёбу.

Надо сказать, что в Михнево, кроме самодеятельности, я вела много другой общественной работы. Меня знала в райкоме комсомола куратор нашей школы. Бросив учёбу, я приехала к ней, и попросила помочь найти работу, например, старшей пионервожатой, или что-нибудь в том же духе. Самое интересное, что к этому времени я ухитрилась несколько месяцев не платить комсомольские взносы, а потом и потерять комсомольский билет.

Моему куратору я наплела, что школу я бросила, пото-

му что нечем платить за учёбу. Она мне посочувствовала и сказала, что у райкома есть возможность направить меня на учёбу в Высшую Комсомольскую Школу, в Москву. У них имеется путёвка в эту школу, которую они ещё никому не вручили.

Я задумалась лишь по поводу – а как быть с потерянным комсомольским билетом? А в следующее мгновение, я ответила согласием. Мне вручили путёвку, с которой я и явилась опять в Москву, теперь уже – на улицу «Малый Комсомольский переулок».

Часть 21

ВКШ – Высшая КОМСОМОВСКАЯ ШКОЛА

В школе нужно было проучиться, кажется полтора года. Выпускали оттуда инструкторов райкомов комсомола, старших пионервожатых, воспитателей в разные детские и молодёжные учреждения и других специалистов.

Эти «специальности» мне показались близкими моему характеру, а потому – интересными.

Школа находилась в центре Москвы. В том же здании, где была школа, располагалось общежитие. И в этом же здании были учебные классы. Но чаще всего занятия проводились в большом зале, где от стены до стены стоял огромный стол. Мы рассаживались вокруг этого стола, преподаватель восседал в конце его, и так проходило большинство занятий.

Предметы, которые мы изучали, были самые разнообразные. Начали свои познания мы со сказок. Нас учили понимать их и рассказывать. Были уроки по педагогике, психологии, логике и т. п. Занимались мы и музыкой, и пением и танцами и физкультурой. Кроме того, нас прикрепили к городскому Дому Пионеров, в котором мы обязаны были посещать различные кружки: шахматный, фото, умелые руки и т. д. В общем, из нас готовили всесторонне развитых мо-

лодых организаторов.

Все занятия мне казались лёгкими, а поскольку они проходились в игровой форме, то и интересными.

Но, фото меня не интересовало, и было это искусство непонятным, поэтому в этот кружок я ходила для галочки. Остальные предметы мне казались детской забавой. В принципе учёба не занимала у меня время на подготовку уроков, но пропускать сами уроки было нельзя, так как дисциплина была строгой. Кроме того, мы были поставлены на довольствие. А это значит, что нас кормили завтраками, обедами и ужинами. А после ужина закрывались все двери в школе, поэтому опаздывать с прогулок было нельзя. Свободное время нам выделялось от обеда до ужина. Если оставалось время от выполнения домашних заданий, можно было погулять по Москве. А поскольку это время у меня всегда оставалось, я с удовольствием моталась где только хотела.

В этом году я, развлекаясь на уроках, вместо конспектов, писала письма. Естественно, я налаживала переписку с мальчиками.

Для начала написала письмо в 1-ое МАПУ Розову Виктору, и получила от него ответ.

25.09.53 г. 1 – М. А. П. У.

ЗДРАВСТВУЙ, ИРА!

Сегодня получил твоё письмо. Очень обрадовался. Давно было о тебе ничего не слышно. Меня удивляет только пессимистический характер твоего письма. Не знаю, почему это нам не суждено больше увидеться. Это ж вполне реально. Ты, вероятно, бываешь в Москве, да и я должно быть мог бы к тебе приехать. Хотя я не знаю, как ты там живёшь, и почему ты там вдруг очутилась.

Напиши мне об этом обязательно, и пришли фотокарточку.

Да, ещё, откуда ты знаешь Маринку? Весной прошлого года она мне чертовски нравилась, но за лето я как-то забыл о ней, и вот ты мне опять напомнила.

Завтра суббота. Еду в увольнение. Сейчас решали с ребятами, где будем проводить, так ничего и не решили. В прошлую субботу устроили с Найкой и девочками её круга попойку и танцы.

Лето провёл хорошо, хотя и не в Москве. Ну вот и всё пока. Привет от знакомых тебе ребят.

До свидания, крепко целую (с твоего разрешения, мы, ведь, давно знакомы).

ВИКТОР.

Р. S. Ты предлагаешь для заочного знакомства нашим мальчикам каких-то девушек, но, к сожалению, мальчики предпочитают только очное знакомство и притом и очень близкое.

Пиши быстрее.

Естественно, я ответила. К тому же у нас в комсомольской школе можно было покупать билеты в театры и концертные залы. В этом случае нужно было записаться у дежурного на вахте, и это не считалось опозданием. Я купила два билета в Большой театр, и мы с Виктором Розовым сходили на какой-то балет.

Ещё пару раз я встретила с Виктором Розовым и его другом – Толей Цветковым.

Однажды Виктор не смог прийти на свидание, и пришёл один Толя. Надо сказать, что он сыграл в моей жизни определённую роль. Когда он пришёл на свидание один, мы пробродили весь вечер по Москве. А когда спохватились, оказалось, что и я и он опоздали к вечерней «поверке».

Что делать? И мы продолжали гулять уже по ночной Москве. Ходить устали. Он спросил меня – куда меня проводить домой? Я решила пойти переночевать к Кулиничам.

Добирались мы пешком, поэтому пришли к их дому часа в три утра. Будить их в это время было неудобно. Да и оставлять Толю одного ночью, тоже как то – не очень удобно было. Мы зашли во двор на Дербеневской, отыскали в дворовом скверике скамейку, и просидели на ней до рассвета, обнявшись, так как от ночной прохлады немного замёрзли. Потом разъехались по своим училищам.

Я выждала, когда у нас сменится ночной вахтёр и сделала вид, что просто выходила за чем-то на улицу. После бессон-

ной ночи очень хотелось спать, что собственно, я и сделала.

На занятиях при переключке меня не обнаружили в классе. Девочки сказали, что я – в постели, наверное, заболела. Сразу же доложили директорисе – Фаине Борисовне. Это была не молодая, суховатая, очень строгая, партийная дама. Она немедленно пришла в наш «дортуар», шучу, конечно – в спальню. Разбудила меня и спросила в чём дело? Я сказала первое, что пришло на ум – «Болит живот».

Начался такой переполох. Фаина Борисовна вызвала скорую помощь. Оказывается, наша комсомольская школа была прикреплена к 4-му Управлению. Меня привезли в какую-то «фешенебельную» поликлинику. Взяли анализ крови. Вынесли решение – аппендицита нет. И вообще ничего не нашли. Но, чтобы предотвратить в школе «инфекционные» заболевания, предположили, как вариант, дизентерию, и отправили в инфекционное отделение шикарной больницы.

Первые три дня у меня брали всевозможные анализы, даже смотрели прямую кишку – «в трубу». Это теперь я знаю, что это процедура называется обследованием у проктолога. У меня, естественно, никаких заболеваний не нашли. Но, оказалось, что, попав в инфекционное отделение, я должна выдержать карантин – 24 дня. Я попала, как в санаторий. Питание нормальное, режим – спи, не хочу, и т. д.

В палате лежало несколько женщин. И две из них были артистками оперного театра. Они соревновались между собой,

и поэтому периодически в палате устраивались концерты. Они исполняли отрывки из опер. Точно помню – из «Чио-Чио-Сан», из «Снегурочки» и т. д. Арию Леля они исполняли обе по очереди, несколько раз, на бис. В общем, скучать не приходилось.

Ко мне пару раз приходили под окошко девочки из группы. Они передавали передачи, которые покупали на специально выделенные для этой цели деньги дирекцией школы.

Часть 22

Возвращение отца

Однажды мне передали записку, и я не поверила своим глазам. Приехал отец, отыскал меня, и теперь написал, что стоит под окном нашей палаты...

Я бросилась к окну. Действительно, я увидела отца, но не одного. С ним была незнакомая женщина.

Срок отец отбывал в Иркутске, а семья была вынуждена «задержаться» в совхозе, в бараке.

Я, будучи тринадцатилетней девчонкой, воспользовавшись появившейся «свободой», выскользнула из семьи, и до возвращения отца «болталась», как щепка, попавшая в ручей. Меня прибивало то к одному берегу, то к другому, а потом несло дальше... Как я не «утонула», не затерялась в этой неустроенной, голодной жизни, не знаю. БОГ спас, а ангел в лице бабуся – охранял...

За это время я довольно долго хлопотала о помиловании отца.

В результате, мои хлопоты окончились успехом. Отец был амнистирован и вместо 12 лет, в лагерях пробыл 4 года.

Освободившись из мест отдалённых, отец домой не спешил. Решил подзаработать на обратную дорогу. В результате, он задержался на пару лет в Иркутске.

познакомился с будущей гражданской женой – Лидией Павловной Черных.

Совсем мало осталось документов – свидетелей того периода, но всё же...

ПРОТОКОЛ

ТЕХНИЧЕСКОГО СОВЕЩАНИЯ ПРИ ГЛАВНОМ ИНЖЕНЕРЕ ИРКУТСКОГО ОБЛПИЩЕПРОМА

25 октября 1952 г.
Гор. ИРКУТСК.

ПРИСУТСТВОВАЛИ:

Главный инженер ОБЛПИЩЕПРОМА – т. ИТИН

Начальник планового отдела – т. ЕПИШИНА

Инженер-технолог – т. Бондарчук

Инспектор районной промышленности – т.
БЕРКОВИЧ

Автор проекта – т. Степанов.

Инженер Н-Удинского Райпищескомбината – т.
ЗАЛЕССКИЙ

ПОВЕСТКА ДНЯ

1. Рассмотрение проекта восстановления крахмально – паточного цеха в селе ИКЕЙ ИРКУТСКОЙ области.

Слушали: Проект о восстановлении проекта по восстановлению сгоревшего крахмально – паточного цеха в селе ИКЕЙ Иркутской области.

Автор проекта – СТЕПАНОВ В. В.

На рассмотрение представлено:

Чертёж строительной части с размещением технического оборудования и сметно – финансовый расчёт.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРОЕКТА

Участок для строительного цеха закреплён в вечное пользование Тулунскому РАЙПИЩЕКOMBИНАТУ. Генеральная планировка согласована комиссией в составе представителей заинтересованных сторон.

(Второй листочек протокола отсутствует).

– 3–

8. Увеличение сметной стоимости на оснащение общей части СУСН...на 5 %

На непредвиденные
расходы.....на
2,5%

ПОСТАНОВИЛИ: По исправлении сделанных замечаний, данный проект рекомендовать к утверждению.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

ТЕХНИЧЕСКОГО

ПРОЕКТА.....подпись.....

Сохранился ещё один документ...

Иркутский областной отдел пищевой промышленности

«ОБЛПИЩЕПРОМ»
МПП – РСФСР

№ 3–11

3 июня 1953 года

ДИРЕКТОРАМ: ТУЛУНСКОГО ТАЙШЕТСКОГО
ЗИМИНСКОГО РАЙПИЩЕТОРГА
Тов. ДОРФАНУ, ПОПОВУ, ЕГУНОВУ.

В связи с освобождением, по семейным обстоятельствам и выездом, инженера тов. СТЕПАНОВА В. В. ОБЛПИЩЕПРОМ предлагает провести с последним окончательный расчёт по 10.06.1953 года. и имеющейся за вами задолженности по составлению смет, а также выплатой компенсации из расчёта месячного отпуска за 24 рабочих дня. Деньги переводить телеграфно до 26.06.1953 года.

Деньги переводить телеграфно к 10.06.1953 г. по адресу:

г. ИРКУТСК, почтовое отделение № 8 – востребования.

Отец в Иркутске не только сумел устроиться на хорошую работу, но и при этом обзавёлся гражданской женой и её дочкой – Ольгой, (лет 12-и) с которыми и приехал из Иркутска в Москву.

Естественно, ни работы, ни прописки в Москве он не добился.

После безрезультатных поисков, он и Лидия Павловна устроились на работу в подмосковном городе энергетиков – Шатуре. Жильё предполагали снимать в частном секторе.

А пока в Москве они остановились у подруги Л. П.

Остаться с мамой, естественно, он не мог.

В общем-то он уже написал бабусе в письмах, что познакомился в Иркутске с Лидией Павловной Черных, что она ему очень помогла, когда он вышел из заключения, что он ей многим обязан, и теперь они – одна семья...

И вот теперь, он стоял под окном больницы, с чужой женщиной...

Папа мне кричал в окно, что он мне очень обязан за его досрочное освобождение, что он сделает всё, что я захочу и т. д.

Дальше он сказал, что был у моей директрисы – Фаины Борисовны. Она обо мне очень хорошо отзывалась. Когда

она от него узнала, что я потеряла комсомольский билет, сказала, что это ерунда, билет восстановят.

Папа произвёл на неё очень хорошее впечатление (он вообще всегда магически влиял на женщин). Фаина советовала оставить меня в школе до окончания учёбы. Но...

Но я уже решила, что школу я брошу...

От отца я узнала, что он устроился на работу – мастером строительного цеха в Подмоскowie, в городе Шатура. Туда он поедет жить с Лидией Павловной и её дочкой – Ольгой, младше меня года на четыре.

Не раздумывая, я сказала, что поеду с ними, что хочу, наконец, окончить 10 классов, и поступить в институт...

Итак, в очередной раз я бросала временное пристанище в лице Высшей Комсомольской Школы. Интересно, если бы я её окончила, как сложилась бы моя жизнь? Школа давала возможность сделать карьеру сначала по комсомольской линии, а затем по партийной. Но я не только тогда об этом не задумывалась, я и не представляла, и не понимала – что это такое...

Естественно, с отцом должна будет уехать в Шатуру – бабуса. А перед нами – детьми был поставлен вопрос – с кем мы хотим остаться из родителей.

За себя я решение приняла сразу, решив, что хватит беспризорничать...

Борис был очень привязан к бабусе, и в общем-то устал от

голодной и бедной жизни. И только наша младшая сестрёнка Милочка, разрывалась между желанием переменить жизнь к лучшему и жалостью к маме.

Она решила остаться с ней в совхозе ещё на последующие долгие 6 лет...

Я не присутствовала, и не была очевидцем, как отец объяснился с мамой...

Позже, со слов Милы я узнала об этом трагическом моменте.

Отец приехал в Вельяминово, объяснил суть вопроса, что так мол и так...

Милке и Борису он предложил решать самим – с кем им жить. Борис сразу же сказал, что поедет с отцом. Бабуся, естественно, тоже – другого и быть не могло.

Милка понимала, что уехать – это обрести сытую жизнь. А они так все устали от голода, нищеты и безысходности... Но, мама, мама...

Милка металась в своих решениях, и всё-таки, глядя на безумное состояние мамы, сказала, что остаётся с ней...

Вскоре папа приехал на грузовой машине, собрали, и погрузили старую мебель «астраханских времён» и... уехали.

Когда грузили буфет, кровати с набалдашниками, стулья и сундук, в комнате остались только стол, табуретки, два стула и две казённые железные кровати, ну и русская печка, которую увезти было невозможно...

Мама спросила – «а нам – то что же остаётся?». Бабуся, помолчав мгновенье, обвела взглядом пустую комнату, и жестом поведя вокруг себя, сказала – «Всё это...».

Зная её доброту и чуткость, с трудом верится в эту бессердечность. Но кто знает, что она чувствовала в тот момент? И был ли у неё какой ни будь другой вариант раздела её имущества? Кровать, буфет, стулья, сундук...???

Мила рассказывала, что когда все уехали (я имею в виду бабуся, и Бориса, я ещё была в больнице, т. к. оставалось ещё несколько дней моего «карантина»), – с мамой творилось что – то неладное. Она, буквально не вмняемая, сидела на стуле, находясь в какой-то прострации. Длинные волосы были распущены, и разметались по плечам и спине. Она не плакала. Спазмы душили её горло. Казалось, что она не переживёт этого мгновенья. Милка сбегала за маминой сослуживицей. Та пробовала успокоить её, уговаривала, гладила по голове, но неутешное горе, свалившееся на маму и Милку, не отпускало их не только в этот момент, но и долгие последующие годы...

Виновата ли я в том, что их бросили одиноких и беззащитных? Виновата ли бабуся, которая дождалась, наконец, своего сына и поехала за ним? Виноват ли Борька, который выбрал отца? И можно ли это назвать предательством?...

Уезжая в Шатуру, я понимала, что детство моё кончилось...

Я опять возвращалась в очередной раз в семью. На долго ли?

Я уже витала в своих фантазиях, а сбудутся ли они, и, что для этого нужно будет предпринять, меня – не волновала.

Впереди были годы ЮНОСТИ, которые в моих мечтах были раскрашены в цвета северного сияния. Поживём – посмотрим...

Часть 23

Шатура

1953 год

ОТЕЦ

В Шатуре у нас началась новая жизнь.

Отец продолжал работать по своей основной профессии – строителя.

В трудовой книжке появились в этом году следующие записи...

СВЕДЕНИЯ О РАБОТЕ

3. 1952. 08.02. Назначен инженером Облпищепрома

4. 1953. 06. 10. Освобождён от работы по семейным обстоятельствам.

5. 1953. 09. 07. Принят на должность начальника отдела строительства при Шатурском управлении сельского хозяйства.

6. 1956. 01.10. Переведён на должность начальника
ремстройательства Исполкома Шатурского райсовета.

...и т. д. ...

Отец продолжал искать концы пропавшей трудовой книжки, которую я отослала ему в Иркутск, но она до него не дошла.

На своё запрос отец получил подтверждение, что заказное письмо с трудовой книжкой, действительно дошло до колонии, в Ангарск, и получил её уполномоченный ШАРИФУЛИН, но отцу она вручена не была.

г. Шатура Московской области
Петровское, дом № 80.

По Вашему заявлению от 4.05.53 г. проводились розыски заказного письма из Москвы за № 573 от 6.06.52 года, адресованного в Ангарск ЛК-22 на Ваше имя.

В нашем ответе от 12.10.53 г. допущена опечатка в двух местах.

Следует считать письмо выданным уполномоченному ШАРИФУЛИНУ – 15.06.52 г.

И пришлось отцу писать кучу писем в разные организации, с тем, чтобы они выслали справки о том, что он у них работал. Стаж нужно было восстанавливать...

Как правило, ответы приходили всегда...

Московская область
Петровское, дом 80

Согласно Вашего заявления Вам направляется справка о работе в ДОРУРСе Казанской железной дороги и копия выписки от 04.11 1944 года.

Гор. Шатура, Московской области
Петровское, дом № 80

Согласно Вашего заявления при этом высылаем Вам справку о работе в Управлении Казанской железной дороги.

Справку о работе в ТРАНСТОРГПИТЕ Вам вышлет ДОРУРС.

УПРАВЛЕНИЕ РАБОЧЕГО СНАБЖЕНИЯ Юго-Западной железной дороги

г. КИЕВ, Лысенко, 8. Тел. ком. Управ. 4-5641 доб. 25-63

Исх № 3305 / 20 14 декабря 1953 года.

Тов. СТЕПАНОВУ В. В. Гор. Шатура. Петровское.

На Ваш запрос высылаем справку о работе в ДОРУРСе Юго-Западной жел. дороги.

Одновременно сообщаем, что в ДОРУРСЕ личного дела на вас нет и характеристику выслать не можем.

Вот какие исполнительные и вежливые были раньше советские кадровики.

Я бы рассказала, как недавно моя дочка Стэлла рыскала

по Московским архивам, желая получить подобные справки для оформления пенсии. Да только эта тема для другого рассказа...

В Шатуре, прежде, чем устроиться на постоянную работу отцу пришлось сменить несколько мест.

Сначала устроился инженером Облпищепрома, но проработав там всего 10 месяцев, перешел на работу начальником отдела строительства при Шатурском управлении сельского хозяйства. Здесь он проработал чуть больше трёх лет.

В трудовой книжке почему-то не указано о том, что когда он работал начальником строительства при Шатурском управлении сельского хозяйства – это управление находилось не – абы где, а в Исполнительном Комитете Шатурского городского Совета Депутатов Трудящихся.

В маленьком городе не так просто получить хорошую должность. Это – город энергетиков, где все знают всех, и обо всех знают – всё. Каждый работает на своем месте до пенсии, и держится за своё место прочно.

Значит, отцу просто повезло. Ну и – хорошо...

РСФСР
ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
Шатурского городского Совета Депутатов
Трудящихся Московской области
Телефон № 22
г. Шатура. Проспект Ильича, дом 16.

№ 121 / 15

9 декабря 1953 года.

СПРАВКА

Настоящая выдана инженеру – строителю **СТЕПАНОВУ ВЛАДИМИРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ** в том, что он действительно работает с 09.09. 1953 г. в Управлении сельского хозяйства Шатурского Горисполкома в должности начальника строительства.

Справка выдана для предоставления в энерготехникум г. Шатуры.

Эта справка нужна была моему братишке – Борису, для поступления в Шатурский энергетический техникум.

Часть 24

Петровское

Квартиру в Шатуре, естественно, сразу нам не предоставили. Мы, то есть, отец, снял частный дом в деревне – «Петровское», в трёх километрах от Шатуры. Деревня была богатая, красивая. Широкая дорога, по бокам которой стояли бревенчатые дома с палисадниками. За ними тянулись сады и огороды. Был деревенский клуб, где каждый вечер «крутили» кино.

Школа находилась на крайней улице Шатуры, как раз со стороны дороги, которая вела в нашу деревню. Я помню, что после деревни дорога поворачивала влево, и шла сначала лугом, а потом перебежала через деревянный мосток, под которым бежала небольшая речка. Почему-то этот мостик запал мне в душу.

Каждый день, проходя через этот мостик, если шла одна, то останавливалась. И какие-то дикие фантазии роились в моей голове. Однажды я даже набросала на листочке что-то вроде философских раздумий...

И опять можно только удивляться, как недавно этот листочек подвернулся мне в руки... Может быть, это был ещё

один листочек из очередного дневничка, которые я иногда начинала писать, и почти сразу же бросала эту затею. Иначе как же объяснить, что на одном листочке усоседились – моё любимое стихотворение Есенина и какой-то дикий набросок, да ещё и с названием – «СУДЬБА»? Вот этот листочек...

Я спросил сегодня у менялы,
Что дает за пол тумана по рублю,
Как сказать мне для прекрасной Лалы
По-персидски нежное «люблю»?

Я спросил сегодня у менялы
Легче ветра, тише Ванских струй,
Как назвать мне для прекрасной Лалы
Слово ласковое «поцелуй»?

И еще спросил я у менялы,
В сердце робость глубже затая,
Как сказать мне для прекрасной Лалы,
Как сказать ей, что она «моя»?

И ответил мне меняла кратко:
О любви в словах не говорят,
О любви вздыхают лишь украдкой,
Да глаза, как яхонты, горят.

Поцелуй названья не имеет.

Поцелуй не надпись на гробах.
Красной розой поцелуи веют,
Лепестками тая на губах.

От любви не требуют поруки,
С нею знают радость и беду.
«Ты моя» сказать лишь могут руки,
Что срывали черную чадру.

И, как бы в противовес этому стихотворению – следующая запись...

Судьба. 1953 г

«Дорога из Петровской деревни в город»

Чёрная от шлака дорога тянется тёмной лентой далеко вперёд. Телеграфные столбы длинной вереницей устремлены по бокам дороги также вперёд, как бы пытаясь обогнать её. Перекладины на них делают их похожими на виселицы.

А за ними – тёмные стволы елей. Их тяжёлые лапы тянутся к дороге, чуть покачиваясь, опускаются, шурша иглами от бессильной злобы и потом опять тянуться, и над всем этим нависла ярким зловещим огненным полукругом радуга.

Радуга – хорошее предзнаменование, а что мне предвеща-

ет она, когда на душе моей одна чернота и нет ни малейшего просвета.

Вот перила маленького моста. Если здесь, сейчас – перейти его, тогда – и столбы, и дорожный шлак, и радуга – всё будет позади.

Но я кого-то вижу по ту сторону мостика. Это – старик. Седой, как лунь, согнутый бременем прожитых лет, с глубокими морщинами – это сама старость.

Я уже стою одной ногой на первой доске моста, как вдруг передо мной пронёсся – чёрный, как сама ложь, с распротёртыми крыльями – ворон. Он припал к земле, взвился вверх и 3 раза прокаркал громко над моей головой.

И также неожиданно, надо мной, выше ворона, выше радуги, в той бесконечной вышине – грянул гром. Всё это было сегодня.

Если верить старым людям, чтобы избежать несчастья, нужно 3 раза плюнуть через левое плечо, и 3 раза перевернуться вокруг себя.

Я так и сделала. Но разве убежишь от своей судьбы, от своего будущего, от себя самой? И я пошла – вперёд.

Не понимаю сейчас – какая чернота на душе может быть в 18 лет? А у меня тем более, я по жизни порхала, как беззаботная птичка, не задумываясь о последствиях.

Тем не менее, мне на всю жизнь запомнился этот мостик. Да и не только он: – деревня «Петровское», Шатура, школа,

где я, наконец, окончила 10-ый класс, клуб им. Нариманова, Советская улица, где мы получили квартиру; и многое другое, связанное с теми местами, и с теми годами. Всё это было, наверное, одним из самых счастливых периодов в моей, ещё такой не долгой, и уже такой насыщенной событиями, жизни.

Часть 25

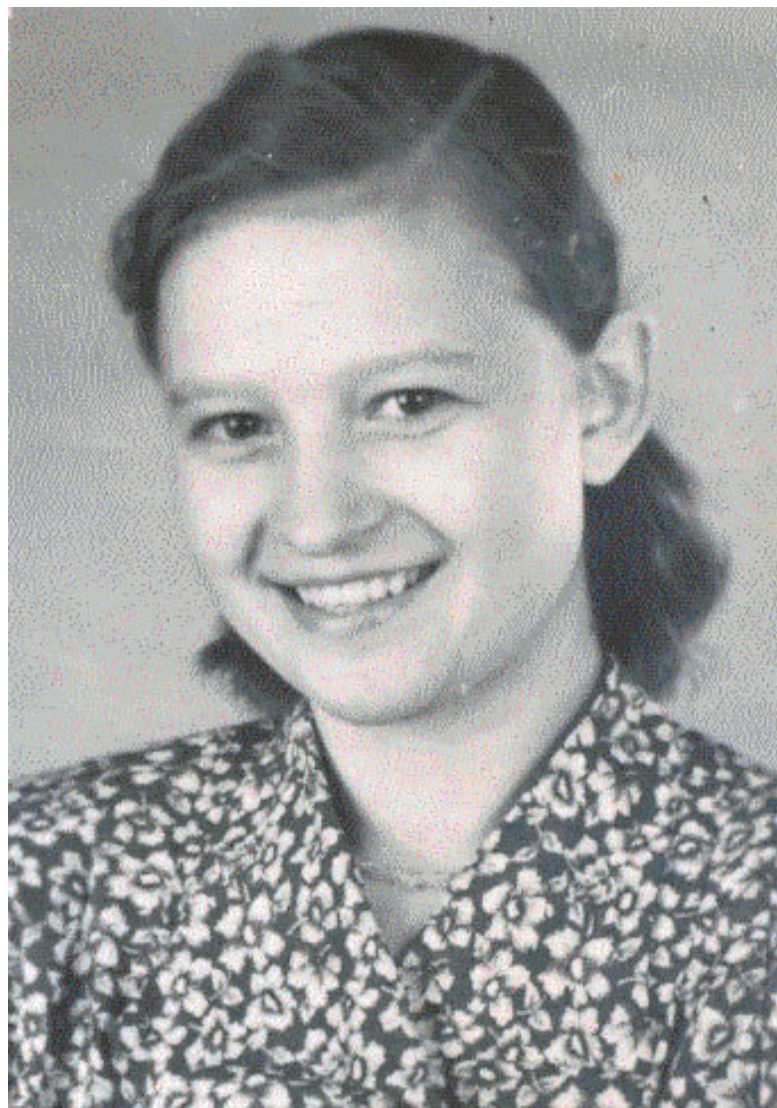
Шатурская школа № 1

В школе было несколько 10-ых классов. Я попала в 10-ый – «Б» класс. Учёбу в техникуме мне зачли за 9-ый класс. За партой я сидела с Лидой Стеколыщиковой, а сзади сидели «петровские» девочки – Анечка Кириллина и Нина Петухова. С Анечкой и Ниной меня связывало то, что мы все были из села Петровское. Мы вместе ходили в школу и из школы – это три км. дороги в любую погоду. И всё свободное время, которое мы проводили, приходя из Шатуры домой, в село.

Но кроме Анечки и Нины я сблизилась с Шурочкой Ярыгиной. Она тоже жила не в самой Шатуре, а в её пригороде – в посёлке привокзальном. Шурочка притягивала к себе своей очаровательной улыбкой, скромностью и очарованием. Это было маленькое солнышко, в лучах которого было тепло и спокойно.

Шатура
Анечка Кириллина и Нина Петухова

Шурочка Ярыгина

Класс был дружный, а главное, очень весёлый. Особенно на выдумки был горазд Толя Головин. Симпатичный, на вид – старше своего возраста, хулиганистый, но ужасно обаятельный мальчишка. Каждую перемену он придумывал очередные забавы.

Например, однажды, он спросил нас – знаем ли мы, как женщины кричат, когда рожают? Он закрыл дверь на щётку, лёг на парту и стал сначала стонать, потом покрикивать – «Ой, ой! Ай, ай!», затем стал кричать во весь голос, а потом, просто – визжать. Мы все хохотали, глядя, как он корчится от воображаемой боли. В дверь барабанили учителя, в коридоре собралась толпа ребят. В общем кончилось тем, что Толика увели к директору... Это была далеко не единственная его выходка.

Шатура Толя Головин 1954 год

Надо сказать, что он очень нравился девочкам. В соседнем классе, с которым мы во всём соперничали, была очень красивая девочка – Галя Ш. Толику она нравилась, у них завязалась дружба. Этот класс почти весь состоял из местных «шатурян», причём большинство детей были из семей местного начальства. Галя была из какого-то дальнего предместья. В отличие от нас «петровских», ходить каждый день в школу по несколько км. в день, она не могла, поэтому мама снимала ей комнатку. Поскольку она пользовалась относительной свободой, Толик воспользовался этим и проводил с ней все вечера допоздна. Поползли сплетни, что он остаётся у неё на ночь. А вскоре оказалось, что это не сплетни, и Галочка ждёт ребёнка. Школу она бросила.

А Толик, попробовав своей мужской силы, переключился на более взрослую женщину. К нам в школу направили по распределению молоденькую учительницу физкультуры. Он поспорил с ребятами, что добьётся её расположения, и, действительно, добился...

Галочка сильно переживала. Я не знаю, что потом стало с ней и ребёночком. Кажется, мама забрала её домой... Но это было уже после того, как мы окончили 10-ый класс и разбежались в разные стороны...

У меня сохранилась записочка Толику Головину, которую я, наверняка, написала на уроке.

ТОЛЯ!

Сегодня вы без меня с Нэллей оставайтесь и репетируйте. Ясно? Я с литературы уйду домой. И скажи Нэле, что пора уже шить костюм. Ясно? Если плохо получается прыжок – выкиньте. Отрабатывайте движения, которые знаете. В следующее занятие хора, будете репетировать под музыку. Кирсанов предупреждён. Что было нового в воскресенье на кружке?

И к чему это ты умудрился с Радионовой мне привет передать? Вот, обожди, обожди – Галя узнает.

На обратной стороне записки ответ. По-видимому, мы переписывались на уроке.

Неужели я не могу передать привет ученице своего класса. И Галя узнает, ничего не будет. Не думай, что она какая-нибудь, она очень хорошая девочка, на вечере ты убедишься. Дай ответ.

ТОЛЯ.

Девчонки соседнего класса были все «воображалами». Они эффектно одевались, на переменках не бегали стайками, а величаво прогуливались по коридору под ручку. Дружили они только с ребятами из своего класса, которые тоже были заносчивыми, и учились они все лучше, чем ученики

нашего класса. В их классе учились братья Гуреевы – сыновья «Нюши» и «Крысы», такие прозвища были у их родителей, преподавателей физики и химии.

Интересно, что им дали новую квартиру, а наша семья въехала на их место. Одного из мальчишек звали – Женя, Женя Гуреев. Оба они занимались спортом, были музыкальны, увлекались игрой на аккордеоне. Женя Гуреев хорошо играл в хоккей и футбол. Настолько хорошо, что его забрали в Москву, в какую-то известную команду, а позже он попал даже в сборную.

В том же классе учился Игорь Борисов. Его отец был, кажется, чуть ли не главный инженер ГРЭС № 5. Потом его папа перешел на работу в Минэнерго, и, естественно, сыну всегда оказывал протекцию и в жизни, и в работе.

Вообще, Шатура была городом энергетиков. Гидроэлектростанция № 5 построенная на Шатурских озёрах, была богатой организацией. Ей принадлежали: местные больница и поликлиника, школы, прекрасный клуб и многое другое. Принадлежали, это значит, содержались за счёт ГРЭС.

Большинство жителей Шатуры работали или на самой ГРЭС, или на предприятиях при ГРЭС. Вся жизнь шатурян протекала на глазах друг у друга, все были как бы «повязаны» энергетикой. Жили в городе энергетиков, кончали школу среди детей энергетиков, многие поступали в энергетический техникум, который был в Шатуре, или в энергетиче-

ческий институт в Москве, а потом оставались работать на Шатурской ГРЭС, или уезжали по направлениям на другие ГРЭС или ТЭЦ... Не сказать, что Шатура – это большая деревня, но знали там всё и про всех.

Часть 26

Мои подружки

Но вернёмся к школьным интересам. В школу мы ходили втроём: я, Анечка и Нина Петухова.

Анечка Кирилина жила в доме рядом, таком же, как наш. В деревне все дома были похожими друг на друга. Окошками они смотрели на дорогу. За высокими заборами были дворы и сараи со скотиной и птицей, за домами тянулись огороды, в основном засаженные картошкой. У многих домов сараи размещались в так называемом «чёрном дворе». На самом деле, я назвала бы его не чёрным двором», а «рабочим домом». Пол там был земляной, но единая крыша покрывала и основной дом и стоящие за ним помещения для птицы и скотины. Под крышей был устроен сеновал. Там же был построен туалет. Самое главное, зимой там было тепло... Перед домами везде были палисадники, весной скрытые буйствующей сиренью и черёмухой, а осенью – цветами – «золотой шар», которые перевешивались через оградку.

Семья Анечки была не многочисленная: уже не молодая мама – (Анечка была у неё поздним ребёнком), и старшая сестра, которая была медицинским работником. Но, в Петровском у Кирилиных было много родственников. Поэтому при необходимости, они все собирались вместе, и помогали

друг другу.

Особенно мне запомнился процесс копки картошки. В этот день собиралась вся родня, позвали в помощь и меня с Ниной. Ряды картошки тянулись от заднего забора, отделяющего двор от огорода, и далеко, как мне казалось – в бесконечность. Нет, конечно. Просто все участки были узкими, и земляные наделы нарезались в основном, не в ширину, а в длину.

В этот же день забивали свинью. Мужчины разделявали мясо, пожилые женщины готовили обед, а все остальные копали картошку. Ну, копали её не все, работа была построена по принципу конвейера. Кто-то лопатой подкапывал куст, кто-то второй – вытягивал этот куст и обтрясал его в лунку. Эти двое всегда работали так норовисто, и быстро, что мы, сборщики, еле успевали собирать картофель из лунок в корзины. Мужчины сносили корзины на «чёрный двор» и насыпали его прямо на земляном полу, разваливая его во все стороны, чтобы он хорошо просыхал. Позже его сортировали: на еду, на семена, и, на продажу. Мне за работу дали с собой домой ведро картошки.

После работы всех пригласили в горницу, вернее, в центральную комнату (её называли залом), за накрытый стол. Народу набиралось много. Угощали обязательно: свежее – выкопанной отваренной картошечкой и мясом забитой свинки. Рассыпчатая картошка «насыпалась» в миски, которые расставлялись на столе. От мисок вверх поднимался парок,

распространяя по избе особый запах, вызывающий аппетит. Обязательно были на столе сковородки с жареной печёнкой, сердцем, желудком и всякими другими потрохами. Я почему-то не решалась попробовать это жаркое. Мне казалось, что всё это как было кровавым, так и зажаривалось. По крайней мере, мне так казалось, а, может быть, так оно и было. Зато на тарелках ставилось на стол румяное сочное мясо на косточках, большими кусками. Да... Слюньки текут, даже сейчас, когда вспоминаю это застолье. Конечно, были солёные огурцы и гранёные стаканчики. Кроме нас, молодёжи, за урожай пили все, особенно мужчины. Усталость проходила, говорок за столом становился всё громче. Вскоре мужчины начинали выходить покурить. А женщины по хозяйски подкладывали – на опустевшие тарелки еду, и тоже потихонечку опрокидывали по стаканчику за хороший урожай...

С домом Анечки Кириллиной у меня сохранилось в памяти ещё одно воспоминание. Майские праздники мы, девчонки, решили отпраздновать праздник с ребятами. Анечка получила разрешение от мамы и сестры, на то, чтобы мы собрались в их доме. Скинулись. Договорились с ребятами. Что – то купили. Что-то помогла приготовить Анечкина мама. Ребята пришли с гитарой и аккордеоном, на котором играл Толик Головин. А на гитаре играл – Виктор Ванин. Все мальчики были какие-то притихшие, умытые, в белых рубашечках.

Мама Анечкина ушла к соседям. А, как потом мы узнали,

старшая сестра Ани, спряталась на печке, чтобы подсмотреть за нами.

Мы посидели за столом. Потом вышли на улицу, и сели на лавочку перед палисадником. А что дальше делать, мы не знали. Плясать и петь частушки – это не моё. Девочки стеснялись. Наконец, нас выручили наши «музыканты». Они играли на гитаре и аккордеоне, а мы пели всем известные песни, типа – «Подмосковные вечера». Вот так, скромно и застенчиво, мы провели первую нашу в жизни «вечеринку» в кругу ребят нашей компании.

Шатура

Нина Петухова 1964 год

У Ниночки Петуховой родители работали в правлении местного колхоза, и папа был чуть ли не председателем его. У Ниночки была младшая сестрёнка.

С Анечкой Кириллиной (дома все её звали Нюрочкой), Нина дружила с детства. Третьей подружкой была Галя Петрова. Она хорошо пела, и всегда выступала на всяких конкурсах художественной самодеятельности.

Я влилась в их компанию сразу же и навсегда. Городские ученики смотрели на деревенских свысока, заставляя нас держаться особняком. Но я не была деревенской, а, когда переехали жить в Шатуру, то и вовсе стали считать меня городской. Но переехали мы в город только весной. А зимой, в любую погоду в школу и из школы отмеряли по три километра в один конец и обратно: до конца деревни, а, правильнее, до её начала, потом полями, потом, повернув налево, через мостик, потом мимо рощицы, и заливных лугов, и, наконец, – окраина Шатуры и школа...

Девчонки из Петровского до сих пор общались только со своими деревенскими ребятами. Они меня перезнакомили со всеми из них, естественно – ровесниками. На летние каникулы в «Петровское» съезжались из институтов студенты. А их было много. Молодёжь не хотела оставаться на работе в колхозе. Ну, тогда становилось совсем весело. Все вечера

мы проводили на лавочках, которые стояли у каждого дома у палисадников. Или прогуливались вдоль деревни, по мощёной широкой дороге, или тропинкам, пробегающим вдоль домов. Часто ходили в местный клуб. Я, конечно, сразу же развила свою активную деятельность, в местном клубе собрала вокруг себя молодёжь, которая не знала чем себя занять, и организовала кружок художественной самодеятельности...

Когда начались занятия в школе, я и там вскоре собрала вокруг себя компанию ребят и девочек из своего класса, и мы, практически на каждом школьном вечере участвовали в концертах.

Мой братишка – Борька тоже ходил в эту же школу, но он водился с ребятами своего возраста, как мы их называли – малолетки.

С Борисом мы ссорились часто, а порой и дрались.

Помню такой случай. Почему-то дома никого не было, даже бабуси. Не представляю, куда она могла уйти, но её не было. Мы с Борькой решили поставить самовар. Вынесли его во двор. Борька наколол щепу. Я стала разжигать. Щепа стала быстро разгораться. Из самовара посыпались искры, да с такой силой, что вылетая вверх, они разлетались далеко в стороны, и гасли, почти долетая до забора соседнего дома. Борька испугался, стал на меня кричать, и требовать, чтобы мы самовар вынесли через заднюю калитку, в открытый огород. Я заупрямилась, говоря, что сейчас искры перестанут

лететь. Борька стал за мной гоняться, чтобы ударить. Я забежала в дом, по дороге запустив в него чем-то тяжёлым. Он в ответ схватил сковородку, и, догнав меня, трахнул ею по голове. Я в это время поскользнулась, и растянулась на полу. Поскольку моё падение совпало с ударом сковородкой, я решила представиться, и замерла, как будто в обмороке. Борька опешил, и так перепугался. Он стал меня поднимать, выкрикивая – «Вставай! Я сейчас вызову скорую помощь». Я закричала в ответ – «Не надо!». Он понял, что я претворяюсь, но больше в этот раз мы не дрались. Шишка всё-таки на голове осталась. Это был не единственный случай наших ссор. Но чаще всё-таки у нас были общие интересы и свои секреты.

Жили мы в доме, где была очень большая комната, в середине которой стояла такая же большая русская печь. Поскольку нас было жильцов очень много, чтобы не смущать друг друга, а в основном – отца с Лидией Павловной, все кровати размещались вокруг печки, а на печке, также, как и в Вельяминово, спал Борис.

В деревне любое время года было прекрасно, если не считать, что зимой нужно было топить печку каждый день.

Однажды под выходной, кто-то закрыл трубу раньше времени. И мы все угорели. К нам пришла соседка. Поскольку дверь на засов не была закрыта, она вошла в дом и увидела всех спящими. Не сумев нас добудиться, она позвала людей. Нас вытаскивали и рассаживали на ступеньках высо-

кого крыльца. Мы были все в полуобморочном состоянии. Через некоторое время стали понемногу приходить в себя. Правда всех тошнило, раскалывалась голова. Но, к счастью все остались живы. С тех пор я панически боюсь того, чтобы не угореть от преждевременно закрытой трубы в печке или камине...

Но зима всё-таки прекрасное время года...

Петровское.

С природы.

ЗИМА

Русское село. Уже смеркает.

Вот уж звёздочка зажглась одна.

К ночи на дворе мороз крепчает.

Шутки шутит русская зима.

Сосны в синем кружевном уборе

Притаились по бокам дорог.

Ветер, окунувшись в снежном море,

Вихрем взмыл, обсыпал всё, что смог.

На столбах – не провода – гирлянды

Инея пушистого висят.

А у нашей маленькой веранды —

«Гималаи» снежные лежат.

1953-ий год подошел к концу.

Ещё только в марте этого года я бросила учёбу в Михневской школе.

Затем выкинула пару «коленцев» в Москве – поступила и бросила Высшую комсомольскую школу и не болев, полежала в инфекционной больнице – филиале 4-го Управления.

Вместе с отцом – переехала в Шатуру. Вернулась за школьную парту – училась в 10-м классе и на этот раз рассчитывала, наконец, получить – аттестат зрелости.

Как много всего произошло всего лишь за один год. А впереди ещё – целая жизнь...

Часть 27
Бал-маскарад

На фотографии – клуб им. НАРИМАНОВА в ШАТУРЕ
– 1954 год.

Рядом с клубом – сквер. Вокруг памятника – клумбы и дорожка, по которой мы прогуливались с девчонками. Именно там, гадая, мы спрашивали у проходящих мужчин их имена. Мне назвали имя – ВИКТОР. Так оно много лет спустя и – сбылось...

НОВОГОДНИЙ БАЛ-МАСКАРАД

Наступил Новый 1954-ый год. В школе был новогодний вечер, но самый интересный праздник проходил в клубе имени Нариманово. Каждый год там устраивался бал – маскарад. Длился он три ночи. Не всем желающим удавалось попасть на него. Билет пригласительный состоял из трёх карточек – отдельно на 31-ое, 1-ое и 2-ое января. Тот, кто не мог пойти в какую-то ночь, мог продать или отдать свой билет кому-нибудь другому.

Праздник проходил и в фойе, и в большом зале, и на втором этаже. В большом зале (кино зал) все деревянные кресла кинотеатра были расставлены в два ряда вдоль стен. Посередине зала стояла огромная, до потолка ёлка, а от неё по всему залу тянулись гирлянды флажков, и всяких других украшений. Всю ночь в фойе играл оркестр. В большом зале на сцене проходили конкурсы, соревнования, концертные номера. Кому не интересно было в большом зале, отправлялись танцевать в фойе, и наоборот. Праздничное настроение охватывало всех. Улыбки, смех, невозможно было найти в этой ли-

кующей толпе ни одного мрачного или скучающего лица.

Самое интересное, что на первый вечер в зал не пускали без маскарадных костюмов или, хотя бы – масок. Костюмы придумывались и изготавливались задолго до наступления Нового Года.

Я долго придумывала тему. На вычурный костюм не было денег и соответствующих материалов. Тем более, что костюм должен был быть патриотически (или политически) выдержанным.

Наконец, я придумала. В это время в стране строился канал – «ВОЛГА-ДОН». Я предложила Володьке Щербакову, ученику 9-го класса сделать совместный костюм. Я с ним общалась в самодеятельности, в клубе. Он согласился.

Я была – Волгой, а он – Доном. Он был в матросском костюме, на спине был пришита картинка, на которой был изображён работающий экскаватор, на груди – большими буквами было написано – «ДОН» а на плече приколот кораблик. У меня был сарафан из голубой накрахмаленной марли, внизу с кучей пышных оборок, изображающих волны. По волнам «плавали» серебряные рыбки, над волнами летали чайки. На груди «плыл» кораблик. Но мне больше всего нравился кокошник. В «бездонном» сундуке бабуси сохранились нити золотистого бисера. Я из них сделала красивейший кокошник. Бисер золотыми нитями спускался на лоб и по бокам почти – до плеч. У меня на плече была закреплена широкая голубая лента, которая другим концом была при-

шпиlena к плечу Володьки. На ней было белыми крупными буквами написано – «ВОЛГА – ДОН». Костюм получился «зашибенный».

Единственно то, что подведение итогов и присуждение мест и призов происходило в два часа ночи, а до этого мгновения, мы не должны были расставаться. Так и ходили, привязанные друг к другу. К нам периодически подходили члены жюри, рассматривали костюмы, что – то записывали, строили серьёзные гримасы. А мы носились по залам, танцевали.

Около 12-и танцы приостановили, и всех пригласили в большой зал. На сцене появилось местное руководство. Было произнесено несколько речей, подводящих итоги прошедшего года и поздравления с наступающим. Ровно в 12 ночи все замерли. Куранты громко стали бить 12 раз. И затем, сразу же стало шумно, все поздравляли друг друга, искрились бенгальские огни. В буфете на 2-ом этаже разрешалось продавать шампанское. Ребята, втихаря пронёсшие в клуб спиртное, потихонечку употребляли его, но только так, чтобы никто их не увидел. Кстати, тогда не пили в таких количествах, как пьёт сегодняшняя молодёжь. Тот, кто не пил, был пьян от веселья и захлестнувшей всех волны безмятежной радости.

Ровно в два, всех пригласили опять в большой зал для подведения итогов конкурса маскарадных костюмов. На сцене установили столы, за которыми восседало жюри. Сначала

ла они объяснили условия конкурса. Потом стали по очереди приглашать на сцену участников конкурса, чьи костюмы были отмечены членами жюри. Каждый участник, или пара участников, как мы, приглашались на сцену, объясняли смысл своего костюма, прохаживались по сцене, демонстрируя костюм со всех сторон. Кроме нас, на сцену приглашено было ещё несколько человек. Был костюм – Кремль, с высокой кремлёвской башней, был костюм, олицетворяющий Москву, был парный, как у нас костюм – «300 лет со дня воссоединения Украины и России» и много других, не менее интересных костюмов. Затем, был объявлен парад масок. Мы все выстроились цепочкой, спустились в зал, обошли его весь вокруг ёлки, прошли по фойе и затем вернулись на сцену.

Наступил торжественный момент. Все замерли. И, наконец, объявляют, что к столу приглашаются маски, занявшие первое место, это – ...пара, изображающая «ВОЛГУ и ДОН». За первое место Степанова и Щербаков награждаются...И на сцену вынесли ящик, в котором забившись в угол от страха, лежал молоденький барашек...

Володька хотел взять его за рога, барашек выскочил из ящика, и забился под стол жюри. Весь зал сотрясал гомерический хохот. Володька отнёс барашка домой, поскольку он жил недалеко от клуба.

Остальные призы были не менее забавными. По столу жюри летали вырвавшиеся из рук куры, по сцене бегали гуси. В

общем, веселились на славу.

Барашка Володька отнёс домой. Его папа забил барашка, разделал его, и половину тушки потом отдал мне. Бабуся развернула барашка и сказала – «А, ведь, здесь ещё были голова, потрошка и шкурка. А нам достался только хвостик»...

Вот так мы встретили Новый Год. Так же весело провели зимние каникулы. А дальше время быстро полетело, покати-лось к весне.

Занимаясь в драмкружке, уж не знаю сейчас – почему мне взбрело в голову написать письмо известной актрисе – Алле Константиновне Тарасовой.

А было мне тогда 19 лет. Была ли я наивной дурочкой, или наглой нахалкой, когда решилась написать это письмо, не знаю, вернее, не помню. Да и отослала ли я его? По крайней мере, кроме черновика этого письма, у меня ничего не сохранилось. Ответа от Аллы Константиновны, естественно, я не получала.

МНОГОУВАЖАЕМАЯ, МИЛАЯ АЛЛА КОНСТАНТИНОВНА!

Я сейчас учусь в 10-ом классе Шатурской школы № 1.

Я очень люблю литературу, но ещё больше я люблю художественное чтение. Я всё время в школе принимаю активное участие в вечерах, концертах, художественной

самодетельности.

В деревне «Петровской», где я живу, я веду кружок художественной самодеятельности. Недавно я выступала на районном смотре сельской художественной самодеятельности, и прошла на областной смотр. Я читала два стихотворения: – «Индия плачет» – индийского поэта Валлатхол, и «Родина» Симонова.

Моя мечта – окончить 10-ый класс, и поступить в одно из театральных училищ города Москвы. Но, прежде, чем вступить на этот трудный и ответственный путь, я хочу узнать, правильно ли я рассчитала силы, смогу ли я быть артисткой? Хватит ли у меня данных для этого? Но мне не с кем посоветоваться, поэтому я решила написать Вам. Вам, потому что Вы самая моя любимая артистка. Ещё ни один, даже самый тяжелый кинофильм не заставил плакать меня. Но, когда я посмотрела «Без вины виноватые» – с Вашим участием, я рыдала, как ребёнок.

Мне кажется, что для любой начинающей артистки Ваша игра служит идеальным примером. Передавать так бесподобно чувства горя и радости, передать на сцене – жизнь и могучую любовь к ней, передать чисто, просто и с таким величайшим искусством, можете только Вы.

Алла Константиновна! Вы меня извините за то беспокойство, которое я причинила Вам своим письмом. Но ведь сейчас решается моя судьба, моя вся будущая жизнь. Я прошу Вас, дорогая Алла

Константиновна, дать мне какой-нибудь совет.

Как работать сейчас над собой? Приехав в Москву, у кого я могу проконсультироваться? Кто мне сможет помочь правильно подойти к той большой цели, которую я поставила перед собой? Конечно, я не смею утруждать Вас в этом, но, может быть, Вы направите меня по своему усмотрению к человеку, который поможет мне?

Милая Алла Константиновна! Я очень прошу Вас ответить на моё письмо.

Скоро наступает международный женский день. Я поздравляю Вас с этим днём. Желаю Вам здоровья, счастья, многих лет жизни, и большой плодотворной работы на благо нашей Родины и советского народа.

Примите, пожалуйста, от меня в подарок маленькое стихотворение, посвящённое Вам.

Посвящаю Великой артистке

И замечательной Советской женщине —

АЛЛЕ КОНСТАНТИНОВНЕ ТАРАСОВОЙ

от участницы смотра художественной самодеятельности —

Иры Степановой.

МОЯ МЕЧТА

Наши годы незаметно мчатся...

Не забыть нам пройденных дорог.

В юности у нас мечты роятся.

В жизни претворил их кто как смог.

Кем же быть? Врачом иль трактористкой?
Разве все профессии сочтёшь?
Я мечтаю быть, как ВЫ, артисткой,
Чувствовать, что ты не зря живёшь...

Я мечтаю так творить на сцене,
Как играете сегодня Вы —
На великой жизненной арене —
Для народа, Родины, Москвы.

Если Вы на сцене загрустили —
К сердцу подбирается тоска.
Если сцену смехом оживили —
Счастьем переполнены сердца.

Вы творите сильно и прекрасно,
Слушать Вас, смотреть на Вас —
Всегда лишний раз понять, что не напрасно
Вас судьба для сцены создана.

А в это время, когда я упивалась жизнью в семье, с бабусей, Борькой и отцом, Милочка с мамой продолжали тянуть лямку нищенской и голодной жизни. Вспоминая те года, Милочка рассказывает... Ходила лютой зимой она в старых резиновых сапожках. Прибежит в школу, или из неё домой, скинет сапожки, а ног не чувствует. Они, как ледышки. Может быть, застудившись в то время, она по этой причине и не смогла потом иметь детей?

Милочка голодала практически всё время. Была одна семья – Ивановых. Дядя Ваня работал на пасеке. Тётя Поля – в совхозе. Они держали свою корову. Так вот, эта тётя Поля иногда подкармливала Милочку. Мила придёт, встанет под её дверь и стоит часами, ждёт, когда тётя Поля выйдет. Та откроет дверь, увидит Милочку, которая стоит под дверью, молча, потупив глаза, вздохнёт и уйдёт. Через пару минут выйдет, также молча сунет Милочке кружечку молока. А сверху лежит – тоненький кусочек хлеба, помазанный мёдом. Каждый день вот так выстаивать было стыдно, но так хотелось кушать...

А я наслаждалась жизнью, ходила на балы, гуляла с девочками и мальчиками по Шатуре, жила в семье...

Мне хотелось влюбиться. Я даже стишки написала на эту тему.

Шатура. Осень.

10-й класс

ПРИЗЫВ ЛЮБВИ

Где же ты, родной мой, отзовися,

Я сижу, мечтаю о тебе...

А в ответ лишь желтенькие листья

Тихо шелестели в полутьме.

За окошком осень, дождь, ненастье...

Как хочется кого-нибудь любить,

Найти в любви ненайденное счастье,
А о тоске и горе позабыть.

Я сейчас хочу, хочу до боли,
Чтоб со мною рядом был бы он,
Чтоб обнял меня своей рукою,
Он, который был в меня влюблён.

Сколько их, которые любили,
Не получив ответа на любовь...
Вы меня, наверное, забыли,
И, встретив, чувства не вернёте вновь...

Я хочу любить, любить до страсти,
Так, чтобы от ласк стонала грудь,
В жгучем поцелуе – видеть счастье,
Чтоб, шептать друг другу – «Не забудь!».

Где же ты, родной мой, отзовися!
Я сию по-прежнему одна.
Смолкнул дождь. Умолкли даже листья.
И в ответ – одна лишь тишина...

Или вот ещё одно стихотворение на ту же тему.

Шатура. Каникулы.
10-ый класс.

ГРУСТЬ

Вернулись из клуба шумной гурьбой,
Смех и веселье, подруги, друзья...
Только грустно идти мне со всеми одной
И о другом так тоскует душа.

проходят счастливые пары
улыбкой и песней, куда – то вперёд.
Вот на крыльце тихо плачет гитара...
Как будто кого-то настойчиво ждёт.

И я тоже жду, а он и не знает,
Что мысль и душа одним им лишь полны,
Что где-то, по ком-то девчонка страдает...
Ведь все мы для этого рождены.

Подумаешь, дурочка, – полюбила.
Вспомнишь, поплачешь разочек – другой,
А губы тихонечко шепчут – «Милый!
Приди, посиди хоть немного со мной».

Или пойдём, погуляем в аллее,
Где старые липы листвой шелестят,
Где под луной след тропинки желтеет,
И где в этот час даже птицы молчат.

Вернулись из клуба шумной гурьбой,
Смех и веселье, подруги. Друзья.
Только грустно идти мне со всеми – одной,

И, о другом так тоскует душа.

Часть 28

Прощай школа

Когда приблизились выпускные экзамены, и стали выставлять предварительные годовые оценки, оказалось, что в документах из техникума, по которым мне выставляли оценки за 9-ый класс по общеобразовательным предметам, не оказалось отметки по географии. И мне предложили сдать экзамен экстерном. Географию я, конечно, не в «зуб ногой». Стала дома учить географию по карте. Ползала по ней вдоль и поперёк. В общем, с грехом пополам, географию сдала на 4.

Все остальные экзамены сдавала по – разному. Конечно, пользовались мы и шпаргалками, и подсказками. Сочинение я написала на пять. Как не странно, физику и химию я тоже сдала на пятёрки. «Нюша» – физик меня неожиданно полюбил незадолго до экзаменов. У нас был показательный урок. Заранее выбирались ученики, которые готовили тему дома. Мне досталась модная тогда тема – «Автоматизация процессов в народном хозяйстве» (или что-то в этом духе). Я действительно, подготовилась, набрав материала из журналов и газет. Комиссия похвалила меня за эрудицию, а «Нюшу» за хорошее преподавание. Видимо, он похвалил меня своей жене – «Крысе» (так прозвали её за большую выдающуюся впе-

рёд челюсть с крупными зубами), но на экзамене она не задавала мне дополнительных вопросов. Тройки, естественно, я получила по математике. Литература – пять, русский, кажется, тройка.

В общем, то, к чему я шла по жизни столько лет – два шага вперёд, шаг назад, свершилось. Я получила аттестат зрелости.

Выпускной вечер по нынешним понятиям был скромным. На нём – в физкультурном зале школы, на первом этаже, присутствовали только выпускники – несколько, теперь уже бывших десятых классов. Сначала было в актовом зале общее собрание. Выступали учителя, и отличники. Нам вручались аттестаты. К сожалению, фотографий общих тогда почему-то не сделали. А потом мы спустились в физкультурный зал на танцы. Оркестра не было. Заводили радиолу. Все стеснялись присутствия учителей и, рассевшись по периметру зала на низеньких скамейках, стоявших вдоль стен, притихли, тихонечко перешептываясь. Они вскоре ушли, и потом приходили – по одному, сменяя друг друга. На втором этаже работал буфет. Вина, конечно, не было, не было и шампанского. Продавали лимонад и бутерброды. Но ребята всё – же запаслись каким-то вином (водку почему то в основном не пили тогда), и вскоре стали посмелее. Шатурские воображалы из параллельного класса были в модных платьях, все в туфельках на высоких каблучках, как всегда очень заносчивые. Танцевали они в основном с ребятами из своего класса.

Ребята тоже все были нарядно одеты – в белых рубашечках, строгих костюмах.

Я не знала в чём идти на выпускной вечер. Семья-то большая. И хотя работали двое – отец и Лидия Павловна, всё-таки, ещё на хлебниками были: бабуся, я, Борька и Ольга, дочка Лидии Павловны. Бабуся с папой пошептались, и я получила от них подарок – белые танкеточки. А Лидия Павловна купила два отреза штапеля – один себе, другой – мне. Штапель был белого цвета, с яркой каймой по бокам. Это тогда было очень модно. Бабуся сшила мне из этого штапеля белое платье, внизу обрамлённое каймой. И ещё из каймы были сделаны рукава – крылышки, с разрезами от плеч. Не было у меня только чулок. И тогда, я выпросила у Л. П. (не сама, а через бабусю) на прокат – капроновые чулки с чёрной пяткой. Это был писк моды, и, в общем-то, в школу в таких чулках ходить запрещалось, почему-то считалось не приличным. Но мне замечания на вечере никто не сделал. Мы, ведь были уже самостоятельными «птицами, выпущенными в свободный полёт».

В общем, я чувствовала себя не вполне удобно во всех своих обновках. Ведь, я не привыкла к нормальной, нарядной одежде, да, в общем-то, никогда и «не болела» этой темой. Но, потом, освоилась и я. На зло «воображалам», во время «Белого танца», я пригласила Игоря Борисова на танец. Он – высокий, видный... Девчонки зашептались, и потом Игоря уже не отпускали от своей компании. А мои по-

дружки, тоже расходились, стали танцевать с ребятами из нашей компании, или друг с дружкой. В общем, со школой мы распрощались, а также и со многими соучениками и учителями.

Кстати у меня остался стишок, посвящённый Игорю Борисову.

Шатура. Школа. 1954 год.
10 класс.

ВЕСНА.

Грачи прилетели, в разгаре весна,
Алеют подснежников лепестки.
Румяное солнце зажгло облака,
И ярче горят от росинок листья.
Как воздух звенит! Уже вишни цветут.
И слышно, как песня летит над водой.
Радость, любовь в этой песне живут
А любовь ранит сердце любому весной.

Получив аттестат зрелости, нужно было думать – куда поступать учиться дальше.

Конечно, – в институт. Но в какой?

Надо было готовиться к вступительным экзаменам.

Но впереди было ещё – всё лето. А что делают летом молодежь? Гуляет...

А я что ли – не молодёжь?...

Часть 29

Не прошла по конкурсу

Итак, я остановилась в своих воспоминаниях в тот момент, когда я получила, наконец, – аттестат зрелости...

Начались летние каникулы. Нужно было думать – куда поступать учиться дальше? Я купила справочник для поступающих в вузы. Изучила его вдоль и поперёк. В Московские вузы меня почему-то уже не тянуло. Москвой на тот момент я уже пресытилась. Тем более, что в МГУ на журналистику я, наверное, не прошла бы по конкурсу, а технические вузы меня не интересовали ни с какого боку.

Наконец я выбрала ближайший педагогический институт, находившийся в Орехово-Зуево, и решила поступать на литературный факультет. Тем более, что я была уверена – не всегда надо было идти работать потом учителем литературы и русского языка в школу. Можно было устроиться и в редакцию, или ещё куда-нибудь в том же духе...

Орехово-Зуево находилось от Москвы по другой железной дороге. Чтобы не ехать через Москву, от Шатуры можно было добраться более коротким путём: доехать на электричке до станции – «Куровская», а потом автобусом – до Орехово. Город старинный, промышленный, расположенный на

реке «Клязьма». Половина города – Орехово – на одном берегу реки, а Зуево – на противоположном. Через Клязьму был построен массивный бетонный мост.

Орехово было более цивилизным городом, чем Зуево. В Орехово была центральная улица Ленина, которая выглядела проспектом, был педагогический институт, торфяной техникум, несколько училищ, все учреждения, где восседали правители города, и много другое. Зуево представляло собой промышленный район, и назывался, соответственно, – рабочим, каковым и являлся по сути.

Я подала документы в институт. Общежитие на время вступительных экзаменов представлял институт. Собственно, это было не общежитие, а «спальные» места на частных квартирах. Сам институт располагался на окраине города. К нему вела аллея, заросшая старыми липами, а параллельно аллее тянулась улица, по одной стороне которой стояли большие бревенчатые деревенские дома – всё, что осталось от бывшей деревни, влившейся в пригород, а потом и в сам город. Самый крайний дом, был дом тётки Кати. Так его все и звали. Она без мужа воспитывала сыновей школьного возраста. Где-то работала уборщицей. А самую большую часть дома сдавала институту. Это была просторная комната, в которую институт завёз кровати, которые стояли по стенками и в середине – в два ряда. У каждой кровати были тумбочки, и, притеснённый кроватями, приткнулся стол с табуретками.

Конкурс был большой на все факультеты, а на литератур-

ный – особенно. В дни экзаменов никто никуда не ходил. Все зубрили. Кормились в буфете института, в основном пирожками. Покупали их и с собой, а тётя Катя кипятила нам чай, который приносила в большом чайнике и ставила на стол – один на всех.

Девчонки приехали из самых разных городков и деревень, как не странно, были даже москвички. Институт считался известным и уважаемым.

Единственным развлечением у нас было – посещение тётти Кати. Высокая, не молодая, но моложавая, она, принеся чайник, садилась на табуретку и потчевала нас рассказами о своей судьбе, о своих мальчиках, о том – кто, когда и как поступал в институт. Когда абитуриенты уезжали, на эти койки поселялись студенты первого курса. И где-то только на втором или третьем они переходили в стационарные институтские общежития.

Тётя Катя всегда всем рассказывала о трёх подружках, которые жили у неё на квартире, и не захотели переходить в другое общежитие. Тётя Катя познакомила их с ребятами с их улицы. Все они были рабочими парнями. Тётя Катя объясняла нам, что быть учителем, это не обязательно выходить замуж за инженера. Квалифицированные рабочие получают больше «инженеров», а в семье они надёжные хозяева. И в постели они ой, ой, ой, какие темпераментные. Вот, например, – Ленка, приходила, рассказывала. Они ложатся спать, и имеют – «один раз» в понедельник, во вторник – два, и так

далее. А потом тётя Катя сжимала руку в кулачок, а второй рукой постукивала по кулачку – «и вот так к концу недели – до семи раз», а на следующей неделе начинали снижать «разы», и доходили до одного. Все слушали её внимательно. Я ничего не понимала в этой арифметике, но думала, это, что-то, наверное, хорошее, раз тётя Катя рассказывает нам об этом?

Я не знаю, понимали ли остальные девчата, о чём шла речь, но одна девочка всегда слушала с открытым ртом. Звали её Бэлла. Была она худенькой, маленькой, очень некрасивой, и в очках с сильнейшими диоптриями. Из дома её всегда привозил отец. Надеюсь, она не попросила потом отца, объяснить, о чём рассказывала тётя Катя...

За это время я получила по письму от моих подружек – Ниночки Петуховой и Нюрочки Кириллиной.

Девчонки мои тоже намылились учиться: Анечка – в культпросветучилище, а Ниночка вообще долго не могла что-нибудь придумать. Она была очень застенчива, и это ей всегда мешало по жизни.

Письмо в Шатуру из Шатурского района, село Петровское.

1954 г.

ПРИВЕТ ИЗ ПЕТРОВСКОЙ! ЗДРАВСТВУЙ, ИРА!

Пишу тебе письмо. Как ты доехала? Что тебе было за опоздание?

Ира, ответа из училища всё нет, и я очень боюсь, как бы не случилось чего с моими документами. Целыми днями сижу, читаю, вышиваю. Всё это до того надоело, что не хочется говорить. Мне очень, очень и очень хочется учиться, хотя бы где-нибудь. О себе я больше не знаю, что писать. Ира, в ответе напиши всё новое, что произошло за последнее время. Если есть у тебя новые песни, пришли мне, пожалуйста.

Пока до свидания. Прости, что мало написала.

НИНА.

Получила я письмо и от Анечки Кириллиной.

Письмо в Орехово-Зуево (на частную квартиру, адрес потерял).

из деревни Пертровской, Шатурского района, от Кириллиной Нюры.

22.07.54 г.

ПРИВЕТ ИЗ ПЕТРОВСКОЙ!!!

ЗДРАВСТВУЙ, ПОДРУГА ИРА!!!

С приветом – Нюра. Ира, Нет, не смогу я учиться в институте, а почему, это известно, если и поступлю. Ой, а как мне не хочется в культпросвет, но ничего не поделаешь!

Время сейчас 21.00. В кино не пошла, на улице бываю редко. Неделю жила в Велино, поэтому здесь никак не хочется, надоело.

Ира, приезжай, хоть на денёк, расскажу про Сашку, который к твоему дому приезжал (догадайся?).

Значит, у тебя есть надежда поступить в институт?

Ещё знакомые кто там есть, напиши. Г. Кулик? Познакомилась с кем? Как живёшь? Самочувствие?

Ира, я плохо готовлюсь, некогда, дома всё дела находятся. Думаю плюнуть на всё и взяться за дело. Экзамены у нас после 1 августа. Привет передать И. Б. и Ж. не смогу, не хожу в Шатуру совсем. Ну, на этом кончаю. Жду тебя и ответ. Опиши новости подробно.

До свидания.

А. КИРИЛЛИНА.

Ложусь спать.

Диктант я написала на четыре. Сделала какую-то ошибку. Литературу сдала на пять. Историю – на четыре, и любимый бабусин немецкий – тоже на четыре По – моему мы сдавали ещё историю. Вот здесь-то я и схлопотала – тройка.

Мне не хватило одного проходного балла. Помню, как мы все, кто не нашел себя в вывешенных списках, долго стояли молча перед ними. Некоторые спешили в приёмную комиссию, чтобы скорее получить документы и до 1-го сентября успеть поступить куда-нибудь, где был недобор. Многие начинали обсуждать – куда же лучше сунуться дальше. Когда все разошлись, я осталась в вестибюле одна. И мне вдруг, стало так обидно... И опять всё надо было начинать сначала...

Я забила в уголок под лестницу, которая вела вверх, в

будущее, о котором я так мечтала, наверх, в аудитории, в неведомое «высшее образование»...

Я так горько плакала об утерянных надеждах, что очнулась только тогда, когда меня за плечо стала трясти уборщица. Она стояла рядом со мной с тряпкой на палке в руке, и стала говорить ласковые слова – «Дочка, не плачь. Не ты одна не поступила. Значит, поступишь в следующий раз. Значит, сегодня, не судьба»...

Значит, сегодня не судьба...

И пошла я, как все не поступившие в приёмную комиссию. Взяла документы. И, когда я уже почти что дошла к выходу, до парадной двери института, меня догнал Володя. Все его звали Володей. Он был студентом старшего курса. Его, как и некоторых других выпускников привлекали в помощь работе вступительной комиссии. Не знаю, чем я ему понравилась, и почему он обратил на меня в этот миг внимание. Но он остановил меня, и сказал – «Пойдём, поговорим». Я решила его выслушать. Он сказал, что все факультеты заполнены уже вновь поступившими. И есть всего одно место – на факультет французского языка. Он может прямо сейчас переложить мои документы, и я буду зачислена в институт. Но решать надо прямо сейчас...

Мне были отпущены мгновенья для принятия решения. Я ему говорю – «Но, ведь, я в школе проходила немецкий»... А он в ответ – «Школа не в счёт. Всё равно все начинают языки изучать с азов»...

И в голове у меня пронеслось – несколько лет изучать французский, а меня с детства и от немецкого-то тошнит... И я твёрдо сказала – «НЕТ».

А Володю я попросила. – «Если у тебя есть возможность, возьми документы у Бэлы (не помню фамилию). Для неё это очень важный шанс, может быть, единственный»...

Интересно, я только сейчас понимаю, что третий раз в жизни, отказываясь от предложений судьбы, поворачивала колесо фортуны от себя.

Первый раз – бросив кожевенно-обувной техникум, в котором окончив экстрактовое отделение, я бы стала химиком, А химию я не любила...

Второй раз – бросив учёбу в Высшей Комсомольской школе, по окончании которой я пошла бы по партийной линии. Но по моему безалаберному и не дисциплинированному характеру я вскоре вылетела бы из партии...

Третий раз – отказавшись от учёбы на французском факультете Педагогического Орехово – Зуевского института. Я не осилила до конца немецкий, куда уж мне – французский!

Но, надо признать – все три предложенных мне судьбой варианта открывали передо мной возможность определится в жизни со специальностью и с интересной определённой карьерой.

Очень интересно представить – как бы сложилась моя жизнь в каждом из этих вариантов? Но, видно, мне была суж-

дена судьбой другая стезя...

Часть 30

Торфяной техникум

Взяла я документы. Собрала свой «узелок» с книжками, и вместе с небольшой группой провалившихся абитуриентов, пошлёпала от дома тёти Кати...

Шли мы по улочке, где счастливо проживали бывшие студентки, а теперь учительницы, вышедшие замуж за рабочих парней. Потом эта деревенская улочка вдруг переросла в городскую улицу, где появились каменные дома, и улица обрела две стороны.

Мы не шли, мы плелись вдоль какого-то длинного каменного с металлической оградой забора. И, вдруг, боковым зрением кто-то заметил вывеску, на которой мелькнуло слово – «...ТЕХНИКУМ...». Остановились. Прочитали – ОРЕХОВО – ЗУЕВСКИЙ ТОРФЯНОЙ ТЕХНИКУМ.

Кто-то предложил – «Зайдём?» Нам терять было нечего. Зашли. Спросили в приёмной комиссии – «А как насчёт приёма?». И к нашему удивлению услышали в ответ – «На торфяное отделение всё заполнено. Но на – ПГС у нас недостаток». ПГС – это факультет «Промышленного и Гражданского Строительства».

Я удивилась. В моём представлении – торфяной факультет – это торф, грязь, захолустье, торфяные разработки (жи-

вя в Шатуре я была наслышана про них). А промышленное и гражданское строительство – это же совсем другое дело. Это близко к архитектуре, к необычным стройкам (я уже соприкоснулась на строительстве МГУ к оригинальным решениям новых форм зданий).

Мы спросили, – «А что надо, чтобы поступить?» – «А всего на всего – до сдать экзамен по математике, который не сдавали в пединституте»...

В общем-то это было не реально. Математикой мы не занимались со школы. При желании, даже шпаргалок у нас не было. Но терять-то всё равно было нечего. Авантюрное решение, но, чем черт не шутит? – «А когда?» – «А сейчас»...

Пригласили нас в аудиторию. Пришел преподаватель, раздал билеты и листочки проштампованной бумаги, и ушел.

Мы, ошарашенные, сначала растерялись, потом судорожно схватились за билеты. Кто-то что-то стал вспоминать. Потом ребята посмышлëнее, быстро решили свои варианты, и стали помогать нам, которые вовсе всё позабыли (а, может быть, и не знали?).

Наконец, когда все успокоились, и уже на листочках появились ответы на билеты, мы расселись по местам и начали осознавать какое-то действие нереальности, пришел преподаватель. Собрал листочки. Не проверив, а пробежав глазами написанное, проставил отметки и объявил: – «Такой-то – 5, тому-то – 4, кому-то – 3». Затем встал и сказал – «Поздравляю вас, вы приняты в торфяной техникум, на отделе-

ние ПГС».

Что это было – судьба? Стечение обстоятельств? Как это ни называй, а мы стали студентами!!!

Домой я приехала и всех ошарашила своей новостью. Но что они могли поделать? Папа даже обрадовался, что я буду продолжателем его профессии. И только, наверное, бабуся, про себя подумала – «Ещё неизвестно, чем это всё кончится?!?!?!»...

Часть 31

Письма

Учиться в техникуме нужно было два с половиной года, так как нас после 10-и летки принимали сразу на третий курс (спецкурс). А после ЧАСТЬ 88-го учились – четыре с половиной года. К сожалению, нам, поступившим в последний момент, не представляли на первом курсе общежитие.

Я, вместе с девочкой – Валей Буяновой, решили поискать частное жильё на двоих, чтобы оплачивать было дешевле. Получив от кого-то адрес, познакомились с хозяйкой комнаты, находившейся в коммунальной квартире.

Хозяева долго нас пытали – откуда мы, потом читали нотации по поводу того, как надо будет себя вести, и только «изучив» нас со всех сторон, решились сдать на зиму нам комнату. Провожала нас к месту жительства дочка хозяйки дома.

Квартира находилась в Зуево, недалеко от моста. В техникум ходили пешком. Дорога занимала минут сорок. Но, для нас это не занимало труда. На первом курсе на стипендию зачисляли всех, а потом нужно уже было учиться без троек. Поскольку – стипендия была одним из основных средств существования, то это являлось стимулом для хорошей учёбы.

Итак, – свершилось. Я начала учиться в торфяном техни-

куме на отделении промышленного и гражданского строительства.

Забавное сочетание... Вернее – не сочетание. В Москве я училась в обувном техникуме, но отделение было – экстрактовое (экстракты для дубления кожи)...

Теперь я поступила – в торфяной техникум, а отделение было – ПГС...

Но прежде, чем я перейду конкретно к воспоминаниям о моем студенческом периоде жизни, мне нужно решить одну проблему.

Жизнь в деревне Петровское, и потом – в Шатуре была для меня вихрем впечатлений от знакомств с новыми мальчиками. Я, как и раньше – оставалась наивным ребёнком, хотя и оформилась внешне в девчонку-подростка. А, если вспомнить мои сумасбродные выходки и мечты – о «не сбывшейся любви», то можно себе представить, с какой энергией мне удавалось быстро привлекать к себе внимание мальчиков. Вокруг меня всё время «вился рой» таких же, как и я – подростков. На мое счастье, они были не искушенными в вопросах ухаживаний и чаще всего – застенчивые и робкие.

После окончания школы многих из них призвали на службу в армию. Но мне не хотелось порывать дружеских отношений с теми, кто входил в мою «свиту». И тогда наши товарищеские отношения плавно перетекали в дружеский обмен письмами.

Часть писем у меня сохранился до сих пор. Посчитаем –

школу я окончила в 1954-м году. Сегодня идёт – 2019 год. Это сколько же лет прошло с тех пор?

46 (в прошлом веке) + 19 (в 21-м) = 65 лет.

Если тогда они, милые мальчишки – были моими ровесниками, то им теперь всем перевалило – за 80 лет, как и мне.

И что дальше мне делать с их письмами?

И интересны ли будут эти древние письма для прочтения – сегодня?

Решила – приведу выдержки из этих писем, так сказать – интересными цитатами...

Но... Ведь в этих письма рассказы – о том, как эти ребята служили в армии, как они скучали по дому, по друзьям и т. д.

И я приняла решение – не буду кромсать письма на кусочки, разрывая прожитое на части... Бумага всё выдержит...

Опубликую эти письма полностью. Это позволит мне ещё и фотографию прикрепить к каждому такому «мини-произведению».

Решение принято? – Принято. Тогда – к исполнению...

Часть 32
Ванечка Назаров

На фотографии – Иван Назаров

ПИСЬМА ВАНЕЧКИ НАЗАРОВА

Окончилась школа. Многие поступили в институт. Некоторых забрали в армию. Компания наша распалась. С некоторыми я переписывалась чисто по – дружески. Иногда переписка затягивалась на два – три года, иногда – прерывалась после двух – трёх писем.

На память о школьных годах у меня остались письма.

На уроках иногда я развлекалась тем, что писала письма знакомым мальчикам.

Я долго сомневалась – стоит ли здесь приводить письма моих милых товарищей. Но, ведь каждый из них, разделил со мной маленький кусочек своей жизни. Со многими из них я переписывалась, когда они уходили служить в армию. А армия в то время была как бы из другого мира, мне не знакомого.

Ребята писали о своей службе, радовались письмам из родных мест, тем более, если они приходили от девчонок.

Мне кажется, что письма моих советских мальчишек намного будут отличаться от писем современных солдат. Тогда не было дедовщины. По крайней мере, ни в письмах, ни в рассказах при встречах, эта тема не звучала...

Может быть, кому-то будет интересно прочитать короткие строчки о том, как служилось в те годы в армии моим друзьям – товарищам... Или – как училось?...

Вообще, занятие – писать письма, иногда не только убивает свободное время, но и создают иллюзию, что где-то далеко есть друзья. А, может быть, это и не иллюзия?

У меня была потребность знать, что я кому-то нравлюсь, что кто-то мне пишет, что есть мальчики про «запас, на всякий случай». По крайней мере, кроме Шатурских ребят начала переписываться и с теми, с которыми давно не поддерживала никакой связи.

Ещё, когда я училась в Михневской школе, там, среди учеников был Ванечка Назаров. Не помню, почему он ушел из школы, но вскоре его забрали в армию. Мы вместе с ним активно «плясали» в художественной самодеятельности. Он переписывался с ребятами из своего бывшего класса. Через них он передал мне привет. А я – ему. Он написал мне письмо, не зная адреса, просто на Михневскую школу. Я ответила. Переписывались мы не долго. Но мне было интересно и приятно получать письма от мальчиков, в том числе и от него.

Однажды, учась уже в Шатуре, я вспомнила о Ванечке и написала ему письмо. Он продолжал ещё служить в армии и ответил мне сразу же...

Если честно – письма Ванечке я писала просто так, сидя на уроках в школе, когда мне было скучно слушать учителя...

Переписываю письма, и самой не верится – какими же мыли наивными, не далёкими в стремлениях и помыслах. Я на-

деюсь, что сегодня молодежь более продвинутая во всех отношениях.

А может быть, такими чистыми, честными и наивными лучше быть, чем слишком – «продвинутыми» во всех отношениях?

Может быть, и – лучше, да в наше сегодняшнее время – таким, какими мы были – не проживешь...

ПИСЬМА ОТ ВАНЕЧКИ НАЗАРОВА

4.04.53 г.

ПРИВЕТ С СЕВЕРА,

ЗДРАВСТВУЙ, ИРА!

Разреши передать Вам мой горячий привет, и пожелать отлично провести весенние каникулы, если они начались. Ира, я твоё маленькое письмо получил. Оно прошло сложный путь в в/ч 39091, а затем на 400 км. севернее, к берегам Баренцева моря, в в/ч 10529 «Б». Ира! Но, прежде, чем получить от тебя это письмо, я уже отправил тебе письмо, как только уточнился мой адрес.

Сейчас я нахожусь в районе Североморска, на берегу моря, вижу его мощные волны. Здесь очень

отвратительный климат, дуют сильные ветры, просто бураны, холодно, сопки голые и покрытые снегами. Море шумит день и ночь.

Ира, письма я посылал на Михневскую среднюю школу.

Мой адрес: «Мурманская область, Североморск, в/ч 10529 «Б». Назарову Ивану Фёдоровичу.

Ира, это письмо пишу уже по адресу, который был написан в последнем письме.

Правда, живу я скучно, в увольнение не хожу, да и некуда ходить, так как это не на юге, или в центральной части, где много гражданского населения. Я сейчас нахожусь севернее Мурманска, км на 60–50, но точно не знаю.

Ира, жду ответ, прошу опиши все новости, а я всё подробно расскажу, когда буду в Михнево, т. к. новостей мало в моей жизни, а какие и есть, то в письме писать, сама знаешь, не стоит.

Ира, а почему ты прислала домашний адрес, разве на школу нельзя писать, ведь, ты больше находишься в Михнево, чем дома, в Вельяминово. Ира, напиши, как там идут дела в десятых классах, куда думают идти дальше?

Ира, передавай привет моим знакомым по школе, а также учителям. Жду ответ. До свидания.

И. НАЗАРОВ.

13.11.53 г.

ПРИВЕТ ИЗ СЕВЕРОМОРСКА!

ЗДРАВСТВУЙ, ИРА!

Если я не ошибаюсь, так как, из твоего письма трудно узнать – кто пишет. Специально высылаю твоё письмо, чтобы ты убедилась. Представь себе, приходит письмо, в котором на протяжении всего листа ни разу не упоминается твоё имя, а на конверте обратного Адреса нет, а в письме есть, но фамилии нет, и адрес: город Шатура... Но в городе Шатура у меня нет ни родственников, ни знакомых нет, и только по подчерку я узнал, что это письмо от тебя, т. е. от Степановой И. В.

Да ещё письмо пришло в в/ч 10529, но я с июня месяца прохожу службу в в/ч 25176 су-сф. А поэтому я мог не получить твоё последнее письмо, и ждал, но потом я написал тебе письмо, согласно старого адреса. Вот почему мы полгода с тобой не имели связи.

Но теперь, надеюсь, мы опять будем писать письма друг другу, а фото я вышлю, если вышлете и вы мне, и ещё одно предисловие, напиши свой старый адрес, чтоб я убедился, что я писал письмо именно тебе, Степановой И. В. Хорошо?

Ира, Если твоя подружка Галочка желает писать, то я с удовольствием буду отвечать «просто так», ибо на таком расстоянии иначе писать нельзя, да

ещё и она меня не знает, возможно, я какой-нибудь иезуит, и писать мне не следует. Но, с тобой мы, кажется, знакомы, так сказать. Старые друзья, вместе учились в школе, правда, малое время. Но я хорошо помню твои активные действия при нападении, например, Герасимова. Помню, например, как мы с тобой работали в Екиманово, когда ты только появилась в МСШ. А теперь мы разбежались в разные края, но я думаю сдать на офицера запаса в 54-ом году, и придти осенью домой, и продолжить учёбу, и ты, наверное, будешь учиться в Москве. Вот тогда произойдёт встреча старых знакомых.

Ты будешь солиднее, а у меня отрастёт борода.

Ира, живу я по-старому, служу на флоте, но не на корабле. Если бы имел специальность, пришлось бы служить на корабле, а теперь я в подчинении СЧ.СН.

Мой точный адрес: – «Мурманская обл. Пр. Североморск. В/Ч 25176 Назарову И.»

Конечно, друзей у меня нет, если исключить военнослужащих, которых здесь хватает. В кино хожу часто, т. к. живу со сверхсрочниками, и контроля за мной нет. Но и это меня не удовлетворяет, действительно, без старых друзей скучно, и жизнь идёт мрачно.

Ира, извини, что плохо писал, т. к. время было мало, все ушли на обед, а я задержался, чтобы написать тебе ответ.

Следующее письмо напишу лучше. Если можно, вышли первое фото, ведь ты знаешь, что высылаешь

мне, а я точно не знаю, ибо сужу только по подчерку.

До свидания, Ира и Галя. Большой привет твоей подруге Галочке от меня.

И. НАЗАРОВУ.

15.12.53 г.

ПРИВЕТ С СЕВЕРА!

ЗДРАВСТВУЙ ИРА!

Прими от меня мой товарищеский привет. Ира, во-первых, извини меня, что задержался с ответом, этому была уважительная причина – отпуск на Родину.

Ира, с 24 по 25 ноября я выехал в г. Москву на скором поезде, и 27-го уже вечером был в Москве. Ехал я по Октябрьской ж/д, через город Ленинград, по Карело-Финской ССР. И вот, 27-го, в час ночи, всем на удивление я явился в Михнево. Там я увидел всех товарищей, с которыми учился, и особенно здорово провёл 5 декабря, когда все студенты прибыли в Михнево, гульнул здорово. Собрались одни ребята, взяли водки, вина, и дело пошло на лад. 6-го я уехал в Москву, и объехал всех своих родных, и близких знакомых. Вообще провёл отпуск хорошо. Но опять возвращаться было не легко. Вот опять я в Североморске, дали мне твоё письмо, и опять я сижу за письмом. Ира, хотел прислать фото, но не знаю, что

делать, сфотографироваться здесь трудно, у меня есть фото, ещё в морском, и при том одно, а Вас там – две подружки. Если желаешь, то подожди, как попаду в командировку в Мурманск, так сфотографируюсь. Но только, в Мурманск, в зимнее время попасть очень трудно. Но я думаю, что мы можем договориться. Люди свои.

Заехать к вам мне не пришлось, т. к. Шатура стоит по Казанской ж/д, или Рязанской ж/д. А, вообще, мы должны скоро встретиться, т. к. ты и твоя подружка, думаю, будете учиться в Москве.

Ира, зима у нас гуляет, сейчас ночь, но хотя погода стоит отвратительная, 14-го удалось покататься на коньках. Вспомнил детство.

Ира, не обижайся, что мало пишу, т. к. писать нечего, жизнь однообразна, и время мало, мне хочется писать много, но что? А. если и есть что, то в письмах писать не разрешают.

Ира, пограничником я не был, хотя стоял всегда в погранзонах. Ира, я тебе желаю, как можно лучше учиться, мне очень хочется посмотреть на тебя, наверное, стала взрослее и лучше, но думаю, что в 54-ом году увижу, и вдруг не узнаю. Как буду дома, так обязательно приеду в гости. Ты напиши, сколько км. от Москвы до Шатуры и по какой точно дороге. Ира, писал плохо, но не обижайся, т. к. такие условия.

Ира, до свидания – И. НАЗАРОВ.

22.01.54 г.

ПРИВЕТ ИЗ СЕВЕРОМОРСКА!

ЗДРАВСТВУЙ, ИРА!

С приветом к тебе, твой школьный товарищ – Назаров.

Ира, твоё письмо, вернее послание, получил, за которое благодарю, и не задерживаюсь с ответом.

Ира, ты меня в нём поздравила с наступающим новым годом, но получил я 22 января 1954 года, слишком долго шло письмо, или слишком долго лежало у тебя дома.

Ира, отвечаю на твой первый вопрос по поводу обращения, если тебе не приятно, буду называть по имени. Фото высылаю с условием, никому не показывай, высылаю тебе. Ира, ты пишешь, что я должен первым спросить фото у Гали, это мне не понятно, ибо ты сама просила, чтоб я выслал фото, а ещё писала, что ты её лучшая подруга, вот почему я писал, что не знаю кому посылать, а всем подругам я не собираюсь высылавать, ясно?

Ира, где я служил, и где служу, писать нельзя, ведь, я военнотрудовой. Буду у тебя, могу рассказать, у меня многое кое-чего было, но писать-то не положено, я должен выполнять требования уставов В. С. СССР. Я же

клялся. Вот почему я мало пишу, ибо по службе писать не положено. А про погоду писать в каждом письме нет смысла, ибо она стоит всегда плохая.

Ты можешь фантазировать, описала так, что к вам приехать так легко, как домой. Приедешь, а там скажут, что за человек, к кому и откуда и т. д. Конечно, тебя-то я не стесняюсь, а твоих родителей, твоих знакомых, которых я сроду не видел, но по твоим словам они очень приветливые и милые.

Ира, я живу по-старому, погода стоит плохая, сильные ветры, морозы небольшие – 15–17, но при таком буране они страшны.

Ира, в следующем письме я жду твоё фото, ты, наверное, здорово изменилась, ведь, я тебя не видел года 1,5. Ира, ты пишешь, что интересно было бы увидеть меня в 60 лет, я думаю – не интересно, ибо, если молодого приятно видеть всегда, то увидеть старого, это отвратительное дело.

Ира, учишься, я думаю, ты хорошо, и нужно иметь только желание и терпение, а остальное будет всё хорошо.

Вот, кажется и всё, что мог я описать тебе. От тебя жду ответ на несколько писем, пиши обо всём. Мне приятно, когда получаешь от близкого такое послание.

Высылаю фото, если оно тебя интересует, но другим не показывай. Я ещё не высылал своё фото никому.

До свидание – И. НАЗАРОВ.

12.03.54 г.

ПРИВЕТ ИЗ СЕВЕРОМОРСКА.

ЗДРАВСТВУЙ, ИРА!

С приветом к тебе школьный товарищ. Ира, в-первых сообщаю. Что твоё письмо получил, за которое большое спасибо, и я не задерживаюсь с ответом.

Ира, я очень рад, что у тебя хорошо идут дела во всех областях, конечно, хорошо, что ты занимаешься художественной самодеятельностью, но главное – учёба, а скоро держать государственные экзамены в институт, а тебе поступать следует обязательно. Значит, тебе следует на учёбу нажимать и нажимать.

Ира, я надеялся, что получу в этом письме фото, но ошибся. Думаю, в следующем письме ты вышлешь мне своё фото, ибо я уже два года не видел тебя. Ты тоже, наверное, здорово изменилась во всех отношениях. Так что, интересно будет посмотреть хотя бы фото 1953 года или 1954.

Ирочка, хочу сказать несколько слов о своей жизни в заполярье. Я живу ничего, почти по старому, погода стоит у нас холодная, морозы и сильные ветра. Дни стали очень длинные, а месяца через два наступят белые ночи, или круглосуточный день. Часто вижу северное сияние, конечно, первый раз посмотреть красиво, а уж мне слишком надоедает смотреть на сияние каждый

день. Мне хотелось посмотреть тогда, когда я это изучал по географии, а сейчас я такого желания не имею. В кино хожу, и обычно новые картины мною просматриваются регулярно. Девочек знакомых знаю много сравнительно, но ни с одной из них у меня дружбы нет, так как здесь девочки те ещё. Я с ними могу травить, заниматься болтологией, а на большее у меня не лежит душа, ибо дома девочки лучше, и притом, со многими я учился, да не один год.

И, вообще, у меня есть желание – остаться в физическом и моральном отношении чистым, надеюсь, моё выражение тебе понятно.

Ира, с Михневскими я переписываюсь: с Коротковым, с Шишковой, раз писал Кошкиной, пишу Чечину, и многим другим писал, но писал мало – одно, от силы два письма. Вообще, когда время есть, можно писать всем, а когда мало, то только близким знакомым и товарищам по школе. Сейчас скучать не приходится, ибо скоро выборы, и мне каждый день приходится бывать в гражданских учреждениях, участках и пр. И получается, что и днём и вечером без дела не сижу. Ну, а остальное всё идёт пока по старому, изменений особых нет, ну, а мелкие изменения у меня бывают, и опять намечаются, но о них писать не следует.

Ира, больше писать нечего. До свидания.

С приветом к тебе – И. НАЗАРОВ.

Жду ответ и фото. Передавай привет знакомым,

которых я знаю. Пиши ответ в Североморск. В/Ч 25176.

04.04.54 г.

ЗДРАВСТВУЙ, ИРА!

С приветом к тебе – школьный товарищ Назаров И. Ира, Я очень долго не получаю от тебя ответ на моё письмо, и не знаю, какие у тебя успехи в художественной самодеятельности.

Ведь, ты, кажется, выступала на областном смотре с Галиной.

Несколько слов о своей жизни. Я живу ничего, но – не по старому. Время свободного мало, даже очень мало. Временно нахожусь не в своей части.

Погода стоит у нас так себе. Морозы в апреле ожидаются от +1 до –16. День очень большой. Скоро, приблизительно, через месяц или чуть больше, наступит круглосуточный день.

Ира, 28–29–30 марта в Североморске проходило соревнование на первенство РСФСР по фигурному катанию. Они проходили в Мурманске, а кататься их привозили в Североморск, т. к. у нас ещё холодно, и был хороший лёд. Выступали изумительно, и были девочки 14-и лет. Молодёжь, а давали здорово! Мальчиков таких молодых не было.

Первое личное первенство одержала Карцева из города Калинин, второе место – Широкова из

Московской области.

Вот больше и новостей нет, ибо я не желаю этим в Североморске заниматься.

До свидания. Большой привет от меня Гале. О ней я сейчас почти ничего не знаю. Жду ответ. С крепким рукопожатием – Ваш товарищ –

И. НАЗАРОВ.

Были ли ещё письма – не помню. Может быть, просто где-то затерялись.

А, может быть, я просто бросила ему писать, так как письма были не очень интересными...

На фотографиях Виктор Аденцов.

Часть 33

Письма Адвика

Шатура. Виктор Адинцов – в середине

Мне запомнилось, как однажды вечером, мы с девчонками, прогуливались по кругу. Круг – это дорожка вокруг памятника Ленина около клуба им. Нариманова. Был рождественский вечер. В свету фонарей кружились, опускаясь вниз, сказочные снежинки.

Памятник Ленину в сквере около клуба им. Нариманова Шатура 1954 год

Мы решили погадать. Когда навстречу шел какой-нибудь мужчина, мы спрашивали его, как его зовут. Когда дошла очередь до меня, я тоже спросила, и услышала в ответ – «Виктор»... Я подумала – какой? У меня было много знакомых, имеющих имя – Виктор. Я сразу же вспомнила Виктора Адинцова. Но жизнь показала, что это ещё не тот суженый. Кстати, это гадание запало в память надолго. И каждый раз, знакомясь с очередным Виктором, в мозгах мелькало – Виктор, может быть уже тот самый?... Виктор Розов?... Виктор Рябчиков?... Виктор Дудко?!?!

Я уже упоминала, что, ещё с того времени, когда я жила в Петровском, у нас сложилась дружная компания: Анечка Кириллина, Нина Петухова, Галя Петрова, конечно я – Ирочка Степанова и наши верные рыцари: Виктор Варфаломеев, Володя Картавых, Виктор Ванин и Виктор Аденцов (Адвик).

АДВИК – это не фамилия, а сокращенное «имя» – Аденцова ВИКтора.

Мы с девчонками любили в свободное время пошататься по Шатуре. А встретив кого-нибудь из знакомых ребят, продолжали гулять по Шатуре уже с ними вместе.

Собственно, у нас было две «компании» знакомых ребят. Одни – наши соученики, ребята из нашей школы, а вто-

рые – учащиеся энергетического техникума. Однажды кто-то из них познакомил нас с Володей Новиковым и его другом – Виктором Аденцовым. Виктор мне очень понравился. Немного курносый, с очень красивыми глазами, чрезвычайно застенчивый.

Детская фотография Виктора Адинцова

Потом я узнала, что рос он без матери. Отец женился во

второй раз. У Виктора была сводная сестрёнка, которую он помогал растить с детства. Почему-то он никогда не любил говорить о своей семье. Видно, жилось ему не сладко.

Моя особа, видно тоже его заинтересовала. Но, когда нас познакомили, он подумал, что я дружу с Володиёй Картавых, поэтому всегда общался со мной сдержанно.

Когда наша семья получила квартиру в Шатуре, наш дом стоял на Советской улице. Она стояла как бы на горке. Перпендикулярно к ней шел переулочек, который пересекал центральную улицу, и спускался ещё ниже. В конце переулочка стоял дом, в котором жил Витя Аденцов. Я часто, взяв в компанию кого-нибудь из подружек, шла прогуляться по этому переулку, а иногда и одна, как будто я куда-то шла. Видно, он уже знал время моих «прогулок по переулку». И, как бы невзначай, проезжал мимо на велосипеде. Мы останавливались и болтали. И только позже, когда его забрали в армию, он мне признался в своих чувствах. И, хотя мне он действительно нравился, наша дружба ограничилась только длительной перепиской.

Из всей моей «свиты», я в тот год больше всего вскружила голову Адвику. Надо сказать, что и мне он нравился своей беззащитностью, наивностью, и каким-то особым, чистым и светлым характером.

Виктор Адинцов

И даже сейчас, когда я перенесла сюда его фотографии, мне приятно было всматриваться в них, и вспоминать ту, нашу далёкую юность.

ПИСЬМА АДВИКА

Иногда в письмах приводятся имена или события, о которых не упоминалось в других частях этой Главы.

В таких случаях, после письма могут появляться мои пояснения с пометкой – ИРА ДОБАВЛЯЕТ...

9.12.54 г.

ПРИВЕТ С КАВКАЗА!

ЗДРАВСТВУЙ, ДОРОГАЯ ИРИНКА!

Сегодня получил твоё письмо, и посылку из дома. Долго я ждал от тебя письма, и ты не можешь себе представить, как я был рад твоему письму. Сейчас пишу тебе ответ, и не знал, с чего начинать. Напишу коротко о себе.

Ехали мы до Тбилиси со 2-го по 9-ое, т. к. до Тбилиси от Москвы 3000 км.

Октябрьскую встречали в дороге, конечно, встречали не как дома. Со мной ехали знакомые ребята из Шатуры: Комиссаров С., Калачов Г. и др. В Тбилиси

нас расформировали и направили, кого куда. В училище набор был уже окончен и из наших ребят никого не взяли туда. А на офицера запаса мы сами не пошли, лучше три года отслужить, чем всю жизнь.

Живём мы в 25 км. от Тбилиси. Живём мы хорошо. Кино показывают 3 раза в неделю. Имеется хорошая библиотека. Каких только национальностей у нас нет в полку. Кажется, все. Я сплю рядом с грузином. Замечательный парень. Был в Тбилиси, осматривал город. Город старый, не очень уж хороший. Полк у нас гвардейский. Так знай, что я теперь – гвардеец. А в гвардии разрешено носить усы. Теперь отращу усы, как у кота.

Часто вспоминаю гражданку. Как мы гуляли тогда. Сейчас я смотрю на вашу записную книжку и на твоё фото, и всё вспоминаю. Помнишь, как мы с тобой ругались? Ты много тогда не понимала, и всё время думала, наверное, что я влюблён в Нэльку. Ты не знала тогда, что, если мне нравится какая-нибудь девочка, то я за ней ухаживать и гоняться не буду, а, наоборот, всегда стараюсь её вывести из терпения, Помнишь, как я тебя доводил? Ты меня тогда не понимала. За тобой тогда ухаживал Картавых Володя, а у меня совесть не позволит встать поперёк пути какому-нибудь человеку. Я думал, что ты будешь дружить с Вовкой, и я буду лишний, поэтому я сошел со сцены.

Помнишь, мы на Первомай гуляли у вас, тогда я пришел туда только ради тебя. Всё получилось не так, как я хотел. Помнишь, я у тебя спросил – нравлюсь ли

я тебе или нет? Ты ответила, что нет. Этот ответ тоже многое значил для меня. Может быть, я тебя тоже не понимал.

Ты пишешь – где я нахожусь? Я обитаю в 9-ом гвардейском полку имени Суворова. Короче, я – танкист. Когда сфотографируюсь, пришлю тебе своё фото.

В увольнение пока не ходим, т. к. не приняли ещё присягу. 10 января примем присягу и будем ходить в увольнение. Здесь мы тоже учимся 6 часов в день – с 8–30 до 2–30. Изучаем всё, что нужно солдату.

Высылай обязательно фото. Жду с нетерпением. Очень я хотел тебе видеть перед отъездом.

Многое я хотел тебе сказать. Но нам не пришлось встретиться. Я очень об этом сожалею. Не знаю, когда мы с тобой встретимся, и встретимся ли? Всё зависит от тебя. После службы думаю поступить в художественное училище, или остаться в Грузии. Жить здесь мне есть у кого. Многие грузины зовут меня к себе. Здесь тогда можно поступить в любой техникум, т. к. я решил после армии обязательно стать «интеллигенцией».

Поздравляю тебя с новым 1955 годом.

Желаю тебе счастья и хорошей любви в твоей жизни. Извини, что моё поздравление придёт уже после нового года.

Посылаю тебе картинки. Извини, что плохо нарисовал, так как я спешил, и у меня не было красок, поэтому рисовал только чернилами.

Напиши, как ты провела Новый год. И пиши больше,

так как я люблю читать длинные письма, и наоборот, не люблю писать письма.

Что-то я сегодня расписался, и мне не хватило двух листов, и я взял третий лист.

Напиши, из-за чего ты поругалась с Вале́й. Смотри, больше с ней не ссорься. Передавай ей от меня большой привет. Пришли своё фото. Если нет фото, то спроси у неё. Не думай много, Просто нужно для памяти. Ну, кажется, и всё. Что-то я сегодня расписался. Никогда не писал такие длинные письма. Даже устал.

Пиши ответ. До свидания. Это свидание, наверное, долго не состоится.

Крепко целую, хотя бы в письме, так как мне не пришлось тебя поцеловать на гражданке. Ты меня за это извини. Жму твою лапку.

АДВИК.

Жду ответа. Пиши быстрее. Обязательно что-нибудь нарисуй и пришли мне. И, если у тебя есть хорошие открытки, то одну пришли мне.

Добавляет ИРА...

Нэля, упоминаемая в письме – моя соученица. Её отец – Райхман работал в редакции местной газеты.

В письмах упоминается иногда имя – Валя... В нашей группе, в техникуме, у меня было две подружки – Вали. Одна – Валя Буянова, с которой мы вместе снимали комнату, пока нам не предоставили общежитие.

А вторая – Валя Калинина. Жила она в городе – Александров. Я несколько раз ездила к ней в гости...

Упоминается в письмах – о рисунках, которыми мы с Адвиком обменивались. Он очень хорошо рисовал. А я в основном только перерисовывала цветы с открыток. Кажется, тоже получалось не плохо. Жалко, что присылаемые им рисунки у меня не сохранились...

Письмо в Орехово – Зуево из Рустави. Адрес в Орехово-Зуево: – «Ул. Ленина 103, кв. 5. Степановой Ире». Адрес в Рустави: – «Грузинская С С Р, г. Рустави, в/ч 43715 «Д»».

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ИРА И ВАЛЯ!

Пишу вам второе письмо, хотя от вас не получил ответа на первое письмо. Не знаю, почему вы молчите. Может быть, вы не получили моё первое письмо, или не хотите мне отвечать? Больше, чем от кого-либо я ожидал от вас письма, но вы молчите.

Я решил написать вам второе письмо, хотя я не любитель писать письма. Ира, может быть ты стала зазнаваться, и забывать своих старых друзей? Хотя, может, с твоей точки зрения, я не был твоим другом. Тогда ты извини меня за это письмо. Но мне горько подумать даже, что ты меня так быстро забыла. Я, ведь переписываюсь только с тобой, с другом – Володей, да с родными.

Ты знаешь, наверное, что у меня много знакомых, как среди девочек, так и среди мальчиков. Но я ни с кем из них не переписываюсь. Не переписываюсь даже с Нэлькой, хотя она мне велела писать, и дала свой адрес. Я не такой уж пустой человек, чтобы ради развлечения со всеми переписываться. Если вы не хотите со мной переписываться, то так и напишите в письме. Крепко жму вам ручки.

АДВИК.

ПРИВЕТ ИЗ ГРУЗИИ!

ЗДРАВСТВУЙ, МИЛАЯ ИРИНКА!

Вчера приехал я с занятий из партийной школы. А мне подают от тебя письмо. Ты не можешь представить себе, Ира, как я ему был рад.

Помнишь, Ира, я говорил тебе, что когда я знакомлюсь с девушкой, то у меня с ней хорошего ничего не бывает, если без знакомства, становлюсь знаком, то это уже дружба. Помнишь, когда Вовка Картавых нас знакомил, я не подал тебе руки, и ты познакомилась с Володей Н.

Ира, я не знаю, как ты думаешь, а я думаю, что у нас дружба есть. Ты пишешь, что, после нашей будущей встречи, мы можем разойтись, а я думаю, что это может не произойти. Всё зависит от нас с тобой, в большом

случае от тебя. А, если судьба по каким-либо причинам, не зависящим от нас, разведёт нас, то ты помни, Ира, что я останусь твоим другом на всю жизнь. И, если в жизни тебе придётся трудно, то я всё сделаю, что в моих силах, чтобы было тебе легко.

До нашей встречи пока далеко, и как бы я не хотел сократить сроки до встречи, то я это сделать не могу. Помни, что после моей службы, мы можем не увидиться с тобой ещё два года, так как я не хочу встретиться с тобой, не окончив техникума. Ты, надеюсь, меня поймёшь.

Поэтому, Ира, у меня к тебе будет большая просьба. Если ты сумеешь достать, то пришли мне справочник всех техникумов, так как я в Шатуре учиться не хочу.

Ты пишешь, что Володя Новиков переписывается с Тоней Шарковой. Что это за девчонка, которая вскружила голову Володе? Напиши мне о ней поподробнее.

Насчёт губ, ты меня извини, может быть, я и не прав.

Сейчас у нас холодно, а недавно выпал снег, целых два дня был, а потом растаял. Ты знаешь, как мы обрадовались, даже играли в снежки.

А Борис молодец, что не отстаёт от жизни. Ты его не ругай за это. Пусть до армии погуляет с девчонками, конечно, с хорошими, а то его в армии лишат этого. Мой день рождения 11 августа. Высылаю тебе рисунок, и жду от тебя.

Ты читала Лермонтова – «Мцыри». Так это и есть Мцыри. Я недавно проезжал там. В той крепости живут

старик и старуха. Здесь и сливаются вместе – Арагви и Кура.

А танцевать, наверное, я так и не научусь, придётся тебе учить меня. Ну вот, кажется и всё. До свидание. Жду ответ.

Твой друг – АДВИК.

Добавляет Ира...

В письме Адвик спрашивает – кто такая Тонечка Шаркова, которая вскружила голову его друга – Володи Новикова.

Наша семья из деревни Петровское переехала в Шатуру, в полученную квартиру. У нас было две комнаты. Туалет и кухня были общими с соседями. У соседей была, как и у нас – большая семья Шарковых, но – всего одна комната.

Мама Шарковых и три дочери. Старшая получила комнату и жила теперь отдельно. С матерью остались – Тонечка и Зина Шаркова.

Зиночка Шаркова

Зина от рождения была инвалидом. Правая нога была короче другой. Ортопедический ботинок Зина носить не хотела, и поэтому при ходьбе переваливалась при каждом шаге – на правый бок, как уточка.

Я дружила именно с Зиночкой. А у сестры её – Тони была своя компания. Именно с этой Тоничкой познакомился Володя – друг Адвика.

Тоня с Володей поженились, и теперь Зина осталась жить в этой комнате только с мамой...

ЗДРАВСТВУЙ, ИРА!

Наконец-то получил от тебя письмо. Я думал, ты и писать-то больше мне не будешь – так я рад твоему письму, хотя ты в нём скупое обо всём пишешь. Я ждал от тебя тёплое письмо. Я думал, мы забудем об этой ссоре. Не правда ли?

Ира, ты пишешь, что ты поссорилась с Вовкой Новиковым. Интересно, из-за чего? Напиши. Если не напишешь, я спрошу у него. Он мне напишет. Ты мне пишешь, что перестала мне писать письма из-за того, что я переписываюсь с Валей Калининой. Это очень глупо. Она мне первая написала письмо, а я ей только ответил Это долг вежливости. Я думаю, и ты бы так поступила на моём месте. А письмо я ей написал только одно. Я думаю, это нельзя назвать перепиской, как ты это думаешь. Она мне на письмо не ответила, и я ей не пишу. Не в моём стиле писать первому письмо. Я свою дружбу навязывать никому не хочу. Кто это знает, тот меня поймёт. Я так думаю, Ира. Этот вопрос будем считать решенным. Точно?

Служба понемногу движется вперёд. Пиши мне все новости, какие есть, и подробнее. Мне интересно будет читать. И пиши больше. Ясно?

Ира, ты мне пишешь о каком-то Лёне Репецком. А я его, кажется, не знаю. А, может знаю, да забыл. У меня

вообще, фамилии и имена быстро вылетают из головы.

А, в общем, я рад, что он поправился. Напиши, почему ты сейчас живёшь в Шатуре.

Сейчас пишу письмо, а перед письмом лежит записная книжка. Та самая книжка, которую ты с Валею подарили мне на память в день нашей последней встречи. Часто я вспоминаю этот вечер. Интересно, почему хорошее бывает коротким? Этот вечер был коротким, да и я тогда был дурак.

Если встречу хорошие открытки, то обязательно пришлю.

Ира, если ты можешь, то пришли срисовать открытки, про которые ты писала.

Передавай привет незнакомой Вале, своему Брату Боре и сестре. Хорошие у тебя брат и сестра. Ну, вот, кажется, и всё.

Больше писать не о чем. Ира, я тебя очень попрошу прислать мою маленькую фотокарточку, т. к. она у меня одна. А мне, как только здесь сделают фото, так я тебе обязательно пришлю.

Ира, извини, что плохо написал письмо, я очень спешу. Должна понимать – служба.

До свидания. Крепко жму твою лапку. Жду ответ.
АДВИК.

Добавляет Ира...

В письме упоминается Лёня Репецкий. Я написала о нем Адвику, забыв, что они могут быть незнакомы, так как учи-

лись в разных школах.

Это я училась с Лёней в одном классе. Лёня жил в собственном доме, каких на окраине Шатуры было не мало. Дом окружал сад. Изгородь была сделана наподобие плетня (точно не знаю, может быть это был – забор), вертикальные столбы у которого оканчивались в виде заостренных пик, чтобы в сад не лазали мальчишки. С одной стороны дома этот забор проходил почти рядом со стеной дома.

Однажды у них дома забарахлила антенна телевизора. Лёня полез на крышу исправить антенну. Была зима и крыша застекленела и стала скользкой. Лёня не удержался, проехал на ногах до края крыши, а потом упал вниз, да так неудачно. Он упал на один из заостренных вертикальных колов забора.

Последствия были ужасными. Но, к счастью, врачи смогли спасти его жизнь.

Именно об этом случае я и написала Адвику, забыв о том, что они могут быть не знакомы...

В письме упоминается Валюша Калинина. У меня был любимый трюк. Я своих мальчиков, с кем переписывалась – заочно знакомила с кем-нибудь из своих подружек. А, когда у них завязывалось знакомство, и они начинали переписываться, я изображала – ревность...

Это, как в том анекдоте – про лягушку и скорпиона. Помните?

Стал скорпион, который, как известно, не умеет плавать, уговаривать лягушку перенести его на себе на другую сторо-

ну речки.

– Да ты же меня укусишь, – говорит лягушка.

– Да не укушу я тебя!

– Боюсь я тебя – укусишь меня ты!

– Да как же я могу тебя укусить, если ты мне такое доброе дело сделаешь?

– Да не верю я тебе!

Скорпион стал уговаривать лягушку:

– Ну, пожалуйста, милая, хорошая! Клянусь тебе, что не укушу я тебя! Перевези меня, пожалуйста, на ту сторону!

Лягушка уступила, поверила скорпиону, посадила его себе на спину, и перевезла на другую сторону.

Скорпион смертельно укусил лягушку, облизнулся:

– Вот такое я Г.....

На фотографии Виктор Адинцов – крайний справа

ЗДРАВСТВУЙ, ИРОЧКА!

Большое спасибо за письмо. Извини, что задержался с ответом, был в командировке, в Ереване. Сама знаешь, служба!

Я живу по-старому, изменений никаких пока нет. У вас уже наступила зима, выпал снег, а я здесь пока не

вижу зимы, хотя уже идёт декабрь. Только немножко холоднее стало, да на горах выпал снег.

Гражданский на фото не грузин, а русский. Он художник. Я познакомился с ним случайно. Он уже женатый. Она очень хорошая. Когда мы ходим в увольнение, то часто к ним заходим, так как, кроме них у нас никого знакомых нет. А насчёт отпуска, я вот, что скажу: в отпуск я не приеду. Очень хорошо, что ты будешь жить на нашей улице, мне удобно будет тебя провожать до дому, а то приходилось провожать до 1-го магазина. Помнишь?

Ну, а до моего приезда тебя будет провожать кто-нибудь другой. Я это чувствую. Но запомни, что о каждом твоём шаге в городе Шатуре мне будут сообщать. В одной книге я прочитал, что разлука действует на любовь, так же, как ветер на огонь. Сильный ветер тушит маленький огонь, и ещё сильнее раздувает большой. Также и разлука тушит маленькую любовь, и ещё сильнее раздувает большую. Я думаю, это верно.

А цветы, ты, Ира, нарисовала хорошо. Мне они очень понравились, жалко, что их нельзя здесь приколоть на стенку. Здесь такие нежности не допускаются. Я понемногу рисую, только не то, что рисовал на гражданке.

Лакировки здесь имеются. Я тебе их могу выслать. Только не знаю, какие тебе больше нравятся.

Ну, вот, кажется и всё, что я хотел тебе написать.

Передавай привет всем знакомым девушкам.

До свидания. Жду ответ. Крепко жму твою лапку.
АДВИК.

ЗДРАВСТВУЙТЕ ИРИНКА!

Шлю тебе привет из страны, которая называется «лимония чудес и беззакония».

Письмо я твоё получил 8-го ноября, так как меня не было в полку до праздника. Я был в Тбилиси, там мы готовились к параду. И как только приехал с парада, то сразу и получил письмо.

Ира, большое тебе спасибо за открытки, и за рисунки. Цветы ты нарисовала очень хорошо, Когда я показал ребятам, то они очень хвалили рисунок, но некоторые не верили, что девочка может так нарисовать. Я называю тебя девочкой, а не девушкой, так как в моих представлениях ты всё ещё девочка, иной я не могу тебя представить.

Если нам суждено встретиться, то я, наверное, тебя и не узнаю. За три года ты повзрослеешь, и будешь ещё красивее. Наверное, и сейчас за тобой увивается целый табор ребят. Пусть они тебя развлекают до моего приезда. Ты не сердись, это я так пишу. Ира, если можешь, то пришли мне своё фото. Я тебя очень прошу. Я тебе тоже высылаю фото. Правда, я здесь не один. Фотографировались мы в парке около Куры.

А второе фото тоже интересное. Это фуникулёр. Он

расположен на горе. Мы там гуляли и его на память запечатлели.

Напишу немного о себе. Я живу хорошо. Изменений никаких нет. Праздник провёл хорошо. Был в Тбилиси, ходил в цирк. Конечно, было не так весело, как другим. Знакомых никого нет. Ходишь один, даже не с кем поговорить. Ну а как ты там живёшь? Какие у вас изменения, новости? Как ты провела праздник? Пиши обо всём подробнее, т. к. из Шатуры я получаю письма только от родных. А они всегда пишут, что всё хорошо. Связь с В. Н. я потерял. Я даже не знаю где он. Но за него я не беспокоюсь, он мне остаётся другом на всю жизнь.

Но вот, кажется, и всё, что я хотел тебе написать. На этом кончаю.

Извини, что мало написал, я не умею писать длинные письма. Лучше, когда встретимся, то обо всём поговорим, если конечно, ты меня дождёшься. А то ещё возьмёшь, да и выйдешь замуж. Ты, мне, хотя бы об этом напиши. Ну ты не дуйся. Я шучу. Вот и всё. До свидания. Крепко жму твою лапку. Жду ответ.

АДВИК.

ЗДРАВСТВУЙ, ИРИНКА!

ПРИВЕТ ИЗ ДАЛЁКОЙ ГРУЗИИ!

Получил от тебя письмо, которых меня очень

удивило.

Ты мне пишешь, что я переписываюсь с Зиной, и пишу ей всякие нежные слова. Предположим, это верно. Хотя это не совсем так. Но я, ведь, не знаю, какие, может быть, нежные письма ты пишешь своим друзьям, исключая, конечно, меня. И я тебе об этом ничего не говорю.

Ты пишешь, что тебя мои поклонницы не интересуют, а чего же ты об этом пишешь? И прошу тебя взять эти слова назад, и больше не ехидничать. У меня с Зиной товарищеские отношения, а, если ты не веришь, то я в этом убеждать тебя не собираюсь. Я очень рад за тебя, что ты сдала экзамены хорошо. Поздравляю тебя! А насчёт танцев, я вот что тебе скажу. Танцевать можешь, и с кем хочешь, и иметь товарищеские отношения можешь, с кем ты сама пожелаешь. Желаю тебе всегда иметь весёлую компанию и быть весёлой.

Интересно, почему ты не хочешь писать о ссоре с Вале́й? Меня это очень интересует. Очень рад за тебя, что ты играешь на пианино, и тебя – есть кому слушать.

Мне, вместо пианино приходится слушать на маневрах выстрелы из автоматов, пулемётов и из танков. Вот это симфония войны.

Ты знаешь, что сейчас обстановка международная напряжённая, и, может, для того, чтобы ты училась и спала спокойно, мне придётся не спать.

Ты, может быть, прочтя это, скажешь, что это демагогия. Ну, что ж! Ладно, я спорить с этим не буду.

Ты мне пишешь, что пока я не брошу писать

Вале, ты мне писать не будешь. Так ведь? Теперь позволь тебя спросить, на каком основании я не должен с ней переписываться? Почему? Я не понимаю. Переписываться со мной я тебя заставлять не собираюсь. Если ты мне не хочешь писать, можешь не писать. А только как ты сделала, я бы так никогда не сделал. Я по-моему никогда тебе не писал, и не приказывал с кем-нибудь не переписываться. А ты мне такое пишешь. Ну вот, кажется и всё. Извини, что плохо написал. Очень спешу. Надо идти к танку. Ну что ж? Прощай.

АДВИК.

ЗДРАВСТВУЙ, ДОРОГАЯ ИРА!

Шлю тебе свой гвардейский привет. Письмо твоё получил (да не одно, а целых три), за которое сердечно благодарю. Ты не можешь представить себе, как ты меня обрадовала. Ребята на меня смотрят и смеются. Аденцов-то целый пакет получил от девушки! Вот, говорят, везёт парню. Я только никак не пойму, зачем ты прислала мне марки? Писать письма и отсылать я могу без марок.

Здорово ты информирована о моей переписке с Зиной. Но я от тебя и не скрываю, что с ней переписываюсь. Ведь, я тебе ничего не говорю, с кем ты переписку имеешь. А ты, вот меня укоряешь. С Зиной я просто в дружеских отношениях. А насчёт

того, что она мне что-то писала о тебе, и я ей писал о тебе, это всё – враньё. Можешь встретиться с Зиной, и спросить у неё об этом лично. Фото я ей, правда послал, когда сфотографировался в гражданке, т. к. она мне послала тоже своё фото. Переписываюсь я с тобой, с Зиной, с Вовкой Н. и – с родными. Больше ни с кем не переписываюсь. Правда, сегодня написал письмо Вале, потому что она прислала мне письмо, и я своим долгом посчитал ей ответить. В этом я не вижу ничего плохого. Желая тебе сдать все экзамены на отлично, и хорошо погулять каникулы.

Кончились чернила в авторучке, поэтому приходится писать другими. Напиши, из-за чего ты поругалась с Валей. Не забудь. И прошу тебя с ней помириться. По-моему, она девочка не плохая. И брось болтать о том, что ты приезжала в Шатуру из-за меня и пр. Я бы сейчас не прочь с вами встретиться и погулять. Хорошо бы – покататься на лодке летом. Да, летом, я помню, часто катался на лодке. Спасибо за критику на мои картинки. Я, ведь, совсем забыл, что ты тоже умеешь рисовать, и впредь постараюсь завоевать твою похвалу.

Как жалко, что я ни разу не слыхал, как ты играешь на пианино. Я бы сейчас с удовольствием послушал твою игру, а, может быть, кто-то и слушает твою игру. Из Грузии это не видно.

Как ты хорошо помнишь всё то, что я тебе говорил, что у меня есть девочка, за которую я отдам жизнь. Так вот, я тебе для ясности пишу. Такой девочки у меня не

было. Я её просто выдумал для себя. Можешь теперь не беспокоиться.

Большое спасибо тебе за фото. Теперь можно смотреть – на неё, и вспоминать прошлое. Ты очень хорошо вышла на большой фотографии. Есть на что посмотреть. Ты пишешь, что у меня нет ни одной твоей фотокарточки, ты ошибаешься. Помнишь, на танцах я отнял у тебя маленькую фотокарточку. Вот я её и берегу до сих пор. Берегу также и все твои письма. Интересно будет потом их всех перечитывать. Своё фото я тебе вышлю, как сфотографируюсь. Об этом можешь не беспокоиться. Обязательно нарисуй мне что-нибудь.

Передавай привет не знакомой Вале и её другу. Он, ведь, тоже солдат, как и я. Передай этой Вале моё пожелание – хорошо дружить с ним. И, чтобы она не посмела ему изменить, так как я встану тогда на его защиту. Ну, об этом хватит.

Поздравляю тебя с днём рождения, и желаю тебе всего хорошего в твоей жизни. 19-го января, когда тебе сравняется 20 лет, прошу тебя выпить и за меня рюмочку вина. Пей только из той рюмки, из которой пил я, когда ты меня летом угощала. А я здесь выпью за тебя. Извини, что плохо написал, спешил в кино. До свидания. Жду ответа.

АДВИК.

ТЕЛЕГРАММА В ОРЕХОВО – ЗУЕВО ИЗ
РУСТАВИ

ПОЗДРАВЛЯЮ С ДНЁМ РОЖДЕНИЯ ЖЕЛАЮ

СЧАСТЬЯ

АДВИК

ИРА, ЗДРАВСТВУЙ!

Письмо твоё получил, хотя его что-то долго не было, и вот пишу ответ.

Спасибо за поздравление, извини, что я тебя не поздравил с праздником. Я как-то забыл про него.

Живу хорошо. Служба движется. Я очень рад за Вовку К., что он приезжал в отпуск. К сожалению, отсюда у нас не отпускают, так как граница рядом, и мы считаемся заслоном. Так что об этом говорить не будем. Ты пишешь, что памяти у тебя обо мне осталось – это только картинки. А я думаю, что память о человеке живёт не в подарках, какие он дарит, а в сердце.

Ты бы сейчас посмотрела на мои усы, вот бы, наверное, не узнала. Меня сначала все здесь принимали за грузина.

Высылаю тебе моё фото, правда, плохое, я здесь без усов, т. к. сбрил их, а сейчас снова отпустил. В следующем письме вышлю фото хорошее.

Погода у нас отличная. Становится жарко. Недавно купался в реке Кура. Она от нас за два км. Очень сильное здесь течение.

Ира, перед этим письмом ты, наверное, получила другое письмо. Ты меня за него извини. Я долго ждал от тебя письма, не выдержал, и в порядке «гнева» написал

его. Прошу не обижаться.

Фото своё обязательно пришли. Любое. Если будет одинаковое, то вышлю назад. И с ответом прошу не задерживаться. А то обижусь. И прошу, не читай мои письма подругам. Я, ведь, всё знаю, не думай, что я далеко.

А про переписку с Люсей я не писал тебе потому, что боялся, как бы опять не получился казус, как тот, помнишь?

Я очень рад, что она тебе понравилась. Мне тоже. Я, ведь, с плохими не знакомлюсь. А Тоню Шаркову я, наверное, не узнаю. В лицо, может, и знаю, а фамилию первый раз слышу. Не знаю, почему она меня знает? Ты у неё спроси. Ты спрашиваешь, что я буду делать после армии. Я тебе отвечу: УЧИТЬСЯ. И больше ни о чём меня не спрашивай. Хотя я сейчас тоже учусь в политшколе. Ну вот, кажется и всё, что я хотел тебе написать. На этом заканчиваю. Передай привет знакомым. Жму твою лапку. Жду ответ.

АДВИК.

ЗДРАВСТВУЙ, ИРА!

Отвечаю на твоё полученное письмо. Ты, Ира пишешь, что очень рада мои красивым словам, если они соответствуют моим чувствам. Про это я тебе скажу так: я в своей жизни мало говорил красивых слов, а, если сказать по правде, то совсем и не говорил. Поэтому, то,

что я написал тебе, это верно. Твоё дело – верить или не верить. Дружба и Любовь – самые хорошие чувства у человека. И я думаю, что человек в этих случаях никогда не должен кривить душой, а должен говорить только правду. Так как, ложь всё равно откроется, хотя бы на это потребовались и годы. Я не мастер писать. Красивых писем девочкам, и ты можешь осуждать меня за это, но я пишу то, что думаю.

Я со своим другом Володей Н. Был всегда прямым. Хотя сейчас он мне что-то не пишет уже полгода, но он мне останется другом на всю жизнь. И пусть ему Тоня не морочит голову, и замуж за него пусть не думает выходить, если она мне не понравится. В этом случае он больше меня слушает, чем каких-либо девчонок. Извини, Ира, это я так грубо пишу, просто не нахожу слов – по другому выразиться.

За книги тебе спасибо. Кроме справочника, и справочника для поступающих в энерготехникум, мне больше никаких книг не надо, т. к. они у меня есть. А справочник для поступающих в энерготехникум, мне нужен для товарища. А сдавать в другой техникум (я имею ввиду – энерготехникум) мне экзамены не придётся, поэтому я могу ехать в другой город. А где жить, я место всегда найду, причём, знакомые ребята и девчата меня приглашают после армии к ним.

Поздравляю тебя с женским днём 8 марта. Моё поздравление, наверное, запоздает на целую неделю. Но ты меня, наверное, извинишь за это.

Ради такого праздника, я тебя целую. Замечай,

уже второй раз. Ты это записывай. Когда приеду, рассчитаемся.

Ну вот, кажется и всё, что я хотел тебе написать.

Высылаю тебе фото, хотя я там вышел плохо. До свидания. Жду ответ. Крепко жму твою лапку.

АДВИК.

4.06.55 г.

ЗДРАВСТВУЙ, ИРА!

Получил сегодня твоё письмо. Да, ты мне сообщила не приятную новость. Я сначала даже не поверил, что Анечки нет в живых. Но что делать, это может случиться с любым из нас. И на том свете мы будем все.

Мне первый раз приходится слышать о том, что моя знакомая, да ещё такая молодая, умерла. Это даже как-то в голове не уместается.

Ира, я тебя очень прошу, если у тебя только есть Анино фото, прислать его мне. А насчёт любви, ты брось.

Что-то ты всех девочек приписываешь мне, будто они все в меня влюблены. Это слишком много для меня. Ты уж немного оставь другим мальчикам. Ладно.

Ты пишешь, что у вас начались экзамены. Так ты поменьше ходи в кино и на танцы, да – побольше учи уроки. А то, ведь я знаю тебя.

А Володе Н. я завидую. Он всё правильно делает. Будущее всё простит.

Недавно встретил своих знакомых – Славку Комисарова и Генку Колачова. Мы выехали в Авчалы, местечко, недалеко от Тбилиси, а они там служат. Я даже не знал. Ну, мы встретились, поговорили о разном.

Оказывается, в Тбилиси живёт Рябчикова Галя. Ты её знаешь. Помнишь, она мороженым торговала? Она скоро приедет в Шатуру. Передавай привет всем знакомым. На этом кончаю. Жду ответ.

АДВИК.

ЗДРАВСТВУЙ, ИРА!

Наконец, получил твоё письмо. Почти три месяца ты мне не писала, и, наконец, как бы, выполняя неприятную работу, даёшь ответ. Это я вижу по твоему сухому письму, и по адресу на конверте, который написан небрежной рукой, а когда-то ты старательно и разборчиво писала адреса. Я думаю, ты пишешь для того, чтобы отделаться – побыстрей. Неужели у тебя за три месяца не было времени пятнадцать минут для того, чтобы дать знать о себе. Тебе, наверное, надоело писать мне, но, если не хочешь писать, то так прямо и напиши. И я буду переписываться со своим старым проверенным другом, который ещё не забыл меня, и я думаю, не забудет никогда, это с Володе Н. Но об этом хватит, а то ты ещё подумаешь, что я читаю тебе наставление. В общем, поступай, как знаешь.

Поздравляю тебя с окончанием учебного года,

с должностью командира, и с наступающим новым учебным годом. Желаю тебе успехов в учебном году.

Напишу немного и о себе. Жив, здоров, служба понемногу движется вперёд. Почти год прошел. Будут скоро, наверное, сокращать армию и срок службы. Это будет очень хорошо.

Ну, вот и всё, что я хотел тебе написать. Передавай привет Варфоломееву и другим знакомым. Крепко жму твою лапку.

АДВИК.

ЗДРАВСТВУЙ, ИРА!

Получил от тебя сегодня письмо. Признаюсь, это письмо меня сегодня не обрадовало. Постараюсь на него ответить. Сначала отвечаю на твои вопросы.

Это всё верно, что у вас говорят. Я надеюсь, что ты меня поймёшь.

Ира, ты пишешь, что наши дороги расходятся. Спасибо за откровенность. Мы не нужны друг другу. Это я понял из твоего письма. Я думаю, Ира, что мы не должны больше с тобой переписываться. Это будет лучше для тебя и для меня.

Спасибо тебе, Ира, что ты всегда относилась ко мне хорошо. Я получал от тебя только хорошие письма, которые окрашивали мою неприглядную жизнь.

Может быть, Ира, мы с тобой больше никогда не увидимся, но поверь, это в памяти у меня о тебе останется хорошее воспоминание, и, если ты хочешь, я могу остаться для тебя хорошим другом на всю жизнь. Ты, Ира, достойна лучшего счастья в жизни, чего ты не получишь со мной. Я лично для тебя сделал больше плохого, хорошего ты от меня не видела, и я прошу у тебя прощения за все, причинённые тебе неприятности. Я желаю тебе только хорошего в твоей жизни – найти счастье и быть счастливой. Когда мы, может быть,

встретимся, ты многое поймёшь. Я пишу тебе сейчас слишком большое письмо, так как оно может быть моим последним письмом.

Добавляет Ира...

А дальше получилось так, что, вероятно, по ошибке в письмо были вложены два листочка из письма другу Сергею, а конец письма, написанного Ире, поехал в конверте – Серёже. Тем не менее, приведём и часть письма, предназначенного Сергею. Скорее всего, этот трюк использован нарочно, – с целью – донести некоторые мысли не до Серёжи, а до Иры, т. е. до меня...

..... поэтому, Сергей, я считаю этот вопрос решенным. Я не люблю девушек, которые не ценят себя. И переписываться с ней я больше не буду. Своей любовью она мне уже надоела. (Это, конечно, о ком-то другом...).

Ты опять интересуешься про моё отношение к Ире. Я начну сначала. Ты её мало знаешь, или, вернее сказать, совсем не знаешь, т. к. я тебя с ней не знакомил, а только раз показывал в клубе. Потом, помнишь, мы её с подружкой фотографировали около клуба. Я сейчас не могу без смеха это вспомнить, какое это было трудное дело, сфотографировать её так, чтобы она об этом не знала. Это нам удалось. Она об этом до сих пор не знает, и, наверное, никогда не узнает. Труд наш увенчался успехом, получилось замечательное фото.

Ну, я, кажется, отклонился. Ты знаешь, Сергей, что

Ира ко мне относилась хорошо с самого начала нашего знакомства. Плохо, что я не замечал этого раньше, а понял только здесь, проанализировав всё, вплоть до мелочей. Я не отвечал ей в гражданке взаимностью. Это было не честно с моей стороны. В гражданке я этого не понимал. Меня, как ты говорил, всегда окружали девушки, и ты, наверное, думал, что я был счастлив. Ты завидовал, Сергей тому, что я легко так покорял девушек. Выбор, как ты знаешь, был большой, но все они мне нравились тогда, но не сейчас. Сергей, я пишу тебе, как мужчина мужчине, и прошу тебя правильно понять меня.

Как-то ты спросил меня – люблю ли я Иру С. Я ответил тебе, что она мне только нравится. Сейчас бы я ответил тебе наоборот. Боюсь я, Сергей, что у меня с ней получится, как у Евгения Онегина с Татьяной.

Ты не можешь себе представить, какие она мне пишет хорошие письма, Не знаю, может быть, она меня и обманывает, но мне-то пишет, что меня любит, И я ей, кажется, верю. Не знаю, почему, Сергей, но я ей пишу холодные письма. Что-то меня заставляет закрывать свои чувства. Я знаю, что это плохо, но продолжаю делать так. Я чувствую себя, как – подлец, в полном смысле этого слова.

Мне кажется, что я не достоин её любви, что она не будет счастлива со мной.

Конечно, это только моё личное мнение, во многом, конечно, это будет зависеть от Иры. Ты знаешь, какой у меня плохой характер, я, ведь, могу с ней поссориться

из-за какой-нибудь ерунды, и совсем с ней расстаться. Может быть, даже и расстаться со своим счастьем.

Кажется, я это уже и сделал. Ты знаешь, Сергей, я ей про нашу тайну в техникуме ничего не рассказывал, и она до сих пор думает, что меня выгнали из техникума за не сдачу экзаменов. Это думает не только она, но и все, кто не знает правды. А её знают не многие, которые я думаю, ни при каких обстоятельствах никогда не расскажут. Правда, ведь, смешно, человек учился на стипендию, и, вдруг, его выбрасывают из техникума. Зато я горд тем, что моя совесть чиста, что все думают наоборот. Ну и пусть! Теперь ты видишь, что я был прав, говоря тебе, что всё зло на свете из-за женщин. Пусть это будет нашей тайной, покрытой мраком. А техникум можно окончить и после армии, только я буду учиться не в Шатурском, а уеду куда-нибудь. Мне Ира обещала прислать справочник, может быть, выберу и другой техникум. А ехать можно в любой конец Советского Союза. Меня многие девчата приглашают к себе после службы, учиться у них в городе. Ты их, Сергей, многих знаешь, они кончали наш техникум, и сейчас работают в разных городах, но мне ещё пишут, а я, как вежливый джентльмен, им отвечаю и только. Это Л. С. А. М. Н. М. Г И. В. З. и др.

Подожди, Сергей, не завидуй. Меня приглашали не все. Ты не поверишь, кого я сейчас напишу – это Ира С. Но это уж её дело. Напрашиваться я сам никогда не буду. Вместе с твоим письмом, я получил и от неё письмо. Но какое это было письмо! Она пишет, что

наши дороги расходятся. Я ей на это ответил.

Видит Бог, я первого шага не делал к этому разрыву. Раз она так хочет, пусть так и будет. Значит, такая судьба. А я хотел, Сергей, после службы ехать к ней, и учиться там, где она будет. Но это только мечты. Теперь всё кончено. Мы с ней разошлись, это может быть и к лучшему.

Если я не приеду в Шатуру, то тогда ты, Сергей, передашь ей письмо, которое я тебе вышлю и одну вещь, возьмёшь её у нас. Я давно хотел её подарить ей, но никак не решался. Иногда стеснительность бывает не уместной, правда?

Это письмо ты уничтожь, и не вздумай своей сестре показывать.

Адрес мой Нине Н. Не давай, я больше ни с кем переписываться не буду.

До свидания. Жду ответ.

Твой друг – АДВИК.

Поясняет Ира...

В следующем письме упоминается Кавказ. Имеется ввиду то, что в это время я уже окончив техникум, по направлению, как молодой специалист, съездила в Армению, и уже вернулась обратно домой, в Шатуру...

Ещё до этого, Адвик приезжал в Шатуру в отпуск.

Как-то так получилось, что ему удалось взять у меня – мою записную книжечку. А в ней был список фамилий и адресов всех мальчиков, с которыми я вела переписку.

Можно себе представить – каким стрессом обернулась

для него моя записная книжка.

Я теперь не помню – сожалела я об этом или нет. Но в это время Адвик отошел в моей жизни – в прошлые времена.

Возможно, этот случай помог мне оборвать переписку с Адвиком...

25.04.57 г.

ЗДРАВСТВУЙ, ИРЭН!

Получил твоё письмо. С одной стороны я ему очень обрадовался, а с другой нет, т. к. это письмо опять напомнило мне прошлое, которое я стараюсь забыть, и от которого осталась на душе одна горечь. Мне кажется тебе, Ирэн, этого не понять.

Три дня я думал о том, дать тебе ответ или нет. В голову лезли всякие вздорные мысли. Сначала решил не отвечать. Но подумал, что не тактично не ответить даме на письмо, и вот, как видишь, написал ответ.

Это письмо тебе, Ирэн, не понравится. Ну, тем лучше. А, вообще, не читай его дальше, а порви, так как настроение испортится от него.

Не хочешь рвать? Тогда возьми стакан сладкого чая и пей, чтобы смягчить горечь этого письма.

Итак, Ирэн, ты приготовилась читать.

Я рад, Ирэн, что ты уехала от этого Кавквза подальше. Тебе и не зачем было ехать сюда, а работу ты найдёшь себе везде. Если это не тайна, напиши, почему ты уехала. Написал – «напиши», но, если ты прочтёшь

это письмо, то, наверное, не дашь ответ. Это твоё дело.

Ирэн, меня радует и пугает твоё пребывание в Шатуре. Ты опять, как призрак, встаёшь на моей дороге. Я прошу оставить меня в покое, а я постараюсь забыть тебя. В отпуске я хотел тебе всё рассказать, и на этом покончить. Но у меня не хватило смелости.

Ирэн. Ты красивая и добрая девушка, но наряду с этим, ты в трудную минуту можешь бросить любящего тебя человека, и увлечься другим.

Ты – человек общества, и хочешь, чтобы тебя окружали молодые люди. Всё время этого в жизни не будет. Не знаю почему, но я тебя, Ирэн, люблю, может быть, даже за эти недостатки. Видно, сердце не подчиняется разуму человека. Я не буду давать тебе клятву в верности и любви, и говорить, что я без тебя не могу жить (как пишут в прошлых романах).

Наоборот, постараюсь, Ирэн с тобой не встречаться, и забыть тебя, если это будет в моих силах.

Да – на что собственно говоря, тебе моя любовь? Я не ручаюсь, что ради развлечения ты можешь показать это письмо своим подругам и посмеяться. Мне это безразлично.

Что-то уж много я пишу про любовь, тебе, Ирэн, наверное, надоело это читать. Ты получаешь и без этого каждый день десятки пылких писем.

А, если никто не пишешь, то я высылаю тебе для этого список адресов, по которым ты можешь писать письма, и давать им клятву в своей любви, т. е. дурачить людей. Это только заполнит твоё свободное время,

которого у тебя, наверное, сейчас не так уж и много. С тобой иметь переписку каждый будет считать за честь. А там, глядишь, Ирэн, и найдёшь жениха, который сумеет тебе обеспечить красивую жизнь, которая будет состоять из одних праздников. Или подвернётся – подлец, который может позариться на твою будущую квартиру и обеспеченность в жизни. В обоих случаях, желаю тебе, Ирэн, найти своё счастье. А что на меня рассчитывать? Я человек, который ещё в жизни не нашел своего места, и папа, насколько я знаю – не миллионер. ДА, притом, как ты видишь из писем, я человек очень грубый, не умею танцевать, и презираю женщин.

А как я тебе, Ирэн, верил! Но, оказывается, любви на свете чистой и прекрасной – нет. Это может быть только в кино, а в жизни всё выглядит сложнее. Я думал, что, если любишь человека, то на всю жизнь, и ничто не может помешать этой любви.

А сейчас я разочарован. Я очень завидую Володе Новикову и Тоне Шарковой.

Пора кончать это письмо, от которого пахнет истерикой.

Да, чуть не забыл тебя, Ирэн, поздравить с праздником 1 МАЯ. Желаю тебе на праздник хорошо повеселиться и натанцеваться. Передавай привет всей вашей компании, Тоне Ш., Борису и бабушке. Вот бабушка у тебя хорошая.

Если хочешь, то пиши. Но знай, Ирэн, что я сейчас мало тебе верю.

Жму твою лапку.

АДВИК.

Р. S. Если можешь, то пришли мне своё последнее фото. Не обижайся за письмо, иначе я не мог писать.

Интересно, как бы ты поступила на моём месте?

1. Приморский Край. г. Ворошилов. В/Ч 19288 «Д». Новикову В. И.

2. Днепропетровская обл. г. Кривой Рог. В/Ч 63223 «Б». Картавых В.

3. г. Красноярск. В/Ч 74394 «В-1». Дмитриеву.

4. Г. Кривой Рог. В/Ч 38714 «М». Павлову.

5. г. Кривой Рог. В/Ч 33714 «М» Худову Виктору.

6. Латвийская ССР. Г. Двинск. В/Ч 23582 «Е-1» Новобранцеву.

7. Москва Ж-114. Дерьбенеvская набережная. Дом? кв 12. Кулинич С. Ф.

8. Москва Б-66. Ул. Карла-Маркса 24. МИХМ Погорелому Борису.

9. Москва. Стартовская – 2. МИСИ. Рябчикову В.

10. Москва – 13. 1-ое МАПУ. Подразделение П/П Живчикова. Розову В.

11. г. Минск. Красное урочище ТЭЦ № 3 БЭМ. Мамонтову Б.

12. Москва Ж-28. Б. Вузовский пер. 3/12 МТИ. Борисову И. В.

13. Полевая почта 73679 «Я». Смирнову Г.

14. Ленинградская обл. г. Выборг. П/О Вещево. В/Ч

40442 Точкову Н.

15. К. Ф. ССР. Г. Сортовало. В/Ч 2290 «Р».
Баланенкову Ю.

16. г. Смоленск. Ул. Коммунальная 10. Цветкову А.

17. Североморск. В/Ч 25176. Назарову И.

Кажется, хватит и этих адресов, а то устала рука писать. Какой большой выбор?

Я начинаю тебе завидовать Ирэн. Да, чуть не забыл ещё один адрес написать.

18. Гр. ССР. Г. Рустави. В/Ч 43115 «Д». Аденцову В. М.

Ты, сейчас, Ирэн, наверное, на этот адрес смотришь с презрением. Так ему и надо. Он, ведь, только нервы трепал, и никогда не писал хороших писем. Ты его за это за уши потаскай, авось, он умнее будет, а то этот адресат никак не научится писать сладкие письма девушкам.

Больше Адвику я писем не писала.

Сохранилось случайно два отрывка из недописанных мною писем в Тбилиси, Адвику. Привожу их здесь.

ВИТЯ, МИЛЫЙ, ЗДРАВСТВУЙ!

Ты такое прислал не хорошее письмо. Право, если бы ты был рядом, я надулась бы или обиделась. Но разве можно обижаться сейчас, когда каждое слово, присланное из родных мест, должно овеать тебя

теплотой, воспоминаниями о друзьях, о Шатуре.

Ну как ты мог подумать, милый мальчишка, что мне больше не нужны твои письма, застенчивая улыбка, гвардейские усы, а главное, такие красивые чёрные глаза.

Адвик, милый, больше никогда не думай так. Я тебя никогда не забуду. Дело не в этом. Но мне эти три месяца, действительно некогда было писать. Может быть, конечно, и нашлось бы время, но как-то было всё не до этого.

Ой! Витя! Допишу завтра. Папа ужинать пришёл. Нужно отвлечься...

Этот листок я много позже нашла вложенным в какую-то книгу. Значит я письмо не дописала, и – не отослала...

И ещё один отрывок.

ЗДРАВСТВУЙ, МИЛЫЙ АДВИК!

Спасибо за письмо. Отвечаю без замедления. На меня не похоже. Правда? Интересная у тебя служба. То в Тбилиси был на празднике, то в Ереване в командировке. Интересно, правда.

У нас сейчас стоят морозы до 30 градусов. Да ещё с ветром. Очень холодно. Напишу тебе последние Шатурские новости, хотя тебе о них уже, наверное, писали, так как агентура твоя, по твоим словам – работает хорошо, раз каждый шаг мой будет тебе

известен.

Кстати, в Шатуре я бываю редко. Да к тому же, всё время остаюсь верна своей политике – лучше нравиться многим, но не дружить ни с кем до тех пор, пока не полюблю по настоящему.

Я до сих пор ещё не любила никого. Любишь, помоему, это когда за человека без колебания можно пожертвовать всем, всем, даже жизнью.

Ты пишешь, что в разлуке любовь проверяется. Но мы, ведь, только друзья, не больше. Товарищей у меня – очень много, но друг, говорю тебе от чистого сердца – один. И этим другом я считаю тебя. Я ценю нашу дружбу, потому что она чистая, настоящая дружба, основанная на товарищеских отношениях, без всяких там свиданий, интриг и поцелуев. Так что, в наших отношениях разлука не может быть судьёй. Расстались мы друзьями, встретимся ещё лучшими.

А любовь? Да ты и сам ещё хорошо не знаешь, что такое любовь.

Ну вот, отвлеклась от мысли. Итак, о последней Шатурской новости, которая вызвала сенсацию. Ты, конечно, хорошо знаешь, а, может быть, тебе уже писали о страшной смерти Маргариты Петряевой. Ты же её должен очень хорошо знать. Если не знаешь, могу напомнить. Она – местная знаменитость. Много лет выступает на сцене, ведёт концерты, читает прозу и стихи. Наверное, ты помнишь, она часто выступала на сцене с отрывком из Данко Горького. Когда он вырывает из груди сердце... Помнишь?

Её мужа недавно выпустили из сумасшедшего дома под расписку матери. Мать его уговорила Риту вернуться опять жить к нему. Однажды мать с отцом ушли в кино. Рита с мужем решали задачу. Заспорили. Ему волноваться нельзя. Они продолжают спорить. Он хватается попавший под руку утюг, и ударяет её по голове. Она бросилась к двери. Он догнал её и стукнул ещё раз. Она потеряла сознание, и упала на пол. Он наклоняется, слушает сердце. Сердце бьётся... Он вырезает ей грудь, вынимает сердце, оно продолжает биться у него на руке. Он аккуратно вкладывает его обратно. Убирает кровь, грязь, нож, утюг, одевается и уходит на улицу, подышать свежим воздухом. Наверное, у него в голове что-то «заклинило». А образ Риты у него ассоциировался с тем, что она читала на сцене. Может быть, она дома репетировала не раз при нём этот отрывок, и он врезался в его сознание?

В это время возвращаются родители из кино, встречают его на улице и спрашивают его – «Что делает Маргарита?». Убийца спокойно отвечает – «Я её убил». Его забрали неизвестно куда, а матери сказали, чтобы она больше не считала, что у неё есть сын. Хоронил её весь город. Гроб стоял в клубе Нариманова.

Вот и нет больше нашей любимицы – артистки Маргариты Петряевой. Она, ведь, выступала в Шатуре на сцене с 7 – и лет.

Это письмо ты получишь как раз к новому году. Извини, что так небрежно написала письмо, т. к. пишу на лекции по строительным машинам. Сейчас

такое горячее время – зачёты, курсовые, семестровые задания. С 12-го января – экзамены. Готовится балл-маскарад. Помнишь, ведь, мы с тобой познакомились на балл – маскараде.

Что же тебе пожелать в этом году – новом 1956-ом году? Это будет високосный год. По народным приметам високосный год – год несчастий. Я тебе желаю, чтобы не только несчастий, но и даже маленьких недоразумений и неудач, не было и в помине. Будь всегда бодрым, здоровым, счастливым, правдивым.

Пусть исполнятся все твои самые заветные мечты.

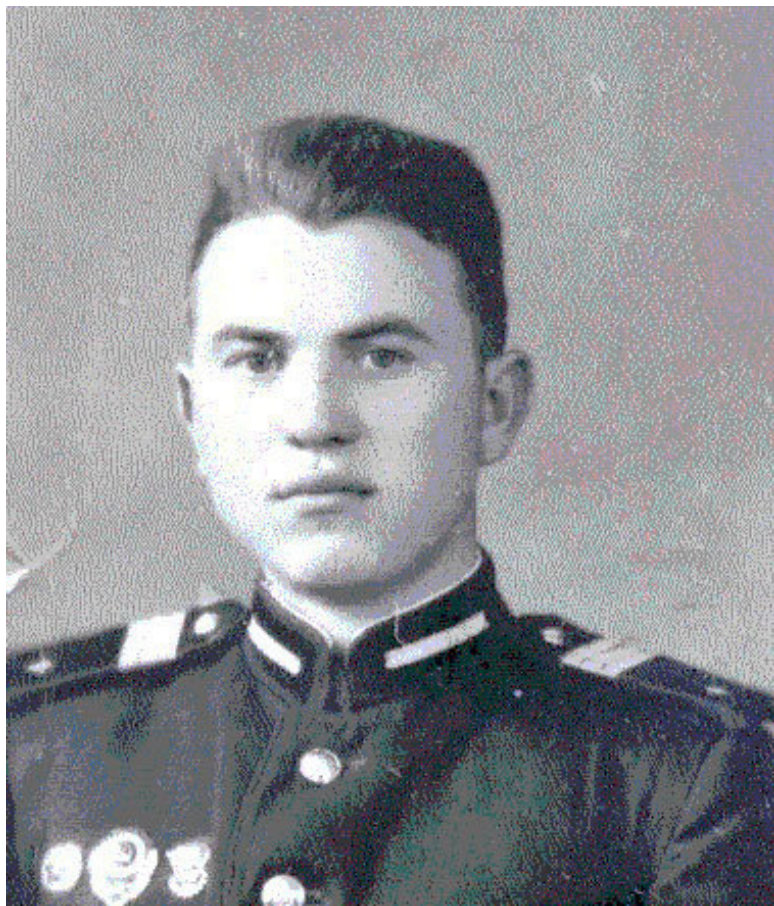
Письмо не дописано, видимо я его где-то положила, а потом забыла о нем...

Вот такие письма писала я в армию своим милым мальчикам...

А случай с Маргаритой Петряевой – реальный. Она была старше меня. Мы с ней часто встречались, так как занимались вместе в драмкружке, в клубе им. Нариманова. И я и – она на каждом концерте художественной самодеятельности выступали с художественным чтением. Я – больше читала стихи, а она, кроме стихов и прозы – часто вела концерты...

Этот случай потряс своей жестокостью весь город...

Часть 34
Володя Картавых

На фотографии – Володя Картавых

ПИСЬМА ОТ ВОЛОДИ КАРТАВЫХ

Письмо в Шатуру от Володи Картавых из Кривого Рога –
«г. Кривой Рог. В/Ч 63223 «Б»».

10.04.54 г.

ПРИВЕТ ИЗ КРИВОГО РОГА!!!

ЗДРАВСТВУЙ, ИРА!!!

С гвардейским приветом к тебе – Владимир. Во – первых, я тебе сообщаю, что письмо я твоё получил, за которое большое спасибо. Во – вторых, желаю тебе отличного успеха в учёбе.

Ира, опишу немного о себе. Праздник Великого Октября провёл не плохо. Ходили в город на демонстрацию. Город мне понравился. В нём много молодёжи. Правда, в город нас сейчас не пускают, и, вероятно, долго не пустят. Ну, ничего. А вообще, всё хорошо, хотя праздник я справлял совсем в иных условиях, чем дома (должна сама понимать). Но об этом хватит. Забыл написать. Что меня вчера

зачислили в артиллерию, но прыгать с парашютом будем обязательно. Вероятно, направят в полковую школу учиться.

Ира, ты пишешь, чтобы я выслал тебе свою фотографию. Я здесь фотографировался 4 раза, и по разному. Высылаю тебе своё фото. Правда, я вышел там не важно, но всё же это фотография. А вас прошу прислать мне свои фотографии. Ты пишешь мне о моей переписке с друзьями. Конечно, я переписываюсь со многими, но Капе я ещё не писал, а только об этом думал. Но, вероятно, сегодня или завтра ей напишу.

Ира, ты пишешь о моих новых товарищах. Нас сюда приехало 6 человек Шатурских, так что здесь нам не особо-то скучно. Но в артиллерию нас попало только трое. Ты пишешь, что в Шатуре стало скучно. Это и естественно, так как всех ребят почти, забрали и забирают. Варфоломеев также получит от меня письмо. Кстати, ты пишешь от лица Стасика, который спрашивает адрес какого-то Миши. Ты напиши мне фамилию Миши, а я постараюсь дать ответ на вопрос Стасика.

Ира, опиши, как ты проводишь свободное время и где, как провела праздник 37-ой годовщины Великого Октября, какая у вас стоит погода? А у нас погода стоит тёплая. Передай привет Вале и Стасику, которому я вскоре пришлю письмо. Ну, а больше писать нечего. Жму крепко правую руку. Жду ответа, как соловей лета. До свидания.

Мой адрес: – «Днепропетровская область. Г. Кривой

Рог. Почтамт, В/Ч 93680 «Д» КАРТАВЫХ В. В.

Пиши только по этому адресу. Жду фото.

29.10.54 г.

ПРИВЕТ ИЗ КРИВОГО РОГА!

ЗДРАВСТВУЙ ИРИНА!

(по Батюшке не знаю).

С гвардейским приветом к тебе – Владимир.

Ира, сообщаю тебе некоторые обстоятельства, при которых я так быстро оказался в рядах Советской Армии. Я же тебе говорил, что меня возьмут в армию после 37-ой годовщины Великого Октября, но неожиданно, 21 октября, в 4 часа дня, меня вызвали в военкомат, и вручили повестку на 23 октября, т. е. дали повестку за несколько часов. Но дали повестку не в войска морской авиации (как после выяснилось), а в десантные. Таким образом, я буду десанником. Правда, нас ещё не распределили по частям, (может быть, буду лётчиком), но всё же, не морской авиатор. Но, об этом хватит. Опишу немного о своей, как говорится, новой жизни. Приехали мы 26 октября вечером. Находимся сейчас в карантине, который продлится недели две, но время проходит весело, скучать не приходится. А прошло всего три дня.

Большого я написать по этой части не могу.

Ира, напиши о своей учёбе, жизни. Как собираешься отпраздновать 37-ую годовщину Великого Октября? Что новенького произошло в твоей жизни? Пиши всё, и не стесняйся. Больше писать нечего. Жму крепко руку. Жду ответа, как соловей лета.

Передай привет Вале.

ВЛАДИМИР. Мой адрес: Днепропетровская область. Г. Кривой Рог. В/Ч 93680 «А-5».

8.12.54 г.

Привет из города – Кривой Рог!!!

Здравствуй, Ира!

С горячим курсантским приветом, и массой наилучших пожеланий в твоей жизни – Вова!

В первых строках своего письма сообщаю, что письмо я твоё получил, за которое тебе сердечное спасибо. Как только получил письмо, так тут же даю ответ.

Из твоего письма я узнал, что письма, которые тебе отослал, не дошли. Жаль! А, ведь, в этих письмах, которые я тебе отослал 20.11. и 24.11., были фотографии, где я был снят со своими близкими товарищами из Шатуры, и где был один.

От тебя я последнее письмо получил 20.11., и

вечером же дал ответ с фотографией. А 24.11., когда мне пришли другие фотографии, то я, не дожидаясь твоего ответа, написал письмо, и опять выслал фотографию. Ты те письма должна как-нибудь разыскать.

О фотографиях хватит, заболтался с ними. Ира, ты пишешь о Викторе Аденцове. Он находится в 25 км. от Тбилиси, в г. Рустави, но адреса я его не знаю, а только вот эти, не полные данные. Кроме того ты пишешь о переезде в Шатуру с семьёй. Это, конечно, хорошо, и давно пора сделать бы это. Я, конечно, шучу, ведь это не зависело от тебя. Но, интересно, на какую же улицу переезжаешь?

Всего несколько слов о своей курсантской жизни. Нахожусь я в полковой школе. Здесь уже веселее, чем там. Правда, здесь нет гитары, а для меня уже минус, но мы решили купить всем взводом, и, вероятно, недели через полторы обязательно купим.

Время свободного стало меньше, т. к. с 1-го декабря здесь начался учебный год.

А в основном, всё хорошо. Погода стоит сейчас тёплая. Сегодня и вчера шли дожди. Больше о себе писать нечего. Передавай привет Вале (знакомой. Вернее, малознакомой), и Вале не знакомой, и тоже Стасику, но письмо от него ещё не получил. Спешу. Писать больше нечего. Жду ответ. До свидания.

Мой адрес: – «Днепропетровская область. Г. Кривой Рог.

Почтамт. Войсковая часть 63223 «Б2

Извини, что посылаю письмо без конверта, т. к. конверты у меня кончились.

20.12.54 г.

ПРИВЕТ ИЗ КРИВОГО РОГА!!!

ЗДРАВСТВУЙ, ИРИНА!!!

Шлю я тебе свой пламенный курсантский привет, и массу наилучших пожеланий в твоей жизни.

В первых строках своего письма сообщаю, что письмо твоё получил, за которое большое спасибо, а особенно за фотографии, которые я и ожидал.

Ира, ты просишь меня, если можно, чтобы я выслал тебе фотографии, которые не получила. Но дело в том, что выслать тебе я их не могу, потому что их у меня больше нет, так как я всё разослал. Но я тебе вышло позже, когда сфотографируюсь, а сфотографируюсь, наверное, в воскресенье. За мной дело не встанет.

Ты мне написала, чтобы я тебе описал кое-что о Кривом Роге.

Я тебе уже писал в первом письме, когда ходил в город на демонстрацию, что он мне в основном понравился., но я же весь его досконально не знаю, так что большего о нём сказать не могу.

В прошлое воскресенье ходили в город на концерт

ансамбля песни и пляски Советской Армии Киевского военного округа. Концерт мне понравился.

Вчера у нас были выборы в народные судьи УССР, и опять мы ходили в город. Ты пишешь, чтобы я написал тебе о сроке учёбы в полковой школе, и кем я оттуда выйду?

Об этом я тебе ничего точного написать не могу, так как отсюда можно идти в училище. А не полные данные о Витьке Аденцове я узнал от Вовки Новикова, т. е. то, что я тебе написал в прошлом письме, а больше не знаю.

Ира, то, что ты вспоминаешь в письме, я не однажды вспоминал, и приходится вспоминать, так как здесь этого нет, и не должно быть. Думаю, что тебе это ясно без лишних слов.

У вас работают катки, лишь только – катайся на доброе здоровье. А здесь! Здесь снег-то, как только выпадает, так тут же и тает (я имею в виду то, что тает он через несколько дней). Так что, о коньках здесь и мечтать нечего, а хотя бы и было где кататься, то всё равно этим спортом нельзя было заниматься. А ведь на катке я проводил все зимние вечера, какая бы погода не была. А Новый Год! Сколько веселья было на бал – маскараде! И об этом здесь можно только вспоминать. Думаю, тыходишь в моё положение.

Свободного времени стало очень и очень мало, так что, лишним заниматься не приходится.

Насчёт Капы, я уже в тех письмах писал, что адрес её написал машинально, и письмо, вероятно, она не получила, и не должна получить. Но адрес её я скоро

узнаю. Но об этом хватит, а то я слишком далеко. Ира, благодарю тебя за то, что ты хотела мне выслать почтовый набор. Конвертов у нас в магазине нет, но вчера в городе я купил их – 50 штук, да мама прислала 20 штук, так что мне пока хватит их. Кажется, больше и писать нечего, да и время почти всё вышло.

Передавай привет Стасику, Вале Калининой и Вале (незнакомке).

Жду ответа, как соловей лета.

До скорого свидания. ВОЛОДЯ.

Жду фото.

2.01.55 г.

ПРИВЕТ ИЗ города «КРИВОЙ РОГ»!!!

ЗДРАВСТВУЙ, ИРА!!!!

С новогодним курсантским приветом и массой наилучших пожеланий в твоей жизни – Вова!!! Желая тебе в 1955 году отличной учёбы. Письмо твоё я получил вчера, но в тот же день ответ дать не мог, так как не было лишней ни одной минуты, хотя был и праздник. Но встретить Новый Год мне всё же пришлось, хотя не под ёлкой в помещении, а на свежем воздухе Т. е. на улице, притом, как говорится, пришлось быть и под хмельком. Правда, немного, но

сколько мне удалось, больше здесь и не нужно. Это уже второй праздник, который я встречаю в рядах Советской Армии.

Итак, первый день Нового Года прошел. А сегодня уже начался и заканчивается 2-ой.

Днём сегодня ходили в Криворожский драматический театр имени Т. Г. Шевченко. Очень хороший театр. Был спектакль: – «Тайна чёрного озера». Хороший спектакль, декорации изумительные. Такой декорации я ещё не видел и не представлял. Между прочим, этот театр считается лучшим на Украине. Да, и погода была к удивлению – новогодняя.

Ира, пиши, как ты провела Новый Год и где? Как обстоят у тебя дела с зачётами? Была ли на балл-маскараде и т. д. и т. п.

Ира, тебя смущают слова – «До скорого свидания». Конечно, написал я их машинально, так как приехать домой не возможно.

Больше и писать нечего. Передавай всем знакомым от меня привет.

Жду ответа, как соловей лета.

До свидания. ВЛАДИМИР. 2.01.55 г.

Г. Кривой Рог.

5.02.55 г.

ПРИВЕТ ИЗ города – «КРИВОЙ РОГ»!!!

ЗДРАВСТВУЙ, ИРА!!!

С горячим курсантским приветом к тебе – Владимир!

Ира, я тебе послал письмо ещё в первой декаде января месяца, но ответа ещё не получил, а по какой причине, не знаю. И вот, не дождавшись ответа, пишу тебе второе письмо в 1955-ом году.

Опишу коротко свою жизнь за прошедший месяц. Как я тебе уже писал, Новый Год я провёл нормально, лучше, чем праздник 7-го ноября. 2-го января ходили в Криворожский русский драматический театр им. Т. Г. Шевченко, на спектакль – «Тайна чёрного озера». Театр очень большой и красивый, а ещё лучше, это декорации спектакля.

7-го января совершили первые прыжки дневные, а 26-го января совершили уже ночные прыжки. В прошлую неделю ходили в город, в кинотеатр м. В. И. Ленина на кинофильм: – «Фан-Фан тюльпан». Театр тоже красивый. Перед началом киносеанса играл духовой оркестр. Завтра пойдём на новый спектакль – «Годы странствий». И насчёт этого у нас хорошо. Ведь, мы каждую субботу, и каждое воскресенье смотрим кинофильмы. Я думаю, что вам и то с учёбой не

приходится ходить в кинотеатры или клубы два раза в неделю. И в воскресенье время проходит хорошо, только танцуй. Вот и сейчас, я пишу письмо, а кругом звучит музыка. Настроение бодрое и весёлое, да и погода благоприятствует этому, т. к. мы и не представляем сейчас, что зима. Здесь сейчас так тепло, как будто мы в Крыму. Кажется, всё написал о себе. Да и почти писать нечего было.

Ира, напиши, как провела Новый Год и где? Ходила ли на каток? Частенько ли бываешь в Шатуре? Видела ли Виктора Варфоломеева? Безусловно, если знаешь, напиши. Как он сдал, и его адрес местожительства (я имею ввиду его местожительство в Москве). Какая стоит у вас погода? И т. д. и т. п. . .

Писать кончаю, да и больше нечего писать. Жду скорого ответа.

До свидания. ВЛАДИМИР. 5.02.55 г.

Г. Кривой Рог.

02.55 г.

ПРИВЕТ ИЗ города «КРИВОЙ РОГ»!!!

ЗДРАВСТВУЙ, ИРИНКА!!!

Шлю я тебе свой пламенный привет. Сегодня получил твоё письмо, за которое большое спасибо. Я его давно ждал, но вспомнив, что у вас каникулы, на

время перестал ждать. Ира, ты пишешь, что я не ответил тебе на твоё последнее письмо. Дело в том, что от тебя я получил последнее письмо в начале января, дал тут же ответ, но от тебя больше не получал. Я ещё написал письмо, но от тебя опять не было ответа. И последний раз я уже написал 5-го февраля, и ты, вероятно, его ещё не получила. Может быть, ты и писала, но я не получаю от тебя писем.

Причины этого я не могу сказать, так как сам не знаю. А вообще, я на все письма даю ответы. Больше об этом писать нечего. Ира, как твой Виктор Ванин, которому дала адрес? Что-то фамилия знакомая, но не знаю, про того ты говоришь, кого я подразумеваю, или нет. Пропиши подробнее, как провела каникулы, вечер студентов, часто ли ходила на каток и т. д. и т. п. Почему вечер студентов прошел хуже, чем в прошлом году? Передавай привет знакомым. Жду скорого ответа.

До свидания. ВЛАДИМИР. 15.02.55 г.

Г. Кривой Рог.

Извини, что мало написал. Спешил, т. к. писал на политзанятиях.

6.03.55 г.

ПРИВЕТ ИЗ города – «КРИВОЙ РОГ»!!!

ЗДРАВСТВУЙ, ИРА!

Шлю я тебе свой пламенный горячий привет. Во – первых, поздравляю тебя с наступающим праздником – Международным женским днём 8 МАРТА, во вторых, письмо от тебя сегодня получил, за которое большое спасибо, а особенно – за фотокарточку. Я бы и тебе выслал сегодня фото, но не пришел фотограф. В следующем письме обязательно пришлю. Можешь надеяться. Сейчас только что пришли из кинотеатра, где просмотрели новый художественный фильм: «Кто смеётся последний». А вчера получил от Капы письмо. Письмо было очень интересное. Правда, о вечере студентов она не написала ни слова, потому что думала, что мне он описан тобой. Но от тебя я получил письмо сегодня., где ты мне в нескольких словах описала его. Но плохо то, что провела ты его не особо хорошо. Жаль, меня там не было. Ты пишешь о каком-то Викторе Рябчикове, но я его не знал лично, а, если знаю, то не представляю его себе.

Ира, Виктор Варфаломеев прислал тебе письмо, где описывал мою жизнь, весёлую жизнь курсанта, как видно из твоего письма, а я тебя, якобы мало её описываю.

Ира, по совести сказать, я и не знаю, что писать больше о себе, о чём расписывать. В увольнение пускать будут только на следующей неделе. Во – вторых, опять состоятся прыжки. Писать нечего. Жду скорого ответа. А пока до свидания.

ВЛАДИМИР. 6.03.55 г.

Г. КРИВОЙ РОГ.
20.03.55 г.

ПРИВЕТ С УКРАИНЫ!!!

ЗДРАВСТВУЙ, ИРИНКА!!!

С пламенным сердечным приветом – Владимир! Сообщаю, что письмо твоё получил вчера, а писать начал в воскресенье, лишь потому, что не было лишней минуты, да и потому что я хотел выслать тебе своё фото, так как фотограф приходит только в воскресенье, а он не пришел и в это воскресенье. Мне, конечно, не удобно обнадёживать тебя, так как я обещал тебе выслать со следующим письмом. Но это от меня не зависит. Придётся тебе в этот раз послать пустое письмо.

Ира, насчёт прыжков скажу только то, что перед каждым прыжком всё же волнуешься. Это и понятно. Когда прыгали с аэростата, то это немного проще, чем с самолёта. А с самолёта это более сложный прыжок, но интереснее прыгать с самолёта, чем с аэростата.

А как хорошо обозревать сверху окружающее пространство! И не хочется спускаться вниз. Такое удовольствие может не всякий испытать.

Ира, немного опишу и об отпуске. Дело в том, что в отпуск можно приехать не обязательно через год, но и раньше, если его заслужишь. Можно бы съездить и в самое ближайшее время, т. е. в мае месяце с условием, если все экзамены сдать на одни пятёрки. Учусь я хорошо, но сдавать всё же не так-то просто, т. к. из-за каждой мелочи снижается бал. А экзамены будут через месяц. Отдам все силы, чтобы заслужить его и прибыть в Шатуру. Об этом хватит.

Я хотел спросить, что случилось с Лёней Репецким, а то я не понимаю твои строчки о нём.

О свободном времени скажу лишь то, что его у нас и нет, кроме воскресенья, да и субботы. Ведь и сейчас пойдём в театр на комедию «Домовой», и опять целый день пролетит. Скоро май, лучший месяц времён года! Как хорошо бы отпраздновать его дома! Но это, конечно, зависит от меня. А я постараюсь.

Кажется, больше и писать нечего. Передавай привет Вале. А пока до свидания. Жду скорого ответа.

ВЛАДИМИР, 20.03.55 г.

Г. Кривой Рог.

17.05.55 г.

ПРИВЕТ С УКРАИНЫ

ЗДРАВСТВУЙ, ИРИНКА!

С пламенным приветом – Вова! Правда, с ответом я задержался, так как свободного времени совсем не было. Вот уже прошло два воскресенья, но они у нас были они рабочими днями, и написать быстрее я не мог.

А сегодня у нас большой праздник. Вот я и решил использовать это время.

Из Шатуры выехал 5 мая, и целый день ходил по Москве. Ходил там и в кинотеатр «Заря», на кино-фильм: «Укротительница тигров». Картина понравилась. Но уже, отъезжая из Москвы, настроение совсем упало, так как дни моей вольной жизни в гражданке кончились. Теперь началась опять военная жизнь, упорная учёба.

В июне месяце опять у нас будет проверка. Вообще летом придётся много потрудиться, и больше, чем зимой. Погода стоит очень жаркая. Я, как приехал в лагерь, так сразу же и загорел в первый день, но так сильно, что через два дня у меня слезла вся кожа. А сейчас опять её «поджарил».

Иринка, зачем тебе нужно фото? Ведь, я только что приехал из Шатуры, и ты «кажется» видела меня, а потому старые фотографии тебе будут не интересны.

Больше писать нечего.

Передавай привет всем моим знакомым.

А пока до свидания. Жду скорого ответа.

С КУРСАНТСКИМ ПРИВЕТОМ – ВОВА. 17.05.55 г.

4.09.55 г. Во – первых, ИРА, ЗДРАВСТВУЙ, а во – вторых, с большим приветом и массой наилучших пожеланий в твоей жизни. Говоря по совести, письма от тебя сегодня не ожидал. Но, видишь, всё получается наоборот. Это, конечно, не плохо (только не всегда). Кратко опишу свою армейскую жизнь за прошедшие 4 месяца, в течение которых мы не переписывались друг с другом, хотя всё было за тобой, так как на твоё письмо я ответил, но ответ получил только сегодня. А пословица гласит – «Лучше поздно, чем никогда». Этому принципу мы и будем придерживаться.

Прыгать – прыгал. Снимались в кинофильме – «Максим Перепелица». Был под Киевом на соревнованиях. Всего в 35 км. от него. Там могли заработать отпуск, но не хватило единицы. Был и в колхозе, откуда приехали 30-го августа, пробыв там 15 дней. Поработали честно, за что и получили благодарность. Эти 15 дней мы чувствовали себя так вольно, как на гражданке. Девчат было много. Повеселились, погуляли хорошо. Всевозможных фруктов, арбузов порубали – сколько хочется. Не мешало бы там побыть ещё месяц. Месяца через полтора уезжаем на зимние квартиры. Там же произойдёт и выпуск. А сейчас готовимся к

инспекторской проверке.

Хочу купить себе часы, но их здесь трудно достать. Придётся деньги выслать домой, чтобы купили.

В данный момент всё хорошо. Единственное – то, что случилось с моим товарищем несчастье (ты, вероятно, об этом знаешь, так как прошло уже почти два месяца). Разбился планер, где погибли 5 человек, а он чудом остался жив, лишь сломал ногу выше колена, да ещё мелкие травмы. С ним свершилось просто чудо. Сейчас уже поправляется. Но прыгать он уже не годен, о чём, конечно, сожалеет.

В училище у нас уже уехали ребята. Я не пожелал.

А на будущий год думаю сдать экзамен на офицера запаса и демобилизоваться на год раньше срока.

Ребята сегодня опять уехали в колхоз, но только на один день.

Лето было очень жаркое. Загорели хорошо. Сейчас смотрим кинофильмы ежедневно. Завтра будет эстрадный концерт с участием Антонины Луганской.

Больше писать о себе нечего. Как писал до этого мало, так это положение и не изменяется.

Ириночка, больше нужно писать о своей жизни, и обо всём другом интересном. Ведь у вас жизнь куда разнообразнее, чем у нас, следовательно, и писать есть всегда о чём. Мне самому хочется писать интереснее, и такие письма, чтобы у человека душа радовалась, сердце билось чаще, чтобы они читались с любовью. Но я, ведь, не поет, и не писатель, и красивых фраз составлять не умею, а поэтому пишу, как могу. Но,

конечно, дело не в красивых словах.

Ребята у вас уже, наверное, разъехались по местам. А кого нужно, направляют в армию. Может, в этом году пришлют нам земляков. Когда же в техникумах начинается учёба?

Писать кончаю. Пиши мне по адресу: – «Днепропетровская область, г. Кривой Рог, почтамт, войсковая часть 63223 – Б».

Я не знаю, почему ты мне прислала на старый адрес. Вероятно, новый забыла или потеряла. Ну, не важно.

Передавай привет знакомым. Жду ответ.

Всего хорошего – ВЛАДИМИР. 4.09.55 г.

Г. Кривой Рог.

22.10.55 г.

С ПРЕДПРАЗДНИЧНЫМ ПРИВЕТОМ И МАССОЙ НАИЛУЧШИХ ПОЖЕЛАНИЙ – ВЛАДИМИР!!!

Сегодня, в годовщину своего пребывания в Советской Армии, я получил твоё письмо. За которое большое спасибо. Ответа от тебя не было почти что полтора месяца, но хорошо то, что всё же написала. Опишу коротко о себе. Жизнь протекает нормально, учёба тоже. На следующей неделе будем сдавать экзамены, но это уже будет на зимних квартирах. А пока живём в лагере. Погода стоит нормальная, правда. Утром немного холодновато, но днём тепло. Дождей не

было, но вчера лил такой дождь. Что и выходить никуда не хотелось.

В прошлое воскресенье у нас проходили спортивные состязания, за которые выдавали призы. Но в другом полку было интереснее, там проходил конкурс силачей – кто больше раз выжмет 2-х пудовую гирю, тот получает отпуск с поездкой на родину, и его заработали трое. В воскресенье также шел фильм – «Случай с ефрейтором Катковым», который я хотел посмотреть, но неожиданно заступил в наряд. «Урок жизни» мне очень понравился. Женю, который живёт на вашей улице, и с которым произошло несчастье, комиссуют. К Октябрьской должен быть дома. Его ты узнаешь. А насчёт Виктора Варфоломеева, точно сказать не могу., так как об этом он мне ничего не писал. Думаю, что это очередная глупость. Вот-вот должен получить от него письмо, и тогда спрошу. А вообще то, в последнее время происходит что-то невероятное. Меня уже это в основном не удивляет, так как уже видел и знаю кое-что.

О переписке с Каппой могу сказать только то, что ответа от неё нет уже долго, почти месяц, а почему, не знаю.

Интересно, в каких частях служит наш бывший «гвардеец» – Аденцов? Я в отпуску видел у Вовки Н. на фотографии его, но не определил, т. к. он был в зимней форме. Ты, вероятно уже знаешь, что Вовку Новикова взяли в армию. Отгулялся, соколик.

Ира, ты пишешь, что мы делали в колхозе? Да, очень много работали, и хорошо отдыхали.

А пока писать кончаю. Спешу, так как через полторы минуты идём на ужин, а потом в клуб, смотреть кинофильм: – «Пышка».

Передавай привет своим подругам. Надеюсь получить ответ на этот раз без опоздания.

ДО СКОРОГО – ВЛАДИМИР. 22.10.55 г.

Г. Кривой Рог.

13.11.55 г.

ЗДРАВСТВУЙ, ИРИНКА!

**С ПЛАМЕННЫМ
ПРИВЕТОМ – ВЛАДИМИР!**

Спешу дать ответ на твоё письмо. В письме ты меня поздравляешь с праздниками, но с какими? Ведь праздник Великого Октября уже давно прошел, а письмо я получил только вчера. Здесь какое-то недоразумение. Но не в этом дело. Письмо от тебя получил и это очень хорошо. Коротко о себе, о празднике 7-го ноября, и о настоящем. Сам, как и всегда – здоров. Чувствую себя отлично. Говорят все, что я хорошо поправился. И это чувствуется во всём.

Праздник на этот раз прошел скучно. Сходил на демонстрацию, и настроение что-то упало. Даже не пожелал сходить в увольнение. Правда, 8-го ноября ходил в увольнение, но всё равно не то.

13-го числа у нас был выпускной вечер. Кстати, школу я окончил на отлично, и меня оставили в школе, воспитывать курсантов. Так что, адрес остался прежний. После выпуска время проходит весело. Вчера ходил в театр им. Шевченко на вечер молодёжи. И основное то, что были танцы под оркестр, а то ведь я давно не танцевал под оркестр. Вечер прошёл хорошо. Там же нам и показывали спектакль – «Воскресенье в понедельник», а в воскресенье смотрел спектакль – «Мать своих детей», и, как видно по постановке, это по повести: – «Улица младшего сына».

В увольнениях смотрю новые кинофильмы. И так, время проходит хорошо. С завтрашнего дня начинается новый учебный год.

Я уже тебе писал, что двух Шатурян отослали в Морфлот, на юг, да Женя демобилизовался, и нас теперь осталось трое, но дружный коллектив. Кстати, о Жене. С ним ты должна познакомиться, как с моим другом, как с десантником. Это, конечно, в шутку сказано, так как приказывать тебе я не имею права. Ещё вот, что интересно, – какую выбрать из семи, какой же написать? Переписываться – дело хорошее, с незнакомым человеком тоже. Через письма стараешься глубже узнать его душевный мир, его черты, отношение к человеку, взгляды на жизнь и т. д. и т. п. Стараешься разобраться в человеке и именно – чем он дышит. А ещё интереснее, это...

Твоим подружкам постараюсь написать, но не сегодня, так как после обеда иду фотографироваться.

Ну, вот и всё, рассказ короткий, пора в конверты убирать...

Прошу прислать фотографии своих друзей, фамилии которых мне присланы.

А сейчас писать кончаю. Извини, что мало написал, но это же повторяется регулярно. Пиши больше о своей молодой жизни на вольном воздухе.

ДО СВИДАНИЯ – ВЛАДИМИР. 30.11.55 г.

1.01.1956 г.

ИРИНКА, ЗДРАВСТВУЙ!

С ПРИВЕТОМ – ВЛАДИМИР!

Сухо что-то начинается, да это и понятно. Ответы давать не спешим, да и вообще не пишем. Ведь, тише едешь, дальше будешь. Пусть, мол, он подождёт, а мне всё равно. Я ничего не теряю, Будет время, тогда и напишу. В год раз по обещанию, и то хорошо. А такое наплевательское отношение нужно бросить.

Я думаю, что переписываться, так переписываться, и давать ответы регулярно на каждое письмо. Почему то я нахожу время дать ответ на твои письма, хотя оно у меня ограничено, но, чтобы у вас не было времени написать пару слов о себе – это ерунда. Можно написать письмо и в 10-ти минутный перерыв между лекциями, если нет времени дома. Было бы только желание, а его у тебя,

наверное, и нет. Я только так думаю, и никак иначе. Вот и всё, что я хотел тебе коротко написать пока. Я сейчас спешу в кино. Думаю, что задержек с ответами больше не повторится.

С праздником я тебя не поздравляю, так как уже поздно, а поздравления были раньше. Вот и всё. Извини, конечно, за такую резкость, но я высказал всё, что хотел.

Итак, жду ответ.

ДО СВИДАНИЯ – ВЛАДИМИР. 1-ое января 1956 года.

Г. Кривой Рог.

19.01.56 г.

ИРА, ЗДРАВСТВУЙ!

С пламенным приветом, и массой наилучших пожеланий в твоей жизни – Владимир!

Ира, с ответом немного задержался, и это хорошо, так как письмо пришло бы на старое место, а ты теперь находишься в новом общежитии.

Чуть не забыл тебя поздравить с днём рождения. От души желаю всего хорошего в твоей жизни, чтобы ты добилась своего счастья, чтобы будущее твоё было светло и прекрасно.

Ира, большое спасибо и за фото, а я тебе высылаю своё. Правда, меня в этом деле обжали. Я заказывал большое фото, а сделали маленькое. Но ничего. Суть дела не играет.

Ира, твоим подругам я не всем писал, а выбрал Г. Сорокину, которая мне на 2-ое письмо ещё не ответила. Одно написала, а второе, вероятно, не решается. Что за девушка, не знаю, и не представляю, а, если можно, то вышли мне её фото. Напишу несколько слов о себе. Жизнь течёт нормально. Ходим в увольнение, кино, театры. Вечером приходится немного с кем-нибудь потанцевать. На гитаре часто играю, вспоминая прошлое. В воскресенье у нас выступала с художественной самодеятельностью средняя школа. Концерт был очень хороший. Ставили его в основном девяти и десятиклассники. Народ уже взрослый. Погода стоит такая, какая у нас стоит в апреле месяце. Снега, конечно, нет., но грязи сколько угодно. И вообще – то криворожскую зиму не поймёшь. Итак, всё хорошо. На этой неделе должны прыгать.

Ира, а насчёт отпуска скажу только то, что обещали дать в январе, а пока ещё нахожусь здесь Ничего. Ещё увидимся А пока писать кончаю.

Передавай привет своим подругам. Жду скорого ответа.

До свидания. Желая отлично провести зимние каникулы.

19.01.56 г. ВЛАДИМИР.

Володя Картавых

Г. Кривой Рог.

21.02..56 г.

ИРА, ЗДРАВСТВУЙ!

С ГОРЯЧИМ ПРИВЕТОМ – ВЛАДИМИР!

За письмо спасибо, но что-то ты стала долго задерживать ответы. Их так ждёшь, и вдруг приходится разочаровываться. В чём же дело? За фото Гали С. спасибо, я его тебе высылаю обратно, как мы и договорились. А она мне должна прислать на этой неделе. Обещала. А какое пришлёт, я не знаю. Выглядит она не плохо. И откуда она сама родом? В общем, узнаем. Всё ещё впереди.

Ира, почему ты мало написала о вечере студентов, ведь можно было много рассказать интересного о нём, и я бы хотел этого. Именно я и ждал это письмо, потому что не был на нём, но многое бы знал из твоего письма, а вышло так как-то. Ладно, продолжим дальше. Ира, мне просто тебя жаль, что ты не сумела хорошенько, по настоящему провести свои зимние каникулы, которые проходили ежегодно намного лучше, чем в этом году. Но зима в этот раз вас объехала, то есть, заставила весь отдыхающий народ сидеть дома сложа руки, не давая возможности полностью провести свободное время на

свежем воздухе

Вот сейчас и здесь зима такая лютая, что просто невыносимо. Но нас это не страшит. Ясно? Зато летом отгуляете вдвойне, если не больше. Да и это к лучшему.

Немного о себе. Время проходит хорошо, интересно. Художественная самодеятельность, вечера встреч и т. д. и т. п.

Вот в последний раз я был на вечере студентов педагогического института в драматическом театре. Вечер, конечно, был подготовлен хорошо во всех отношениях. Были танцы, аттракционы, конкурс на лучшего певца, чтеца, танцора и т. д. Концерт был большой. Вручались и призы. Поздно вечером, довольные и весёлые, мы возвращались в часть.

А вот завтра опять будем смотреть художественную самодеятельность дома культуры. 23-го февраля мы ставим концерт в городском кинотеатре. Одно отделение ставят гражданские, а другое – мы. Должно получиться очень интересно. Но ещё увидим.

Ну вот и всё, что я хотел тебе написать. Пиши письма чаще и интереснее, а то, как будто тебе и нечего писать. Ведь, сейчас у тебя завершающий этап в твоей учёбе. Скоро уже получишь диплом и путёвку в жизнь, где начнёшь самостоятельно работать на благо Родины.

Передавай всем привет. Жду скорого ответа.

21 февраля 1956 г. ВЛАДИМИР.

Г. Кривой Рог.

18.03.56 г.

ПРИВЕТ С УКРАИНЫ!

ИРА, ЗДРАВСТВУЙ!

С горячим пламенным приветом – Владимир! Спасибо за письмо, а то я его так ждал, так ждал, что думать стал не случилось ли чего-нибудь. А так и вышло на самом деле. Жалею, что бола, притом так долго. А я тебя не мог поддержать в трудную минуту. Ну, будь здорова! Чтобы больше этого не случилось. Нужно беречь себя, и следить за собой. Сейчас не время этому, да и вообще не нужно болеть.

Немного о себе. Жизнь протекает нормально. Изменений почти никаких нет. По-прежнему время проходит весело. Вечерами крутим пластинки до потери сознания, а также увлекаемся более интересным делом. На гитаре уже не играл почти месяц. Что-то уже не тянет к ней, а хочется чего-то лучшего и интересного. В увольнение тоже не ходил почти месяц. Погода очень плохая и холодная. Несмотря на то, что март месяц подходит к концу. В прошлом году этого не было. А сейчас у нас холоднее, чем было в январе. Всё равно уже скоро всё оживёт, расцветёт сирень, парки окутаются в зелень, по-настоящему будет греть весеннее солнце. Наступит весна – пора мечтаешь. Только здесь так не помечтаешь.

Сегодня ходил в кинотеатр на фильм – «В один прекрасный день», и хотел сходить сфотографироваться, но что-то прошло так быстро время, что и забыл об этом. Если можно будет сходить, то тогда уже на следующей неделе. Так, всё хорошо.

Адрес Вовки Н. напишу. Он мне уже прислал письмо, и я ему тоже. Так вроде ничего. А другой друг, из Севастополя пишет, что очень скучает по дому. Я уже правда привык.

С девушками переписываюсь. Капа прислала фото. Галинка должна прислать вот-вот новое, а старое, говорит, нет смысла.

Адрес Вовки: – «Приморский край, г. ВОРОШИЛОВ,

В/Ч 19288 «д» Новикову В. И.».

Вот и всё написал. Передавай привет своим подругам. Жду скорого ответа. Пиши обо всём и больше.

До свидания – ВОЛОДЯ.

28.06.56 г.

ПРИВЕТ С УКРАИНЫ!

**ЗДРАВСТВУЙ, ИРА, или теперь
уже ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА!**

С приветом – Владимир.

Пишу письмо, но не знаю, как обращаться на ты, или Вы.

Решил обращаться по старой памяти – на ты.

Итак, начинаем наш разговор на тему дня: что это значит? Мне друг через письмо передал твои слова, которые ты ему сказала. Сначала я не поверил этому, думая, что это просто была описка, но, перечитав второй раз письмо, я понял, что это было то, что я и ожидал. Как же так всё это получилось? Может быть, это было раньше, но только мне ты об этом не писала?

Если это так, то с твоей стороны это было «преступлением», но, если нет, тогда вопрос: – как же это произошло? Я, конечно, не вправе тебя об этом спрашивать, но всё же? А, вообще-то, этот вопрос излишен, да и для меня он теперь ничего не значит.

Ведь, ты уже сделала большой шаг, чтобы перешагнуть порог нового дома, шагнуть в новую жизнь. Да, и, естественно, наша жизнь не стоит на одном месте. Она, словно машина, проходит большой и сложный путь. Много хорошего и плохого встречаешь на своём жизненном пути. Хочется знать больше о ней, и жить лучше, но, чтобы хорошо сложилась эта жизнь, нужно её понять, смотреть на неё обоими глазами, а главное выбрать верного друга (спутника) жизни. С верным другом всегда хорошо.

Да, с каждым днём жизнь становится всё интереснее. Вот я бы хотел тебя попросить... да, впрочем, ладно. Не обязательно всё это. Да, совсем забыл тебя поздравить с таким замечательным событием. Такое случается

только раз в жизни. Желаю тебе только счастья в твоей супружеской деятельности. Ну вот и всё, что хотел тебе я кратко написать. Ты только не пойми это письмо в другом смысле. Я же здесь только написал.

Итак, всё ясно, и небо чистое, как всегда. А пока до свидания.

Если хочешь, напиши. ВОЛОДЯ.

25.04.57 г.

ПРИВЕТ С УКРАИНЫ!

ИРА, ЗДРАВСТВУЙ!

С пламенным гвардейским приветом и массой наилучших пожеланий в твоей жизни – Владимир! Во первых – поздравляю тебя с наступающим праздником 1 Мая, и желаю его провести самым лучшим образом, за всё и всех друзей, и поднять именно первый тост за них.

Во-вторых, что я жив и здоров, т. к. обычно письма писать начинают с этих слов.

Итак, продолжаю дальше. Твоё письмо для меня было сюрпризом, т. к. я его и не ждал, ведь прошло так много времени после последнего моего письма, на которое я так и не дождался ответа. А почему? Должна ответить на этот вопрос, хотя ты в двух словах на него уже ответила. Странно получается, человеку пишут, а он и ответить не желает, а при удобном

случае начинает оправдываться. Искать причину. А почему так получается? Да потому, что мало уделяем внимания своим товарищам, редко вспоминаем их, тем более, если они далеко от дома. А порою, с таким безразличием распечатываем его письмо, читая строчки через одну, думаем совершенно о другом. Не будем указывать пальцем, но кого это касается, тот должен хорошо понять, взвесить.

Ведь, в последнем письме, на которое я так и не дождался ответа, просил фото, но его, как и письма, не оказалось. Да что там и говорить!

Ну, а вообще-то, хватит давать вводную.

О своей жизни, буквально в двух словах, так как сама знаешь, что много о себе не пишу, да и нечего писать. Служба проходит нормально и к концу. Время свободное проходит хорошо, погода тоже хорошая. Сейчас готовимся к празднику.

С друзьями переписываюсь регулярно. Вот и всё о себе.

А пока писать кончаю. Пиши о себе подробнее, и вышли, если есть, фото. Какая у вас собралась компания и как проводишь свободное время? Короче говоря, пиши обо всём: о проведении праздника, о будущем и т. д. и т. п.

Извини, что задержался с ответом, и так плохо накарябал, т. к. свободного времени совершенно не было, и сейчас очень сжато. Осталось всего несколько минут.

Передавай привет знакомым. Жду ответ и фото.
До свидания – ВЛАДИМИР.
25.04.57 г. г. Кривой Рог.

Вот такие письма писал мне Володя Картавых – один из нашей компании Шатурских времен.

Мне только интересно – кто мог написать и сообщить ему о том, что я «прогулялась» замуж...?

Для всех это было большим секретом, кроме очевидцев этой истории – некоторых моих однокурсников. Впрочем, скорее всего этим информатором была – Галочка С., с которой я заочно познакомила Володю, и они начали переписываться...

Ну, что ж! Как говорится – шила в мешке не утаишь...

Часть 35

Борис Погорелов

ПИСЬМА БОРИСА ПОГОРЕЛОВА

Я, рассказывая о своём детстве в Вельяминово вспоминала о том, как я, мой братишка и бабуся в 1948 году ездили к её сестре в Большую Мартыновку.

Там я упоминала об одном мальчике...

«Среди ребят я отметила одного мальчика. Мне он показался красивым. Был он очень правильный. Как и я в школе, он был председателем совета дружины. Ребята его уважали, и как мне показалось, даже слушались. Он мне представлялся героем из повести «Тимур и его команда». У Светки были фотографии многих ребят из школы, и была малюсенькая фотография этого мальчишки – Бориса Погорелова. Фотографию я увезла потом с собой. Может быть, я придумала себе эту «симпатию». Не важно, но какие-то флюиды пробежали между нами.

Вернувшись в Вельяминово, я написала ему письмо. Он ответил. Но встретились мы с ним только в 1953-ьем году, когда он приехал в Москву и поступил учиться в институт. Тогда у нас завязалась длительная переписка. Но это уже от-

носится к событиям 1953-го года...».

Борис Погорелов

Вот таким образом у меня и сохранилась пачка писем от Бориса Погорелова.

Его письма очень отличаются от писем «моих» Шатурских мальчишек. Те были и по сути своей ещё – ребятишками, которые ещё только начинали «оперяться». А Борис с самого детства отличался серьёзностью и рано повзрослел. Это видно и из его писем.

И вообще, если сравнивать письма ребят разных возрастов, можно проследить постепенное их взросление и возму-

жание.

А, впрочем, какая теперь разница – какими были те или другие мальчики и юноши, с кем я вела в те годы переписку.

Проще – прямо перейти к письмам Бориса Погорелова.

От моей родственницы – Светланы Фирсовой (о ней тоже написано в миниатюре – «Не выбрасывайте старую технику»), я узнала, что Борис живет с семьёй где-то на Севере. Иногда приезжает в Большую Мартыновку. Его жену зовут – Иринкой. У него двое детей и, конечно, есть – внуки.

Может быть, и он набредёт на эти письма, которые писались им больше 60-и лет назад?

ПИСЬМА ОТ БОРИСА ПОГОРЕЛОВА

Письмо в Шатуру из Москвы. Адрес в Москве: – «г. Москва Б – 66, ул. Карла Маркса 24. МИХМ Погорелому Борису.

ЗДРАВСТВУЙ, ИРИНКА!

Сегодня получил твоё письмо, и сегодня же отвечаю на него (просто не бывалый, или точнее сказать, очень редкий случай!).

Итак, твоё письмо, после трёхдневного блуждания по Москве (8, 9, 10 этого месяца наконец-то попало «к дедушке». На нём стоит пять печатей, и приклеена

какая-то бумажка, чему из нашей группы ребята очень удивились. Я рад, что ты снова в школе. Будем надеяться, что на этот раз всё кончится благополучно, и ты не выкинешь нового «фокуса». Не так ли?

Приехал я в Москву 26 августа. И решил устраиваться в общежитие. Не буду описывать, какие трудности мне пришлось встретить и преодолеть (причём далеко не все) на этом пути, но числа 10 сентября, если не ошибаюсь, я поселился в общежитии (по Северной ж.д. 40 минут езды на электричке), а не на частном секторе, как об этом значится в ордере, и... пока живу, и думаю жить дальше.

В начале учёбы времени было много, и я ездил к своим родственникам в Каширу и Ожерелье. В окошко рассматривал Вельяминово, но заехать не решился ещё и потому, что не надеялся тебя там застать. Так оно и вышло бы. В следующее воскресенье снова при любых обстоятельствах еду в Каширу. Кончаю сегодня писать, так как мальчишки начали «валять дурака». Допишу завтра.

Продолжаю. Второй день болит голова. Сегодня нигде не был, и всё равно ничего не успел сделать. А это значит, что я на целую неделю попал в задолжники. Завтра весь день уйдёт на прописку в военкомате, ну да это, конечно, тебя не интересует. Сегодня фотографировался, но делать фото пока некогда, и когда сделаю, не знаю. Да, насчёт Ани и Нины. Я никак не могу догадаться, откуда они могли взять мой адрес, а теперь всё стало ясно. Передавай им от меня

привет. Фотографии все свои я оставил дома, так что прислать пока не могу, но могу сообщить, что я совсем прежний: такой же маленький, страшный, и как говорят, очень худой. А вот ты, вероятно, сможешь прислать мне своё фото. Пришлешь? За приглашение к вам большое спасибо. Интересно только, как это меня могут приглашать все твои, если кроме тебя меня никто не знает?

Как учиться и в каком классе Борис? Да, Фаина Алониевна и все остальные живы, здоровы... Кончается лист, и я кончаю писать. Ибо страшно болит голова. Жду ответа, Иринка. Всего хорошего.

БОРИС.

ЗДРАВСТВУЙ, ИРИНКА!

Извини меня за долгое молчание, которое несколько не значит, что я не хочу тебе писать. На первое же письмо я начал отвечать сразу, но так его и не отослал. Вообще я этот месяц абсолютно никому не писал. Как твои дела? Как кончила первую четверть? Хорошо ли провели праздники? У меня всё, как обычно. Пытаюсь вести общественную работу. Скоро экзамены, к которым я ещё не готовлюсь. Сдаём мы шесть экзаменов, что для студентов очень много.

В первом письме ты интересуешься моим бытом и представляешь меня у печки с ножом и прочее. Увы. Этого нет. Во-первых, потому что я страшный лентяй,

а во-вторых нет времени на приготовление еды, и в третьих – потому, что я за всю жизнь свою жарил однажды пышки (которые к моему сожалению были как камень!) и только. Больше я ничего не умею и не пытался делать.

Нет, вру! Пёк на костре картошку и раков. Ох, и вкусно же получилось! Ты, вероятно, это себе и представить не можешь. Пишу письмо тебе на лекции, что, конечно, не хорошо, но что часто бывает у студентов.

Ну, ладно. О себе кончил. Какой институт ты себе выбрала? В выборе не спеши. Здесь необходимо обдумать всё, и всё учесть.

Да, Иринка, по какой дороге находится Шатура? Ты знаешь, мне почему-то казалось, что Шатура находится недалеко от Каширы. Странно, но это так.

Напиши, как окончили четверть девочки, и удовлетворены ли они моим ответом на их письмо? Мне кажется, что нет. Передай им от меня привет. Надеюсь, что, если их желание серьёзно, на следующий год встретить их в нашем институте.

На каникулах хотелось бы побывать дома, но что получится, не знаю.

Всего хорошего.

С приветом – БОРИС.

9.01.53 г.

ЗДРАВСТВУЙ, ИРА!

Получил твоё письмо. Ты писала его в Москве, а почему же не позвонила? Спасибо за поздравление и пожелания. На Бродвее последние дни бывал часто. Возможно, что ты видела именно меня. Если помнишь, хоть немного опиши, как выглядел встреченный тобою мальчишка, и я отвечу тебе, меня ли ты встретила. На эту улицу я захожу по пути из института домой. Понравились ли тебе «Искры». Мне понравились. Только жаль, что кончаются они 1905-ым годом.

Мама не приехала, у нас там грязь, выехать нельзя. Каникулы начнутся у нас числа 26-го. Да, поздравляю тебя со 2-ым призом за лучший костюм.

Я новый год провёл хорошо. До 12 часов дня 31 декабря я не знал, куда пойти, где встречал новый год. Я решил съездить в институт, и там постараться разрешить этот вопрос. В институте я нашел девочек и двух мальчишек. На моё предложение собраться вместе, они согласились. В 4 часа вечера – всё было решено и предусмотрено. Новый год был – встречен...

Ты, как видно из письма, ведёшь большую переписку, и как ты говоришь, полезную. Если не ошибаюсь, ты мне отвечаешь с опозданием, считая нашу переписку бесполезной. Да? В какой институт ты пойдёшь после окончания десятого класса? Кем хочешь стать? Если можно, ответь. Ты спрашиваешь, отпустят ли меня из института, если я захочу перейти в другой, и

думаю ли я переходить? Да, думаю, но не знаю, отпустят ли. Пиши, как закончила четверть и полугодие. Как прошли каникулы? Извини, что много пишу, да к тому же, так скверно. Привык, и никак не могу отвыкнуть.

Приеду ли к вам в гости на твои именины? Утвердительно ответить не могу.

Смотря, какие будут обстоятельства. Сейчас пока не важные.

Желаю успехов в дальнейшей учёбе.

БОРИС.

Нашла два неоконченных своих письма. Привожу их здесь.

БОРЯ, ЗДРАВСТВУЙ!

Я от тебя долго не получала ответа. Большое за него спасибо. А я уже и не ждала от тебя писем и сильно обиделась. Но теперь мы квиты. Видишь, я тоже задержалась с ответом.

Поздравлять тебя с Новым годом – рано, а с днём Конституции – поздно. Первую четверть окончила хорошо. Только вот у Козла по тригонометрии на тройку срезалась. Поспорила из-за чего-то с ним на уроке, ну и разозлила. Я всегда люблю немного поозорничать. Ну, как тебе точнее сказать, в общем, весёлой люблю быть. Праздники провела замечательно А ты? Что делаешь в свободное время? Я от скуки здесь организовала кружок художественной

самодетельности. И теперь в свободное время занимаюсь с Петровскими студентами. Ведь, здесь у нас компания очень весёлая, т. к. есть энергетический техникум. Если приедешь на каникулы, не пожалеешь, время проведёшь весело.

В классе я выпускаю «Колючку». Газета выходит довольно оригинальная. Ты называешь себя в письме лентяем. Я с этим согласна. Это видно по твоим ответам и письмам. Писать так редко и так мало, как ты пишешь, может только Борька Погорелый.

Боря, а ты мне фотокарточку обещал. Помнишь? Ты спрашиваешь, в какой я пойду институт? Я ещё, откровенно говоря, не выбрала, но мои благоверные родители прочат мне медицинский. А какой бы ты мне посоветовал институт выбрать? А?

Наша Шатура находится по Казанской дороге. Приезжай на каникулы к нам. Куда ты поедешь домой так далеко, или ждёшь опять маму в гости? Может быть, ты стесняешься к нам ехать? Тогда я скажу папе, и он напишет от себя особое приглашение, чтобы ты не стеснялся. В каких числах у тебя каникулы? Может быть, как раз на мой день рождения попадешь ко мне, 19-го января? Ох, мы бы и потанцевали с тобой.

Слушай, если ты танцевать не умеешь, немедленно учись, а то я тебе здесь покоя не дам, и высмеивать буду. Я не люблю ребят, которые танцевать не умеют.

От моих подруг привет, но писать о них тебе ничего не буду. У тебя есть адрес их. Если они тебя интересуют, напиши им.

Вот, Боричка, какие дела. Здесь у меня на печке Борька сидит, и под локоть толкает. Ой, поросёнок! Ты знаешь, если бы ты видел, что он сейчас с Галей, моей подружкой вытворяет! Тёти Лидину пудру на Гальку опрокинул, и ой, боже мой, на мою геометрию!

Борь, извини, писать кончаю. Если не умру от смеха, в следующем письме напишу больше.

С приветом – ИРА.

И ещё одно не отосланное письмо Борису...

ПРИВЕТ ИЗ ШАТУРЫ.

С НОВЫМ ГОДОМ!

Лучше поздравить позже, чем никогда. Сегодня уже 17-ое января. Я тебе написала давно письмо, но никак не собралась отправить. Вложила в какую-то книгу, и теперь нашла его, а, ведь, была уверена в том, что опустила его. Вот оказия. Ну, ничего. Ты, надеюсь, извинишь за такое долгое молчание. Как завтра будет весело на катке. Теперь на улице потеплело, можно опять кататься. Правда, я катаюсь очень плохо, но всё же учусь. На виражах носом летаю в землю, хорошо, ей богу!

Спасибо за поздравление. Желаю тебе сдать все экзамены на 5-ки и хорошо провести каникулы. Если надумал, то приезжай к нам. Как встретил Новый год?

Был ли в Кремле на ёлке или в Колонном зале? Я встретила очень хорошо. 4 ночи была на балл-маскараде в клубе имени Нариманова.

В первый вечер, в 2 часа ночи был парад масок на приз лучшего костюма. Я была с одним мальчишкой в костюме – «Волга – Дон». Он был – Доном, в белой матроске, сзади я ему пришила картинку – «Работа на Цымлянском море ходячего экскаватора». На груди – красными буквами написано – «ДОН». На одном плече – корабли. А на втором плече к моему плечу шла синяя лента с белыми буквами – «ВОЛГА – ДОН». А на мне был голубой сарафан, внизу целая волна оборок, по которым плавали приклеенные серебряные рыбки. Над волнами – белые чайки. На груди кораблик вышила и – «ВОЛГА», а по бокам – якорёчки.

Знаешь, здорово как вышло. А на голову одела кокошник, весь из бисера. Ну, в общем, взяли первый приз.

Сначала в большом зале, на главной сцене заставили всех пройти, ну, в общем, сам знаешь, как бывает парад масок. Потом прошли по всему залу и т. д. и т. п. Потом вызывали по очереди на сцену, заставляли снимать маски и вручали премии.

Нас вызвали первыми, мы даже не ожидали, т. к. было очень много хороших костюмов: кремль, Москва, 300-летие воссоединения Украины с Россией и др.

Мы вышли, и когда объявили, что нас премируют бараном, весь зал такой смех поднял! Нам вынесли его в ящичке, а Вовка только хотел его за рога поймать, а

он под стол. Это что! А вот после нас гусями и курами премировали, так одна курица взлетела на стол, где жюри заседало. А другая со сцены к зрителям слетела. А баранину мы до сих пор ещё не съели. Сегодня жаркое готовят.

На другой день получила приз за пляску – пудру «Красный мак». А зачем она мне? Мы ею на вечере всех обсыпали, а коробочку на память оставила. Не догадалась рога от барана сохранить. Хотя у меня ещё хвостик цел. Была ещё.....

В этом месте письмо обрывается...

21. 01. 53 г.

ПРИНКА, ЗДРАВСТВУЙ!

Прежде всего, извини меня. Что не поздравил тебя с днём рождения. Ты знаешь, помнил это прекрасно почти до 18 числа, т. е. до тех пор, пока не завалил экзаменов. Затем забыл обо всём на свете.

Пока не поздно, постараюсь исправить свою ошибку: поздравляю тебя с днём рождения (т. е. с именинами), и желаю тебе, чтобы исполнились все твои желания. (замечу, между прочим, что ты ошибаешься: мне через три месяца будет 20 лет – совсем старик). Поздравляю тебя также с успехом в области искусства. Буду ждать, когда приедешь в Москву на смотр – мне, ведь тоже хочется увидеть тебя.

Приехать на именины (между прочим, Я не знаю ни

именин, ни рождества, ни пасхи, ни др.), т. к. у нас никто никогда этого не отмечал – все атеисты), при всём моём желании, физически не могу: надо за эту неделю сделать лист по черчению, ТММ и, хотя бы начать лист по сопромату, а этому противодействуют сегодня – заседание бюро, завтра – комсомольское собрание, послезавтра – доклад на кружке (а я его ещё должен написать), послепослезавтра – конференция СНО и т. п.

Как видишь, причина уважительная.

Вот сейчас пришел раньше срока, благодаря тому, что не пошел на физкультуру. В противном случае прибыл бы по нашу «милую» Клязьму не раньше полуночи.

Допишу тебе письмо и сяду чертить, а завтра придётся всё своё свободное время потратить на доклад. Мне хочется на твоё письмо ответить длинным, длинным, и начать его тоже стихами, но, во-первых, нет времени в эти дни (а ответить, ведь, надо). А, во-вторых, что-то покинул меня поэтический «талант», которым я несколько обладал в прошлом.

Обстановка наша пока совсем не располагает к этому (а, когда и располагает, её моментально нарушают посторонние).

Ты спрашиваешь, как я провёл каникулы. Посуди сама. Каникулы наполовину в пути (семь дней), наполовину дома. С двумя пересадками кое-как добрался до Мартыновки, благо в пути было весело. Только приехал домой – начались метели. Снеговой

покров в степи достиг метровой толщины, ветер – девять баллов. Мороз держался всё время – 20–36 градусов С. мне так хотелось поохотничать, но удалось это сделать всего один раз, да и то, так себе.

Вчера кончил чертить к часу ночи. Но заснуть удалось только к двум: один из нашей комнаты со своим дружкой напился в честь получения стипендии, ну, отсюда все последствия...

Знаешь что, Иринка, я отошлю сейчас тебе это письмо, а в субботу напишу его продолжение, хорошо? Только и ты напиши мне письмо, хоть пару слов.

Жду письма и твоего приезда.

Всего хорошего.

БОРИС

10.03.53 г.

Наконец-то, ИРИНКА, я получил от тебя ответ!

Придётся простить тебя за долгое молчание, ибо больным всё прощается. Как твоё здоровье сейчас, поправилась? Что случилось в школе и каковы результаты? Как ты окончила 3-ью четверть? Я думал, что ты на каникулы обязательно побываешь в Москве и ждал звонка, но, увы! На праздники в Москве, в колонном зале я не сумел побывать.

Живу, как и прежде. Ничего о себе хорошего – нет и не было. Думаю начинать готовиться к экзаменам: время очень быстро летит, что и не заметишь, как оно пройдёт. Что выйдет, не знаю. Свободного времени сейчас почти нет и сделанного тоже почти ничего

нет. Сейчас кончил конспектировать отчётный доклад Маленкова XIX съезду. Осталось законспектировать ещё устав КПСС, но время – двенадцать часов и я, написав ещё три ответа ребятам (уже не отвечаю на их письма почти неделю), думаю лечь спать. Законспектирую устав завтра утром, так как занятия начнутся в 10.20. Все эти дни раздумываю над вопросом – делать операцию или нет.

У меня на веке вскочило что-то вроде ячменя, и так и осталось. Сейчас увеличилось. Глазник советует вырезать, уверяет, что операция лёгкая. Я вообще не люблю никаких вмешательств со стороны, а тем более, хирургических, да к тому же ещё и боюсь: а вдруг сделают что-нибудь не так, и придётся пропускать занятия. Ну, ладно, извини, заболтался. Будь здорова. Желаю успешно кончить четвёртую четверть и хорошо подготовиться к экзаменам. Остальное можно потом.

БОРИС.

11.04.53 г.

ЗДРАВСТВУЙ, ИРА!

Получил твоё послание, но, конечно, сразу не ответил. Как твоё здоровье, поправилось? Как идут дела с подготовкой к экзаменам? Ты пишешь, что вскоре будешь в Москве, и можешь мне позвонить, но не знаешь номера телефона. В предыдущем письме на конверте (внутри) я написал этот злополучный номер,

но у тебя, наверное, нет такой привычки, как у меня: открывать письмо так, как его запечатывали, вот ты и не заметила его.

Вот он: Г – 6–09–46. (Бориса).

Только знаешь что, я сомневаюсь в успехе выполнения этого плана, ибо я дома почти не бываю. Вот, если бы ты в письме написала, когда примерно ты приедешь, я бы постарался прийти из института пораньше и дожждаться твоего звонка. Только учти, письмо идёт два дня (а, может быть, и три).

Ты пишешь, что ваш с Ниной визит, как тебе показалось. Вызвал у меня растерянность. Возможно, это было, отчасти и так, но не по кажущейся тебе причине. Мне просто-напросто было неудобно встретить вас в коридоре, и сразу же оттуда проводить, не имея возможности пригласить в комнату. Ни в воскресенье, ни в понедельник – приехать к вам не смогу... Летом приеду обязательно. Если ты, Иринка, конечно, не возражаешь против этого. Ты пишешь, что вы с Милой «согрешили». Уничтожив гоголь-моголь на страстной неделе. Когда какой праздник церковный, я не знаю, ибо у нас никого дома верующих не было, но расправиться с гоголем-моголем, пасхой или яйцами я никогда не прочь, тем более, что всё приготовленное в столовой (а готовят довольно-таки плохо, надо признаться), надоело до чёртиков.

Я всё время провожу в институте, но сделанного ещё по-настоящему ничего нет. Как буду сдавать экзамены

– даже не знаю: всё запустил страшно, но сдавать ведь надо?!

Ладно, заболтался. Поправляйся, готовься к экзаменам, и о Германии, или Китае брось пока думать. Это не убежит, а учиться надо. Не так-то просто жить и работать в чужой стране! Если не научиться дома побеждать трудности (трудно стало учиться или т. п.), то там это будет сделать ещё труднее.

Пока. Всего хорошего. Привет бабушке..., а впрочем, меня же из твоих никто не знает. Ну, да всё равно – привет всем от меня.

Прости за небрежность и ошибки. Хотя за это прощать и не полагается.

БОРИС.

ЗДРАВСТВУЙ, ИРИНКА!

Ты, вероятно, не получила моего последнего письма. Я надеялся, что ты 30.01. будешь в Москве, и мы вместе сходим на «Фауста», что мы сможем с тобой поговорить перед моим отъездом. Тебя удивило сообщение о моём отпуске. Да, ты права, я занимался много, но, видно, несколько не так, как надо было.

Уже два месяца меня тревожат головные боли, и, конечно, ни о какой серьёзной подготовке к экзаменам не могло быть и речи: чем я больше готовился, тем хуже становилось мне. Последние дни я уже не мог заниматься совсем.

Диагноз ВКК – расстройство Ц. Н. С.

Я решил отдохнуть. Но, прежде, чем принять это решение, я столько дней колебался: так не хочется отставать от товарищей, терять год...

Ну. Это всё мелочи жизни. Всё пройдёт, всё позабудется. Жалею, что нам не придётся увидеться до следующего учебного года (по крайней мере).

Тебе, Иринка, наверное, уже надоело переписываться с человеком, которого ты давно не видела. Если нет, напиши. Я буду рад твоим письмам.

Ты спрашиваешь, не приписал ли Юра что-нибудь в письме (не ошибаюсь?). отвечаю – нет. Я рад, что у тебя есть хороший товарищ, а, может быть, и друг. Без друга иногда так бывает тяжело, очень тяжело.

Я как-то писал тебе о Иринке, и не закончил повесть своей любви. Вчера я узнал, что Иринка вышла замуж, и познакомился с её мужем. На первый взгляд, парень очень хороший, чему я очень рад.

Домой я уезжаю 6.02. в 18.10. Поезд 33, вагон 2. Курский вокзал.

Если ты в последние дни каникул будешь в Москве, то давай встретимся. Не возражаешь? Итак, жду тебя 5.02. в 6 часов вечера у входа метро станции «Охотный ряд» (выход на улицу Горького, вестибюль).

Если не будешь в Москве, до свидания.

Пиши по адресу: – «Сл. Б. Мартыновка, Мартыновского района, Ростовской области, пер. Мостовой, 15.».

БОРИС.

7.09.54 г.

ИРИНКА, ЗДРАВСТВУЙ!

Итак, я вновь беспокою тебя своими письмами. Почему? Очень хочется знать, как твои дела, поступила ли ты и куда?

Чтобы хотя бы немного оправдаться перед тобой, сообщаю: на твоё письмо последнее я ответил, но не отослал, теперь уже не помню по какой причине.

Не знаю, получишь ли ты моё письмо, поэтому пишу мало. Поступили ли Нина и Аня?

В списке первокурсников я их не нашел, а, ведь, они собирались поступить в МИХМ. Жду ответа. С приветом.

БОРИС.

17.09.54

ЗДРАВСТВУЙ, ИРА!

Сегодня получил от тебя письмо. Отвечаю очень коротко, ибо уже поздно, а завтра с утра мы уезжаем на неделю в колхоз. Еду с удовольствием, хотя потом придётся своих догонять. В воскресенье к Большому я приду. Фото своё пришли. Чтобы мне легче было тебя найти: мы, ведь друг друга, почти не знаем. Как меня узнать? Как увидишь поблизости маленького,

худенького мальчика, с очень большим и толстым носом (!), как бы опухшими глазами и маленьким ртом, рыжего – знай, что почти – наверняка это я. Вот так-то.

На выставку с вами я поехать не смогу – будет много работы, но поболтаю с большим удовольствием, если только у тебя будет соответствующее желание (не уверен, что оно будет, ибо ты меня, собственно, давно не видела).

Если ничего особого не случится – буду на месте в 9.00. Если в 9.15 меня не будет, то дольше не ждите: на выставке за такое же время вы сможете увидеть много хорошего.

С Иринкой у меня хорошие дружеские отношения.

Кончаю. Надеюсь, что к моему приезду будет ответ. Напишу больше в следующий раз, а, может быть, это и не будет нужно: мы встретимся.

БОРИС.

Сейчас уезжаем. Посылаю тебе письмо, которое я тогда не отослал. Не обижайся на меня за него.

27.12.54 г.

С НОВЫМ ГОДОМ, ИРИНКА!

С новым счастьем! Что пожелать тебе? Пусть исполнятся все твои желания, все твои мечты. Желаю успехов в учёбе. Желаю хорошей светлой дружбы с любимым.

Не обижайся на меня, Ира, за молчание: я слишком большой лентяй в этом отношении, а точнее, просто не люблю писать их, да и не умею.

Как твои успехи? Как думаешь провести каникулы? Катаешься ли на коньках? Продолжаешь ли заниматься любимым делом?

Завтра думаю закончить зачётную сессию, и уехать, хотя бы на пару деньков в Каширу – отдохнуть перед экзаменами. Во время зачётов, как говорят, белого света не видел, а точнее – кино и ему подобное. Нет, вру: видел «Крошку Доррит», и вчера смотрел «Лебединое озеро». Остался доволен и тем и другим.

Ты даже не представляешь, какой я сухой человек, а поэтому, вероятно, удивишься моей оценке. Как мне иногда говорят, я вижу всё только с плохой стороны, что я слишком стар для своих лет (по поведению), и тому подобные вещи. Быть может, они отчасти и правы, но только отчасти.

Оттепель и снег не дают возможности покататься на коньках, а жаль. Впрочем, мне и такая погода нравится (я, ведь, люблю природу) – так хороши подмосковные леса в эту пору, особенно вечером, когда кажется, что ты попадаешь в сказочные места. Ты, хотела бы, вероятно, увидеть, что же я из себя представляю, да? Поэтому посылаю тебе последнее (по времени) фото. Как видишь, ничего особенного. В жизни же я выгляжу совсем мальчишкой – восьмиклассником.

Из-за своего малого роста, я стал сравнительно последним, ну, да это уже относится к чертам моего

характера, а он у меня, как говорят, очень скверный, ну да со стороны – виднее.

Новый год, я, вероятно, встречать нигде не буду – экзамены портят всё настроение, и главное, отнимут всё время. Ну, это всё разговоры, а заниматься 31-го ребята всё равно не дадут. Одним словом – с **НОВЫМ ГОДОМ!**

Желаю тебе много петь, танцевать, веселится и даже немного взгрустнуть (немного), если для этого будет время.

С приветом – БОРИС.

10.01.55 г.

ЗДРАВСТВУЙ, ИРА!

Ты, наверное, решила уже, что ответ получишь месяца через два, не раньше – не так ли? На этот раз я отвечаю с некоторым опозданием лишь потому, что боялся под влиянием своего настроения (а оно было у меня в эти дни, да и остаётся и сейчас не очень хорошее) написать чего-либо лишнего.

За пожелания спасибо, только, едва ли я буду весёлым, хотя и очень грустным быть не собираюсь. Жизнь течёт относительно спокойно, но это спокойствие внешнее. Почему? Это тебе не интересно, а потом, я привык видеть, что люди начинают считать нытиками тех, кто рассказывает им хоть сколько-нибудь грустную правду, а, ведь, это не всегда совпадает с

действительностью. Будем надеяться на встречу. Ты говоришь, что я – «БУКА», и обещаешь сделать из меня не «буку» при встрече. Ну что ж, я буду рад, если это осуществится, хотя я и не такой уж «старичок», как ты думаешь.

Учёба у меня идёт очень плохо. На днях я решил взять годичный отпуск, но сейчас колеблюсь: да или нет? Всё говорит за да, один мой характер говорит – нет. Ну, да это не интересный вопрос – он портит настроение.

Вчера был на катке (после экзамена) с товарищем. Покатались хорошо и с большим удовольствием. Быть может, когда-нибудь, мы вместе пойдём на каток, и ты прочтёшь мне какое-нибудь из своих стихотворений, ладно? Я уже больше не пытаюсь писать их, ибо меня покинули даже те, ничтожно малые способности в этой области, которые были до этого, иначе – я бы тебе написал что-нибудь ко дню рождения.

О, Боже! Когда тебе исполнится 20 лет? Послезавтра ты получишь моё письмо, и, если ответишь, обещаю написать тебе в прозе обо всём, что тебя интересует. Ты знаешь, Иринка, я никак не могу представить тебя, твой образ, даже, когда обращаюсь к фотографии (спасибо за последнюю, надеюсь по времени, а не вообще).

«Если когда-нибудь вспомнишь, напиши по адресу...»

Очень жду твоих писем.

БОРИС

1.03.55 г.

ПОЗДРАВЛЯЮ С ПРАЗДНИКОМ!

ЗДРАВСТВУЙ, ИРА!

Много писем я получил в первые дни пребывания дома, в том числе и твоё, но, ни на одно ещё не ответил. Почему? Настроение довольно-таки скверное – вот и вся причина.

Из Москвы выехал я не шестого вечером, а девятого утром: сменил билет, чтобы оформить отпуск.

Тебя ждал и пятого вечером, и шестого вечером у «своего» вагона. Жаль, конечно, что мы не встретились. После этой встречи наши отношения могли измениться в одну из сторон, т. е. проясниться. А теперь, кто знает, что будет через полгода. Мы с тобой просто товарищи детства, а сейчас мы не видели давно друг друга и не знаем друг друга. И правильно сделал твой отец, что не пустил тебя в Москву.

Ты спрашиваешь, как я провёл каникулы, и чем занимаюсь сейчас? На каникулах слушал «Садко», «Фауста», смотрел «Щелкунчика», был на вечере отдыха в Колонном зале, часто бывал на катке, ездил в Каширу и... оформлял документы дня четыре. Изредка (раза два) был в кино. Кажется, отдыхал не плохо, но всему были помехой головные боли, ежедневные и

нудные.

И вот теперь, я отдыхаю дома. Выезжая из Москвы, я долго гадал, какое пальто одеть в дорогу: зимнее или осеннее. Зная причуды погоды у нас, я надел зимнее пальто, и взял с собой плащ. И вот приехали в Ростов, а там третий день идут дожди (и это в феврале!). На следующий день к вечеру, когда я уезжал из Ростова, подул холодный ветер. Благодаря этому ветру, дороги несколько продряхли. И я смог благополучно добраться домой. Из Куберле ехал на машине. Ветер свободно проходил сквозь тёплое пальто и большинство людей сверху надевают плащи. Так поступил и я. Вот когда я увидел неточность выражения – «зуб на зуб не попадает». Попадали, да ещё и по несколько раз в минуту, если не чаще. На следующий день потеплело, опять пошли дожди, и через неделю в поле уже появилась травка. Средняя температура была + 10 гр. – весна, весной, и только. Три дня назад температура упала до нуля, а вчера вечером (после часа ночи) выпал снег. Утром, на голосование люди шли по колено в снегу, хотя и умудрялись вымазывать обувь в грязи – под снегом остались огромные «лужи» грязи. У нас здесь 90 %, если не все 100 % населения ходят в резиновых сапогах – именно сапогах. Сейчас во дворе – 6 гр. (в тени), а на солнце снег тает – близко весна. Небо голубое – голубое. Солнце такое яркое, что больно смотреть без тёмных очков. Нет, не на солнце, а вообще. И снег такой нежный, приятный...

Чем же занимаюсь я? Скучаю. Головные боли

не прекращаются. Потихоньку ремонтирую мотоцикл, помогаю папе устанавливать в школе радиоузел, играю в настольный теннис и учусь танцевать. Когда было тепло – ловил ещё и рыбу. А поохотиться не пришлось – сейчас уже нельзя. Иногда хожу в кино. Вот и весь круг моих занятий. Узок. Не правда ли? Не привык я ещё к такой жизни – без занятий и шума. Думаю вскоре заняться каким-либо предметом, точнее: математикой или политэкономией.

Ты, Иринка сомневаешься в моей способности улыбаться. Напрасно. В кругу людей я обычно бываю весел. Но мне быстро всё надоедает, и тогда я или замыкаюсь в себе, или остаюсь весёлым, это не так уж трудно сделать.

Ты собираешься летом приехать в Мартыновку. Тебе, конечно, не понравятся наши места, а я их люблю. Я люблю их за то, что здесь прошло всё моё детство, здесь я впервые полюбил, но не только за это. У нас есть места, красота которых в отдельные времена года врезается в память на всю жизнь.

Приезжай, Иринка. Если даже я и влюблюсь здесь, что очень сомнительно, я всё равно постараюсь сделать так, чтобы ты полюбила наш край, конечно, насколько мне это удастся. Согласна приехать?

Впрочем, через полгода будет виднее.
БОРИС.

26.03.55 г.

ЗДРАВСТВУЙ, ИРА!

Вчера моя беспробудная жизнь была приятно нарушена: получил письма от тебя и школьного товарища, который сейчас находится в армии (после окончания техникума). За фото спасибо. Признаться мне ты больше нравишься на предыдущем фото, где ты запечатлена с девушкой (у неё на плече висит футляр от фотоаппарата – Валя, наверное), на засыпанной снегом улочке, около забора. Жаль, что мы не увиделись. Как не говори, а фото, есть фото, а человек – есть человек. Ты всё время упрекаешь меня, что я не приехал к вам ни разу. А ты представь себя на моём месте и поймёшь: я сделал правильно. Не мог я, да и не смогу, приехать прямо к вам. Итак, остаётся одно – встретиться в Москве, в сентябре месяце, если только ты там будешь, но об этом мы ещё договоримся.

Жизнь моя течёт в том же направлении, что и раньше. Сейчас только что возвратился из кино – «Кто смеётся последний. А днём ловил рыбу – она уже ловится (потихоньку, правда). Головные боли почти прекратились. Погода у нас стоит весенняя. Сегодня днём было + 10 гр. С. Прилетели скворцы. Я потихоньку читаю художественную литературу. На днях кончил – «Широкое течение». В целом, книга хорошая. Сейчас читаю – «Чингиз – хан».

Дописываю письмо спустя несколько дней. У нас настоящая весна (днём +15 – +17 гр.) У меня всё

остаётся по-прежнему. Впрочем, вру, не всё. На днях уезжаю на курорт в Геленджик, но ты всё-таки пиши – мне перешлют.

Ты просишь прислать открытки цветов, а вдруг, у тебя все такие уже есть? Моя мама очень любит вышивать гладью, так, что, если у тебя есть розы или другие цветы, годные для вышивания, вышли, пожалуйста, а то она заставляет всё меня увеличивать, да перерисовывать, а художник, я, признаться, не важный. Вскоре напишу тебе ещё письмо, т. к. будет больше впечатлений и пр., а то мои письма очень скучно читать, не так ли?

Привет Ане. С приветом – БОРИС.

Высылаю тебе по просьбе открытку – розу большую.

25.04.55 г.

ИРИНКА, ЗДРАВСТВУЙ!

Ты знаешь, вчера мне вдруг пришло в голову, что, если я сразу же не напишу тебе письмо, то сложившиеся между нами дружеские отношения рухнут, и на душе отчего-то стало несколько тревожно. И, всё-таки я тебе не написал – до такой степени я разленился. А, может быть, ты уже и не ждёшь моих писем? Ждать их – ждать у моря погоды (мы целый месяц ждали хорошей погоды, а её не было, а ждали у моря, да ещё и Чёрного), когда можно самой её сотворить – под боком так много ребят.

Прости меня, Иринка, я пишу чепуху, да? Как бы хотелось отослать тебе тёплое, тёплое (по содержанию, конечно) письмо, но как видишь, и ничего не получилось с самого начала. Видно, я такой холодный человек, или просто не умею писать, т. е. изложить свои мысли и чувства на бумаге, а ещё мечтал стать писателем. Смешно. Ты не обижаешься на меня за то, что я не сдержал своего слова относительно написания вскоре – длинного, обстоятельного письма? Или ты уже привыкла к «к регулярности» моих ответов? Да. Иринка, горбатого исправит, как говорится, только могила. Теперь о том, где я нахожусь, и чем занимаюсь.

Живу я на берегу Чёрного моря, близ Новороссийска. Курорт – Геленджик.

Не буду описывать его историю, и его преимущества, и недостатки по сравнению с другими курортами – очень длинно, да и не интересно для тебя.

Если же, когда либо заинтересуешься – напишу и опишу, как смогу. Вот видишь, Иринка, не говорю расскажу, а говорю: опишу – результат единой переписки. Ну, ничего – осенью обязательно увидимся, если ничто не изменится. Отвлёкся.

Итак, Геленджик. С одной стороны – бухта, а с другой – горы. К нашему несчастью весь месяц стояла плохая погода – дождливая и ветреная (норд – ост, очень холодный и сильный ветер и «моряк» – ветер со стороны моря). Из-за погоды и красот моря увидеть не удавалось почти. И всё же мне море нравится. Мне мило его вечное движение (и грохот

прибоя при сильном ветре, и тихий шелест спокойного моря). Меня поражает его страшная и дурная сила. Я люблю, мой друг, природу. Наши бескрайние степи, кавказские горы – всё это одинаково сильно заставляет меня думать, мечтать, жить. Я люблю бродить при любой погоде: при солнце, в дождь, ветер, пургу – ненормальность, не правда ли? Последние два дня стоит тёплая солнечная погода, и мы загораем, а сегодня даже купались (дуракам закон не писан – температура воды не выше 8 гр.).

Да, кто это мы. Мы – это я, Анатолий – студент 3-го курса Таганрогского радиотехнического и Люда – студентка из Свердловска. Оба они моложе меня, но мне они дают меньше, но мне они дают меньше, чем им. Из-за моего роста и неказистого вида мне дают вместо 21 года (мне будет в июне) – 16–17. Втроём мы лазали на горы (оттуда открывается прекрасный вид на море), загорали, т. е. проводили все дни и вечера на воздухе. Люда – моя партнёрша в танцах. С нею мы не пропускали ни одного вечера и танцуем не плохо. За исполнение балльных танцев имел первую премию. Часто участвую в различных играх, за что имею уже три премии. Одним словом, отдыхаю. За то, что мы с Людой часто были вместе (нас уже знают все), над нами начали посмеиваться, говоря о скорой свадьбе. Теперь я на прогулках Людку «уступаю» Толе. Ну. Да это всё чепуха.

Через два дня я уезжаю домой. Последние дни у меня опять что-то начала болеть голова. Но дома я думаю

её вылечить обязательно. Для этого, да и не только для этого, придётся заняться физическим трудом, работой, но что у меня выйдет из этого – не знаю: я, ведь, папенькин и маменькин сынок, белоручка.

Часто бываю в кино. Вчера смотрел – «Сети шпионажа», а сегодня – «Овод». Смотрел и передо мной проходили образы любимой моей книги. Если у меня спросят, хорошая ли эта книга, я не смогу ответить, ибо я не видел кино, а просто вновь читал книгу, именно книгу, т. к. никакие кино не заменят её.

Сейчас только был на море – навестил Людку с Анатолием. Они уже не много сблизились, и что-то таят от меня, но я не особо стремлюсь узнать их тайну – пусть дети тешатся.

Эх, Иринка, опять на меня нашла хандра.

Удивительно много написал, хотя и не совсем то, чтобы хотел написать. Пиши, Иринка! Жду. Пиши, как живёшь. Как успехи в учёбе – одним словом, всё, всё, что не составляет секрета, хорошо? Привет Ане. Да, как только сфотографируюсь, так и вышлю тебе своё фото. Боюсь, что испугаешься, увидев мою образину.

БОРИС.

4 07.55 г.

ЗДРАВСТВУЙ, ИРА!

Ты права, не болезнь причиной моему молчанию – я чувствовал и чувствую себя хорошо – но настроение

и некоторые мысли... Не буду о них сейчас ничего писать. Но скажу, что ты была недалеко от истины в своих предположениях. Подробнее поговорим об этом при встрече в Москве, если найдём для этого время, а, может быть, в последующих письмах, или никогда – кто знает!

Пишу мало. Потому что не знаю, застанет ли оно тебя в Орехово – Зуево. Как окончила год? Чем занималась и была ли практика? Что делаешь сейчас?

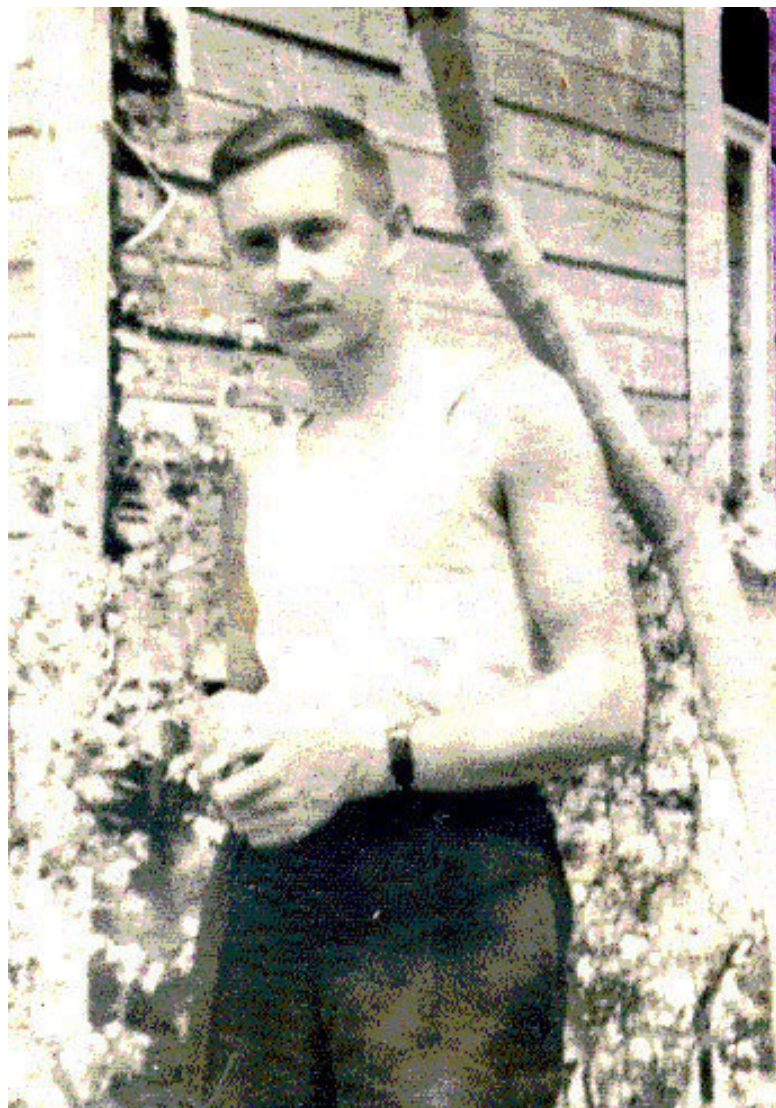
Нет, Иринка, не последнее твоё письмо испугало меня, а первое. Последнее письмо, естественно, ибо оно полностью соответствовало твоему состоянию: горе горем и остаётся, а предыдущее явилось продуктом твоего воображения, честное слово. Мне не за что обижаться на тебя, но ты могла бы обидеться – я не ответил тебе в трудную для тебя минуту... Но об этом потом.

Вчера приехал один мой хороший товарищ, и теперь моя скука уходит в былое. С недельку порыбачим с ним, а затем поработаем в колхозе недельки три – четыре. Хотел послать тебе своё фото, но потом передумал, ибо в жизни я выгляжу немного моложе, хуже, неприглядней: таким образом, не суди обо мне по фотографиям – они лгут, просто я умею фотографироваться и всё. На фотографиях из мальчика я превращаюсь чёрт его знает – в какого молодого человека...

Извини, заболтался. Жду ответа. Постараюсь

ответить тебе сразу же на твоё письмо.

С приветом – БОРИС.

Борис Погорелов

20.07.55 г.

ИРИНКА!

Извини меня за долгое молчание. При встрече, быть может, ты узнаешь его причину. Моё письмо. Отправленное в Орехово-Зуево ты, наверное, не получила, так как долго от тебя нет ответа, и поэтому я пишу в Шатуру, в надежде, что оно найдёт тебя там. Через месяц я буду в Москве. Надеюсь, на этот раз мы сумеем встретиться. Если это произойдёт до занятий, то обязательно на ВСХВ, хорошо?

Выеду из дома я числа 26, так что в Москве буду к 29-му обязательно. Если ты будешь в это время там, то напиши где, а лучше найди более точный способ встретиться. Свои соображения по этому поводу напишу в следующем письме.

Мои дела идут нормально. Бездельничаю...

Вчера Света с одной из девочек выехала держать экзамены в университет на Ленинских горах, так что Мартыновцев в Москве увеличивается в этом году на одну треть. Пиши больше о себе. Жду.

БОРИС.

ИРИНКА, ЗДРАВСТВУЙ!

Получил от тебя письмо, какого (по содержанию) не получал от тебя ещё ни разу. Я даже, право, не знаю, как на него тебе ответить. Надеюсь, что при всём отчуждении и нежелании переписываться, ты не откажешься от встречи. Если она будет возможна.

Да, Ира, числа первого я отослал тебе в Орехово-Зуево письмо, и было бы не желательно, чтобы его кто-либо прочёл, так что, пусть кто-либо из твоих знакомых перешлёт его тебе. Я живу на Клязьме, чувствую себя сравнительно хорошо. С новой группой знаком ещё очень мало...

Впрочем, мои дела тебя теперь, наверное, не интересуют. Если найдёшь нужным, пиши. Жду.

Пиши о своих директорских делах и вообще.

До свидания – БОРИС.

23.01.56 г.

ЗДРАВСТВУЙ, ИРА!

Хотя и поздно, но разреши поздравить тебя с днём рождения и пожелать всего лучшего в жизни.

Извиняться Домой я не поехал, т. к. к нам сейчас трудно добираться, а так хочется увидеть всех товарищей! Завтра думаю на некоторое время покинуть

Москву и уехать в гости к дядьке...

Да, Ира, в чём и почему я могу быть прав? За фото спасибо. Ты скоро кончаешь, не так ли? Когда? Как прошли экзамены и когда будет практика?

У нас на всём третьем курсе дела обстоят ужасно (на других много лучше). По одному только предмету «Детали машин» имеют 120 человек неудов – из 600 на курсе. Встречаются группы, в которых все экзамены сдали только 4 человека из 28. Многие студенты имеют по два – три неуда, а некоторых уже выгнали из института. Дирекция вынуждена сегодня собрать собрание, и объявить, что если мы в следующем семестре не «поумнеем», то нас всех разгонят, ибо он будет ещё труднее этого. Ужас. Стипендиатов из сотен – единицы. Пораскинув мозгами, я решил взяться за ум, но что из этого выйдет, не знаю. Но это потом, а сейчас я решил отдыхать: ходить в кино, читать книги. Побывать в театрах, а больше всего покататься на коньках и половить рыбу. Если удастся, разумеется.

Пиши, как провела Новый год и сколько он уже принёс тебе счастья. Как поживает Тала (ты, ведь, с ней обещала переписываться, помнишь?).

Если можно, напиши, что ты думаешь обо мне после нашей встречи? Наверное, плохо.

Как идут у тебя дела по художественной самодеятельности? Я одно время начал ходить в хор, но потом передумал, и когда наши пошли выступать на заключительном смотре худ. самодеятельности в

филиал Большого, я отказался...

С приветом – БОРИС.

3.12.56 г.

ЗДРАВСТВУЙ, ИРА!

Право же, мы оба всё перепутали. Ты считаешь, что я кончаю в этом году, забывая о моём годичном отпуске, а я думал, что ты уже кончила и где-нибудь работаешь. Истина восстановлена. У тебя, наверное, много новостей, особенно связанных с практикой. А у меня ничего нового нет. Почему? Много причин, но все они отнюдь не интересны, и до страшного скучны – говорить о них не буду. Сегодня защитил курсовой проект, который ни меня, и никого не удовлетворил, ибо то, что я делал, перестали выпускать более 20 лет назад. Естественно, что такие работы никому не нужны, и работать над ними не хочется. Вот дипломный проект, говорят, зачастую имеет ценность.

А ты рассчитываешь на будущее своего проекта? Только сделай такую школу, чтобы она была удобной, и, чтобы в ней всё было, включая обязательно физкультурный и актовъй залы. Или это уже предусмотрено нормами для маленьких школ? А сколько будет стоить строительство такой школы?

Да, так вот, я теперь отдыхаю: до экзаменационной сессии осталась целая неделя, и всего – на всего один зачёт по политэкономии. Отдых этот мне как нельзя

кстати. От жизни в культурном отношении я сильно отстал – не бываю в кино, театре, мало читаю (даже не прочёл «Не хлебом единым» – нынешней сенсационной книги). Всё это, говоря вычурным языком, результат моего состояния – у меня быстро устаёт голова: инвалид высшей категории, но пенсии не дают. Вообще же, жизнь идёт нормально: стареем понемногу (на мне это не заметно), понемногу умнеем (в какой степени – умалчиваю)...

А в Ереван, я бы ни за что не поехал, но это я, а ты, ведь, натура романтическая...

БОРИС.

На этом наша переписка оборвалась.

В 1956 году отец съездил по путёвке в санаторий – в Хосту. Его благоверная – Лидия Павловна не смогла поехать на весь срок путёвки, но всё-таки на недельку вырвалась с работы и слетала к нему в санаторий. Вернулись оттуда уже вместе. Как и полагается, находясь в санатории папа ездил на разные экскурсии. Соответственно – привёз несколько фотографий. И только на одной из них запечатлены оба – папа и Л. П. Я эти фотографии приведу здесь. Всё-таки это теперь уже является раритетом – 1956 год... Может быть, кто-то из детей тех, кто глядит на нас с этих снимков – узнает своих родственников...

Я по распределению уехала на работу в Армению...

Но, об этом расскажу в этой же Главе, но – в свое время...

Часть 36

Учёба в техникуме

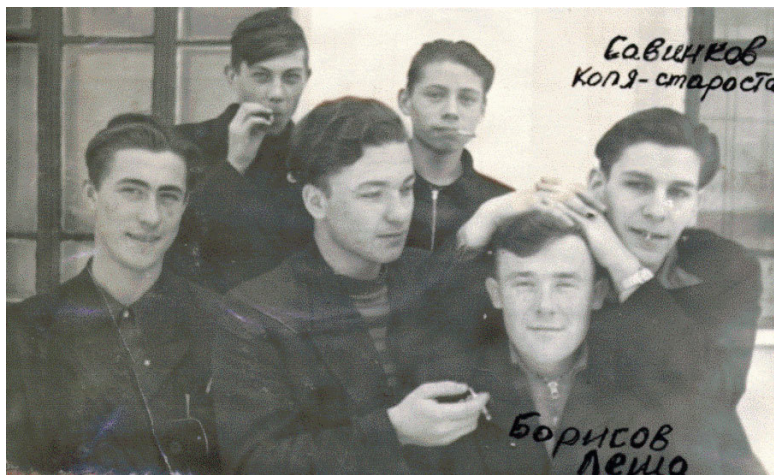

Орехово-Зуево Торфяной техникум 3-й курс ПГС 1955
год

На фотографии – мальчики нашей группы. Крайний справа – КОЛЯ САВИНОВ – староста нашей группы. Здесь не все мальчики. Их в группе было, конечно – больше.

На фотографии нет Володи Ключева, который был безнадежно влюблен в Валюшу Калинину, нет Юльки Кириллина,

который снимал ребят и некоторых других...

Орехово-Зуево Торфяной техникум 3-й курс ПГС 1955

год

Орехово-Зуево Торфяной техникум 3-й курс ПГС 1955

год

Я – в нижнем ряду слева

Игорь Бардаханов, Я (Ираида), Нина Макарова и Оля Титаренко

Предметы были не особенно трудные, особенно, если в них что-нибудь заинтересовало. Вот чего я не понимала, и не разбиралась, это – строительные машины. Грейдеры, экскаваторы и т. п. техника для меня была вся «на одно лицо».

Ещё у меня была слабость – все чертежи у меня получались с жирными линиями. А выполнять чертежи нужно было тонкими линиями. Кстати, это у меня осталось на всю жизнь. Может быть, от близорукости. И ещё – поскольку на чертежах линии были сочными, чертежи получались грязными. После выполнения, мы всегда чертежи чистили хлебом. Накрошишь на него белый хлеб и ладонью катаешь по чертежу, стряхнёшь, и чертёж – белый.

Я (Ираида) и Валя Буянова

Комнатка, которую мы снимали с Валею Буяновой, была узенькой, маленькой. По левой стенке стоял шкаф, затем во всю комнату – огромная двуспальная кровать. За кроватью, в углу, у окна – стол. По бокам втиснуто по стулу. По правой стене стоял старый диван с высокой спинкой. Между кроватью и диваном можно было протиснуться только боком. Спали мы с Валею в одной кровати. За квартиру платили попо-

лам, питались в складчину. Готовили мы только тогда, когда привозили из дома какие-ни будь продукты. А так, обедали в студенческой столовой, а дома – только чай с хлебом.

Перед стипендией, дней за десять, у нас уже кончались и деньги и продукты. Всё время очень хотелось есть.

В нашей коммуналке, кроме нас жила ещё одна рабочая семья. У них было много детей. Жили они небогато. Не знаю, что они ели ещё, но на большой плите в общей кухне, они всегда варили постные щи из квашеной капусты. (Капуста и вода, и никаких добавок или приправ). Не буду говорить о кислом капустном запахе, который впитался даже в стены квартиры, но огромная кастрюля, литров на десять этого варева варилась на плите ежедневно. И вот, в минуты особого ночного голода, когда «подмывало» желудок, я иногда потихоньку прокрадывалась на кухню, зачерпывала почерневшим от старости половником, который всегда торчал из кастрюли, эту похлёбку, и с жадностью втягивала в себя эту жижу. Она казалась мне такой вкусной...

Не на все выходные, но чаще, когда они совпадали с какими-нибудь праздниками, мы ездили домой. Мне нужно было заранее приехать на авто вокзал, чтобы купить билет. Потом я перестала его брать, так как при посадке никто билеты не проверял. Это просто было невозможно. Автобус брали «на abordаж». Уже никто не мечтал о сидячем месте. Автобус не резиновый, но в него набивалось столько народу, что зажатые, как селёдки в бочке, люди, могли только выдохнуть, а

вдохнуть уже было трудно. В таком состоянии нужно было ехать до Куровской чуть больше часа. Если проверяли билеты, то, чтобы не высадили, мы, безбилетники скидывались, и передавали деньги контролёру. Наверное, этот способ был изобретён не нами, но действовал он всегда безотказно. Поскольку автобус часто приходил с опозданием, приходилось всегда волноваться – не опоздаем ли к поезду. Сев на поезд, конечно, без билетов, можно было успокоиться – домой доедем точно...

Из дома мы привозили кроме денег, которыми, хоть и в небольшом количестве, но иногда, нас снабжали близкие, кое-какие продукты.

Валя жила в деревне, поэтому привозила овощи: картошку, морковку. А я – то, что можно было взять дома...

В техникуме я сейчас же с головой окунулась в художественную самодеятельность. Тем более, что там уже сложился отличный коллектив.

В нашу комнату в Зуево, гостей мы не приглашали, так как хозяйка нам это запретила строго настрого. Пару раз заходил к нам наш сокурсник – Юлька Кириллин, который пробовал за мной ухаживать. Но я к нему относилась, как к товарищу. А ещё он меня порой раздражал, так как был очень жадный. У него был фотоаппарат, и он часто щелкал сокурсников. Сделав фотографии, он приносил их в группу, сначала давал их всем посмотреть, предлагал каждому отобрать свои, а потом подсчитывал – сколько удовольствие стоит. Когда он это

проделал в первый раз, я не поверила, что так бывает среди «своих». Но люди разные, и поступки их разные...

Часть 37

Дружинница

В отличие от учёбы в кожевенно-обувном техникуме, в торфяном – протекало всё нормально, размеренно. Но энергия из меня была ключом. Поэтому я всё время чем-нибудь занималась: художественной самодеятельностью, какими-то общественными поручениями, водила дружбу со всеми комсомольскими вожаками техникума, и даже райкома комсомола (хотя числилась не членом...). И, наконец, когда в техникум пришел представитель милиции и призвал записываться в ряды дружинников, я одна из первых записалась и туда.

Пришли мы в милицию, в составе нескольких человек. Прикрепили нас к сотруднику – Сергею, кажется, Петровичу, молодому, красивому, статному. Он отвечал за работу с молодёжью, в том числе и с дружинниками.

Для начала он провёл с нами несколько бесед. Все его беседы сводились к рассказам разных случаев из его практики. Мы слушали, развесив уши и рты. Затем, все девчонки в него влюбились, но в этом плане он не обращал ни на кого внимания. Кажется, он был женат...

Кроме патрулирования, нас иногда брали на «задания». Был такой случай. Почти в центре города, за бетонны-

ми стенами стадиона, действовал вещевой полуофициальный рынок. Вдоль забора выстраивался длинный ряд, в основном – женщин. Почему полуофициальный? Потому что разрешалось продавать только не новые вещи. Но, из-под полы продавались и новые (статья – спекуляция), а иногда и ворованные вещи. Всю милицию и даже дружинников они знали в лицо. Поэтому, когда они появлялись на горизонте, все новые вещи вмиг исчезали за пазухой, или под юбкой.

Нас, как новеньких, в одно из воскресений кинули «на эту точку». Наша задача была – присмотреться, потом сделать вид, что мы что-то хотим купить, в это время нас «заберут» вместе с продавцом.

На это «задание» нас пошло несколько человек. Была весна. На улице слякотный снег смешался с грязью, и под ногами чавкал кисельной жижей.

Я помню, как мне понравились туфельки. Они мне действительно понравились настолько, что я готова была их купить на самом деле, если бы хватило денег. В общем, нас с этой женщиной «забрали», и привели в отделение милиции.

Нам пришлось немного подождать, так как дежурный милиционер разбирался с цыганкой. Цыганка скандалила. Через плечо у неё был привязан платок в виде люльки, в которой мирно посапывал спящий младенец. Милиционер что-то ей объяснял, но она продолжала скандалить. Потом неожиданно она вытащила из-за пазухи грудь, полную молока, направила её прямо на дежурного, нажала, и буквально,

выстрелила молоком ему в глаза... В конце концов её выгнали из отделения. Она, убегая, продолжала ругаться на чём свет стоит.

На мою торговку оформили бумагу, которую дали подписать и мне, как свидетелю. Женщину ещё задержали, а меня отпустили – дальше работать.

Но, по своей неопытности я не догадалась, что у местных торговок уже я попала на заметку. Мне отомстили. После моего вторичного появления на рынке, через мгновение, меня окружили женщины. Они вроде бы не специально кружились в шаге от меня, предлагая свой товар. При этом они притоптывали ногами, как бы согревая ноги. А на мне было светло серое весеннее пальто. Через пять минут моё новое красивое пальто было обрызгано практически до пояса жирной грязью. Естественно, я ретировалась, и больше на такие «задания» не выходила.

Но на память о моей «работе» с дружинниками, я написала стихотворение, посвятив его Сергею Петровичу.

1955 г.

Орехово – Зуево.

Торфяной техникум. ПГС

Посвящается моему наставнику в милиции,

Руководителю студенческой народной дружиной

СЕРГЕЮ ПЕТРОВИЧУ.

НА ЧУЖОМ ПУТИ

Утром, осенним, хмурым
Тёмным казался перрон.
Молча мы шли, понуро,
Отыскивая вагон.

Вот он, второй от края,
С тенью огромных колёс.
Сколько вагон тот знает
Радостных встреч или слёз.

Горло сжимают слёзы,
Глядят на тебя глаза.
Рушатся разом грёзы —
Ты провожаешь меня.

Что ж ты молчишь, мой милый?
Не скажешь мне – «Жди меня!».
Что ж ты такой унылый?
Нет в милых глазах огня.?

Вспомни первую встречу,
крепких рук...
Всем сердцем тебе отвечу
На каждое слово, друг.

Грустно погон сверкает
На стройном твоём плече,
Что ж ты молчишь, не знаю.

Сказал бы, хоть слово, мне.

Третий звонок раздался,
Зовёт проводник в вагон.
Город вдали остался,
На тёмном перроне – он.

Так, не сказав ни слова,
Расстались мы навсегда.
В нашей жизни суровой
Нас разлучила судьба.

Сердце, не надо плакать,
Ты писем его не жди.
А за окошком слякоть,
Льют проливные дожди.

Там у него другая —
Зовётся она – жена.
Знаю я, уезжаю,
Счастлива будет она.

С их я ушла дороги,
Не всё ли равно – куда?
Лучше пожертвовать многим,
Чем с краденым жить всегда...

Словно подбитая птица,
Сердце в груди, не стучи.

А поезд всё дальше мчится,
И что меня ждёт впереди?

Часть 38

Умерла подруга

1955 год.

В эти выходные я не ездила домой. А в понедельник, приехавшая из Шатуры девочка из другой группы подошла ко мне и сказала, что мне просили передать – завтра похороны Нюрочки. Я не отпрашиваясь, бросилась на автовокзал.

Подробности я узнала дома. Нюрочка училась в культ – просветном училище в Егорьевске. Общежитие, в котором они жили практически не отапливалось. Рассказывали, что стены покрывались от мороза инеем.

У Нюрочки заболел зуб, потом появился флюс. Она боялась идти к зубному. А ночью в комнате было особенно холодно, и она ещё и застудила и так воспалившуюся надкостницу. С высокой температурой она приехала домой. Её сестра, будучи сама медиком, почему-то не настояла на немедленном обращении к врачу. А когда температура зашкалила за 40, они вызвали скорую помощь. Но у Нюрочки уже начался и (воспаление головного мозга). Ей делали операцию – долбили кость около уха, чтобы откачать гной. Не помогло. Долбили выше. Но, ничего не помогло, только измучили её всю. Слишком поздно обратились к врачу...

Гроб стоял дома. Тогда ещё не было обычая хоронить из

морга. В моей жизни это были первые похороны близкого человека – близкой подруги.

Стояли майские дни. Всего лишь год назад мы справляли Первомай в доме Нюрочки. А теперь она лежала в гробу, такая молодая, погибшая по халатности своей и семьи. Было много цветов. Но особенно мне запомнился запах духов. Чтобы не очень пахло в доме, всё обрызгали духами – «Цветной горошек». Были такие духи с очень едким цветочным запахом. Этот запах преследовал меня ещё долгое время. А уж если мне встречалась где-то женщина, надушенная этими духами, у меня сразу же перед глазами возникали картины похорон Нюрочки.

Кладбище в Петровском было сразу же за деревенской школой. Могилу вырыли на холме, дорога была где-то внизу. Кладбище было старым, заросшим высокими деревьями. Все стояли молча, замерев на несколько минут в прощальном – прости... Я чувствовала, что надо что-то сделать, что-то сказать. Нельзя вот так просто, молча, опустить гроб в могилу. И тогда я прошла вперёд и стала говорить. Я говорила о том, что мы учились вместе, что мы дружили, говорила, какой она была хорошей подругой и дочерью. Может быть, я не так много и сказала, но я – сказала...

Были поминки... В том же доме, за тем же столом, где мы пировали после сбора урожая картошки, где впервые устроили застолье на Первомай с мальчишками, и где ещё утром, ещё всего лишь утром...

В моей жизни это были первые похороны близкого человека. Сколько похорон потом мне пришлось пережить за долгую жизнь. Тогда мы об этом не думали. Но, ведь, мы все – гости на нашей грешной земле...

Воспоминания оживляют прошлое. Как странно. На фоне светлых кадров вдруг появляются – черные, как кляксы чернил на белой бумаге...

Часть 39

И снова письма

В этом году мне писали письмо не только мальчики, но и девочки. Просто всё моё окружение разлетелось по разным городам в разные училища, вузы и техникумы. Правда по субботам и воскресеньям студенты приезжали на побывку домой, и местом их встречи со старыми друзьями, конечно, был – клуб имени Нариманова.

Кстати, мне понравилось – письма, получаемые в каждом конкретном году, выносить при публикации – в отдельную часть повествований.

Скорее всего, и дальше я буду использовать этот метод...

ПИСЬМА СОКУСНИЦ в 1955-м году

Мне в Орехово – Зуево писали мои милые подружки: Ничка Петухова, Анечка Кириллина и другие...

17.09.55 г.

ПРИВЕТ ОТ НИНЫ!

ЗДРАВСТВУЙ, ДОРОГАЯ ПОДРУЖКА ИРОЧКА!

Извини за долгое молчание. Сегодня, т. е. в воскресенье, у меня есть свободное время. Дай, думаю, напишу, и села писать, и написала тебе небольшое письмецо.

Ира, доехала хорошо, получила стипендию, побывала три вечера со своими мальчишками, потанцевали и уехали на практику.

Практика проходит хорошо. Нам нужно написать отчёт в 24 листа, и письменную работу, сдать экзамены и всё. Месяц побуду дома, и буду вполне самостоятельным человеком. Жить здесь всё-таки скучно Октябрьскую проведём вместе. Ирочка, для первого раза хватит. Не знаю, что писать.

До свидания. Целую.

НИНА.

Письмо в Орехово-Зуево – «Орехово-Зуево, ул. Красина 4. 3-ий курс «Н» Степановой Ире» из Егорьевска – «Егорьевск, Профсоюзная 4, Кириллиной Анне».

Анечка была ещё жива...

03.55 г.

ИРА. ЗДРАВСТВУЙ!

Ты знаешь, как я была рада, когда получила твоё письмо. Ира, в Нариманове, когда мы встретились с тобой, действительно нам некогда было с тобой поговорить. А Виктор, с которым ты познакомила меня, мне понравился. Я просто тебе завидую, сколько у тебя мальчиков, хотя бы с одним познакомила.

Ира, жаль Бориса Погорелова, ну, ничего, выздоровеет. А ты передай ему от меня привет. Вот так Валя! Влюбилась в Витю А. Сама ему письма пишет, совесть надо иметь. А видишь ты её?

Ира, сейчас сажу и пишу тебе письмо. Никуда не хожу. Ни одна девочка никуда не ходит. Жизнь идёт разнообразно. В школе установили аракчеевские порядки. В деревне всё по-старому. Я ни с кем не дружу. Нина мне пишет, живёт она хорошо, очень весело. Ребят за ней много бегают. Ира, мне Петя Б. передавал привет в субботу от тебя. Людка М. уже в положении.

Ира, Вовка К. пишет, да? Передавай и ему от меня привет. Ни в каком кружке не занимаюсь, т. к. в школу вечером страшно ходить.

Ира, я умею на баяне играть и фотографировать. Я приеду домой 19-го марта. Когда же мы с тобой увидимся? Давай договоримся. Про Репецкого я слышала. Абрамова не вижу.

Ну, писать кончаю. Пиши – что тебя интересует, я

ответчу.

До свидания – КИРИЛЛИНА А.

Жду ответ. Привет той девочке, с которой ты меня познакомила.

ПИСЬМА ОТ ЛИДОЧКИ СТЕКОВЬЩИКОВОЙ, моей подружки по парте в 10-ом классе

Учиться она никуда не поступила, так как не было материальной поддержки от семьи. Жила она с мамой и младшими сестрёнками, которых нужно было учить и кормить. Лидочка устроилась на работу в аптеку.

Письмо в Орехово – Зуево из Шатуры.

13.02.55 г.

ЗДРАВСТВУЙ, ИРА!

Получила твоё письмо 11 февраля и пишу ответ.

Ира, после воскресенья я только два дня работала с утра, а сегодня работаю вечером. Выходной во вторник. Видела Бориса. Как-то зашел разговор о тебе. Он говорит, что ты была слишком кокетка, хотя в последнее время изменилась в лучшую сторону Понятно?

10-го ходила на постановку – «Последняя жертва».

Очень хорошо поставили, но было мало народу. Я сидела на третьем ряду с Женей, которая в школе живёт. На концерте знакомых, ну никого не было, кроме Ванина и Вовки Студенкова. С Ваниным я танцевала. Он спрашивал о тебе, когда ты приедешь. Вероятно, говорит, придет в воскресенье. Я говорю – «Может быть». Он что-то мало танцевал, а всё стоял. Ира, а ты здорово с адресом придумала, хотя такой план у тебя был до того, как ты его писала. Только ты не говорила.

После каникул девочек из своего класса никого не видела. Даже не знаю, что с Репецким. Давыдову тоже не видела.

Ира, до тех пор, пока ты приедешь, я тебе спишу слова песен и спрошу адрес Федотова. Видела Толика и Вовика в понедельник, когда ходила гулять с одной девочкой и двумя мальчиками из дома, где живёт Вовка Щербаков. Зовут одного Коля, другого Вова. Ну, а Толя с Вовой поздоровались и прошли мимо. После я их целый вечер не встречала, вероятно, ушли домой. В тот вечер я была в шапке, взяла у одной девочки, поменялись. Вовка Щербаков увидел и говорит – «махнём!»...

Да, на постановку ходил Новиков, но он не танцевал.

Ира, приезжай 20-го, будет смотр художественной самодеятельности, потом будет 6-го марта. Приезжай. Писать пока нечего. Кино у нас идёт – «Опасные тропы» и – «Под фригийской звездой».

До свидания. Приезжай.

Ира, к вам я не ходила, только видела несколько раз Ольгу, но она ничего мне не говорила о семье, мы с ней просто здоровались.

Письмо из Орехово идёт два дня. Ты выслала 9-го, а я получила 11-го числа. Я посмотрела на штемпель.

Целую – ЛИДА.

Письмо в Орехово – Зуево из Шатуры.

22.02.55 г.

ЗДРАВСТВУЙ, ИРА!

Как мы уговорились, я пишу тебе первая, то есть, даю ответ на твоё письмо. Ира, хоть мы с тобой дружили, но дружба у нас была не настоящая, теперь я поняла это. Я поняла, что я тебе нужна только для того, чтобы сопровождать тебя в клуб, а, если есть кто-нибудь, то я совершенно не нужна. Так это было в воскресенье и в понедельник. В воскресенье я попросила только потанцевать, и ты отказалась, сказала, что неудобно оставлять Валю, хотя после этого я ни разу не видела, чтобы ты с ней танцевала. Ты танцевала с мальчишками, а не с Валею. И в понедельник вышло не лучше. Ответ на своё письмо я не жду. Встретаться с тобой тоже не собираюсь, я найду подругу понадежней, чтобы она в клубе не отказывалась от меня. Вот и всё, что я хотела написать.

До свидания – ЛИДА.

Письмо в Орехово – Зуево из Шатуры.

2.03.55 г.

ЗДРАВСТВУЙ, ИРА!

Письмо твоё я получила, хотя, по правде говоря, я не думала, что ты мне напишешь. То письмо я так написала не потому, что мне нечего писать, а потому, что мне было очень обидно, а потом, мы, всё-таки не ругались с тобой, а объяснила всё тебе так, как я думаю.

Время я сейчас очень хорошо провожу. В ночь с субботы на воскресенье в клубе всю ночь были танцы, напрасно ты не приезжала. В фойе танцы, а в зале просмотр журналов, мультипликационных фильмов, кино – «Новички на стадионе». Правда, я всю ночь танцевала, а кино совсем не смотрела. Народу было очень много, больше, чем обычно приходило. Была я с той же девочкой, что и в воскресенье. Но, так как мы обе не умеем водить, то я танцевала со всеми. Много танцевала с Леной Елисейевой. Пальто наши вешали Толя с Вовой (раздевалка была переполнена) где-то за кулисами. Они были выпивши немножко. Были на вечере Ванин с Новиковым. Ванин с девчонками очень мало танцевал, стоял с В. Новиковым. Я тоже с ним не здоровалась. Они, мне так кажется, за кем-нибудь следили, потому что были неразлучны.

Сегодня вторник. Мне выходной. Я только что пришла из кино – «Любимец Вены». Мы взяли билеты и пошли к «Нариманову». Там шло кино

– «Таинственный знак». Посмотрели через дверь – сколько народа и вышли. Ванин с мальчишками стояли у клуба. Мы пошли с девочкой Раей смотреть афиши. Он подходит сзади и – «Здравствуйте, вы в кино?». Мы ответили, что идём в театр. Он говорит – «Можно пятого в Нариманове посмотреть». Я говорю – «Пятого нам нельзя идти». Он говорит: – «Очень скучно в театре». Мы поболтали и ушли в театр, а он, я не знаю, где был.

Завтра у нас в Нариманове читательская конференция по книге В. Китлинской – «Мужество». Художественная часть и танцы. Я пойду.

Четвёртого какой-то вечер по пригласительным билетам.

Передай привет Ляле и Виктору.

До свидания – ЛИДА.

Если приедешь шестого, то встретимся в Нариманове вечером. Я буду там, хотя не знаю, что там будет 6-го.

Письмо в Орехово – Зуево из Шатуры

15.03.55 г.

ПРИВЕТ ИЗ ШАТУРЫ!

ЗДРАВСТВУЙ, ИРОЧКА!

Вот сегодня уже вторник, а твоё письмо я всё ещё не получила. Может быть, ты мне не написала. А всё-таки, я тебе пишу письмо. Сегодня утром передавали – «Солдатский вальс». Я списала, кроме одной строчки.

«СОЛДАТСКИЙ ВАЛЬС»

Снежные сибирские белые поля,

С детства сердцу близкая, русская земля.

Ты ли мне не дорог, край мой дорогой (Ира, или
здесь – голубой?),

На границе часто снится дом родной.

В полночи холодные

Я в края холодные не пушу врага.

Светят за рекою строек огоньки

.....земляки.

Повидаться нужно бы мне с подругой вновь,

За хорошей дружбою прячется любовь.

Я вернусь к невесте, в снежные края,

Верю, знаю, что родная ждёт меня.

Снежные сибирские, белые поля,

С детства сердцу близкая русская земля.

Родина, отчизна, я навеки твой,

На границе часто снится дом родной.

Ира, один куплет у кого-нибудь спросишь, который под вопросом. Ира, ты приезжай в воскресенье, хоть я и работаю.

Ира, вчера я смотрела кино – «Газовый свет». Вот кино! Сила, да! Ходила с Кирсановым. Он взял билет «на свои деньги, за мой счёт». Вообще, учтивый мальчик. Сегодня я с двух работаю, он меня у Магиза встретит в десять.

В воскресенье спросил – «Будешь дружить?». Я – «Не знаю». – «Почему?» Я ему сказала – «Завтра скажу». А сама ему опять ничего не сказала. Пусть спрашивает. Точно?

Ира, пиши ответ. Писать больше нечего.

До свидания, целую – ЛИДА.

Сохранилась записочка от Раи Куликовой. Это девочка из деревни Петровское, где мы жили некоторое время.

5.10.55 г.

ИРОЧКА, ЗДРАВСТВУЙ!

Только сегодня узнаю, что ты живёшь у тёти Кати. Для меня это была большая неожиданность. Ира, как мне хочется тебя увидеть! Ведь мы не виделись уже больше месяца. Вы, наверное, только начали учиться? Да?

Ира, я домой езжу всё же часто. Раза три в тот месяц была дома. В это воскресенье, т. е. 2-го октября дома не была, ездили на картошку. Теперь думаю в пятницу или

в субботу поехать домой. Денег совсем нет. Вот думаю сколько-нибудь дома попросить денег.

Ира, не знаешь, приехали ли девочки – Нина П. И Лена К.? Как хорошо, если бы они уже приехали. Мне Галя Петрова говорила, что они должны приехать в начале октября. Знаешь, Ира, как надоело ездить домой и скучать. Ведь, у нас в деревне не осталось почти никого. На улице гулять совсем не с кем. А в клуб ходить почти уже надоело. Кино, почти всегда, когда езжу, бывает старое.

Ира, я живу в общежитии в Зуево, если когда будет время, то приходи в комнату 42. Ира, ты поедешь в эту субботу домой? Если поедешь, то приходи ко мне в воскресенье. Буду ждать. У меня всё.

С приветом – РАЯ.

Из моих старых школьных друзей, почти все продолжали служить в армии, кроме тех, кто поступил в институты. Среди таких был Виктор Варфоломеев.

Несмотря на то, что мы иногда с ним пересекались в клубе им. Нариманова, успели перекинуться парочкой писем...

Письмо в Орехово – Зуево – «Московская область, г. Орехово – Зуево, Красина 4, № курс «Н» Степановой Ире». Из Москвы – «Москва Ж-28, Б. Вузовский 3/12 МТИ Варфоломееву Виктору».

13.02.55 г.

ПРИВЕТ ИЗ ГОРОДА ПЕРВОПРЕСТОЛЬНОГО – ГОРОДА МОСКВЫ!!!

ИРА, ЗДРАВСТВУЙ!

Получив твоё письмо (надеюсь, что ты не против, что я называю на «ты»), я очень обрадовался. Ира, Очень хорошо, что ты на меня не обижаешься. Я тоже на тебя не в обиде, и то, что ты пишешь, что ты мне ничего плохого не сделала, наоборот... напротив, я от тебя видел только хорошее.

Ира, прости, что я не подошел к тебе на вечере в клубе им. Нариманова. Там я встретился с нашими девочками (ничего не подумай, просто хорошие товарищи – одноклассницы), которых я не видел целый семестр. А ты, наверное, знаешь, как приятно встретиться со своими бывшими друзьями, почти сроднившимися за 10 лет учёбы. Но всё равно, всё не переговоришь. На вечере в школе я сначала искал тебя, но не нашел. Встретил девочек тех же, что и в клубе, а потом и очень многих из параллельного класса. Поговорили с ними, потом станцевали немного. Искал тебя среди танцующих. Увы, не нашел. Пошел, и... с горя напился, и весь вечер испортился для меня. Мне было скучно. Но сейчас пока ничего. Всё девочки

надоедают, никак не отгонишь, но я пока справляюсь.

Ира, напиши – сама-то как живёшь? Я живу лучше всех.

*ДО СВИДАНИЯ, КРЕПКО ЖМУ РУКУ – ВИТЯ.
С БОЛЬШИМ ПРИВЕТОМ!*

22.02.55 г.

ПРИВЕТ ИЗ МОСКВЫ!

ИРА, ЗДРАВСТВУЙ!

Письмо твоё получил. За него тебе от всего сердца спасибо. Живу я пока ничего. Недавно получил письмо от Вовки Картавых. Пишет, что живёт очень хорошо, время проходит весело. У меня тоже время проходит весело, правда сейчас идут здесь большинство старых фильмов, которые я уже смотрел.

На 6-ое марта взял билет в оперную студию на оперу «Сивильский цирюльник». Ира, я очень огорчился, когда узнал из твоего письма, что ты ожидала от моего письма чего-то большего. Намекни хотя бы, что это такое – «большее»? Я письма писать не мастак. Домой я писем не пишу, и, вообще, до каникул я ни с кем не переписывался, но, когда мне пришло письмо от тебя, я чрезвычайно обрадовался.

Да, Ира, ты меня спрашиваешь, когда я поеду домой. Вероятнее всего, на день выборов, т. е. на 27-ое

февраля. Да, насчёт девочек. Ты, значит, мне советуешь не теряться? Значит, нужно действовать? Но тебя-то я не потеряю? А? Потом ещё: что это за тон, которым ты кончаешь своё письмо: – «ЕСЛИ ХОЧЕШЬ, ТО ПИШИ»? А?» За кого ты меня принимаешь? Сначала – МИЛЫЙ, а потом?

Ну, если что нагрубил здесь, то прости, Ира, я любя.
До свидания, Ира!

БОЛЬШЕ, ЧЕМ ДРУГ ВИТЯ.

22.02.55 г. ВИКТОР ВАРФОЛАМЕЕВ

9.03.55 г.

ЗДРАВСТВУЙ, ИРА!

Письмо твоё получил. Очень рад, что это письмо оказалось лучше 1-го.

Ира, большое спасибо за фото. Со стипендии и я тебе пришлю своё.

Ира, Вчера мы с ребятами и с девочками гуляли. Вечер прошел «не так, чтобы так, ну и не так, чтобы очень». Вот только я не знал, что делать, ибо я не понял твоего намёка – «показать девочкам, что такое – жизнь и студенты». Расшифруй, если можно, пожалуйста.

6-го я пошел на оперу, но оказалось... идёт «Евгений Онегин», а не «Сивильский Цирюльник». Играли сильно. Особенно мне понравились Татьяна и Ленский. Особенно очарователен – Ленский перед дуэлью, когда

МОЙ ДОРОГОЙ, ЗДРАВСТВУЙ!

Написала и..... задумалась...

Эх, любовь, любовь! А на улице погодка – закачаешься! Солнце ржёт, лужи плачут, а я улыбаюсь. Значит, таскаешься понемножечку по театрам?

Я в Москве на Евгешу тоже ходила, только ещё в прошлом году. Мне там Танька Ларина тоже понравилась. Я сидела в боковой ложе, а ребята, которые были со мной, притащили с собой полевой бинокль, и поэтому можно было у артистов рассмотреть всё-всё – что надо, и что не надо. Вообще интересно...

Окончания нет... Не сохранилось.

Часть 40

Практика

На фотографии – комната нашего общежития.

Моя кровать – справа. Её можно узнать по полочке над кроватью, покрытой кружевной салфеточкой, связанной ещё моей бабусей.

На снимке – не все из нашей группы, а те, с кем мы жили в этой комнате общежития. А мальчики просто пришли в гости.

Я (ИРАИДА) – в верхнем ряду, в серединке, уже – без косичек.

Летом у нас была у всех практика. Я проводила её в Шатуре, а Валя Буянова – где-то ещё. Окончив практику, она побывала в Орехово, а писала мне письмо.

Валя Буянова и я (Ираида)

Письмо в Шатуре из г. Киржача – «Владимирская обл., г. Киржач, ул. Александровская, дом 11, кв. №.3, БУЯНОВОЙ ВАЛЕ».

10.08. 55 г.

ПРИВЕТ ИЗ КИРЖАЧА!

ИДОЧКА, ЗДРАВСТВУЙ!!!

Только что сегодня приехала домой и сразу же решила написать тебе. Написать раньше не было времени, сама понимаешь.

Итак, практика у нас закончилась. Сегодня сдала отчёт о практике, получила деньги, забрала обходной лист, по которому после 20 августа дадут стипендию, если, конечно, будет всё в порядке, и уехала домой на каникулы. Как проведу их, ещё не знаю. Время в Орехово провела весело.

По прежнему была каждый день – с Ю. К., ходили в кино. После тебя посмотрела – «Звёзды на крыльях», «Седьмое небо», «Ляна», «Призраки покидают вершины» и «Я и мой дедушка». Я надеюсь, что и ты тоже всё успела посмотреть. Юрка в Киржач приехал, но мы виделись с ним очень мало. Он с поезда, а я на поезд, ничто друг другу не сказали, а все пять минут стояли, держась за руки, и, как глупенькие, смотрели друг на друга. Теперь, наверное, встретимся не раньше субботы.

Ида, я тебя очень прошу, посмотри, пожалуйста, у себя книгу – «Первые радости». Мне кажется, что ты

её увезла, а она из библиотеки. Твои библиотечные книги я взяла себе, хотела сдать, но не знаю номер твоего ученического. Привезу, когда приеду. И ты тоже,хвати, пожалуйста, если она у тебя, хорошо?! Я собираюсь ехать 20 августа, а ты когда приедешь? Пиши, кем ты работаешь, как проводишь время, вообще пиши обо всём. Получила ли письмо от Генки?

Пока до свидания. Напиши, как дела у Светы.

Вроде всё написала. Жду с нетерпением ответ. Пиши быстреей.

Передавай всем по большому привету, бабусе, папе, Борису, Миле и Свете, если она у вас, а так же всем знакомым.

Тебе привет от наших. Ещё раз до свидания.

Целую тебя – ВАЛЯ.

На практику я ездила в Шатуру. Отец сделал мне «вызов». Нам разрешалось не ездить на практику туда, куда посылает техникум. Нужно было только привезти справку о том, что организация согласна принять на временную работу с оплатой...

Многие девочки до этого вообще не знали, – что представляет собой работа на стройке. Вернулись с практики все с кучей разных впечатлений.

Я практику проходила помощником мастера на растворном узле.

Работа заключалась в том, чтобы постоянно следить за тем, чтобы в мешалку закладывали песок и цемент строго

в соответствии с пропорциями. Поскольку в основном готовили раствор только двух-трёх марок, делать в общем – то на работе было нечего... Но мне немного даже заплатили за время работы на растворном узле.

Все понимали, что – практика – это далеко не то, что нас ожидает на настоящей работе, после окончания техникума.

Когда мы все вернулись с практики в Орехово-Зуево, нам, теперь уже студентам 4-го курса, предоставили общежитие, которое освободилось после выпускников.

С получением общежития жизнь моя и Валюшина изменилась в корне. Не надо было раньше вставать, общежитие было не очень далеко от техникума. Был свой клуб и столовая. Не нужно было питаться всухомятку. Правда, для этого нужны были деньги. Но они у меня в небольшом количестве появились.

Помню, как перед стипендией, когда уже ни у кого не оставалось денег, мы устраивали «субботник». Мы собирали по тумбочкам и из-под кровати пустые банки (мы их никогда не выбрасывали), мыли их и сдавали в пункт приёма тары. На вырученные деньги мы закупали батоны хлеба. Тогда продавали хлеб, который пекли с добавлением гороховой муки. Ещё покупали пару колясок конской колбасы (типа сегодняшней докторской, только красноватого оттенка). На оставшиеся деньги брали билеты в кино. Как правило, мы своей компанией занимали целый средний ряд. Днём кинозал был полусвободный, и места можно было занимать – где

хочешь. И вот, когда начинался фильм, мы разламывали и делили хлеб и колбасу и с наслаждением жевали. Запах от конской колбасы растекался по воздуху. Сначала начинали оборачиваться сидевшие на ряду перед нами, а потом и все остальные. Это было что-то!

В общежитии мы жили в комнате, в которой стояло пять или шесть коек. Поэтому всегда было шумно и весело. Хотя, иногда бывали и ссоры.

Тихо становилось только в выходные дни и на праздники, когда все разъезжались по домам. Я часто оставалась в общежитии одна, да ещё девочка, которая училась на курс младше – Катя Жильцова. Мы с ней сдружились. Она могла часами слушать мои фантазии (именно фантазии, а не философские рассуждения), немного рассказывала о себе. Вместе мы несколько раз ездили в Шатуру, поэтому она была знакома и с бабусей, и с Борькой. В общем, мы как-то сроднились, а Валя Буянова немного отошла в сторону. Нет, нас многое связывало, но наша дружба будто растворилась в общей атмосфере студенческого коллектива. Катя – это было что-то совсем другое. Когда её не было рядом, мне её явно не хватало.

У нас в техникуме училась Валечка З. Мы с ней жили в одной комнате в общежитии. Она была курсом старше, и окончила техникум раньше нас. Распределение она получила в Шатурский район, в Рязановское торфопредприятие. Оттуда она писала, и мы даже иногда встречались, но сохранилось

ТОЛЬКО ОДНО ПИСЬМО.

Г. Орехово – Зуево, ул. Красина, Торфяной техникум, СУ-41. Степановой Ире». – из «Московская область, Шатурский район, Рязановское т/пр., Центральный посёлок, Главконтора, от З. В. Ф.».

8.10.55 г.

ПРИВЕТ ИЗ РЯЗАНОВКИ!

ЗДРАВСТВУЙ, ИРА!!!

С огромнейшим приветом к тебе – ВАЛЯ З.

Ира, не знаю, с чего начинать. Во-первых, если можешь, прости. Я думаю, что ты меня простишь, знаю – твоё сердце не позволит обратного. Надеюсь, что ты меня простишь авансом, и начинаю описывать жизнь-бытьё. Живём не хорошо и не плохо. С работой пока ничего. Конечно, Ира, бывают и огорчения, и радостные минуты, ну, конечно, плохого в жизни всегда преобладает. Живём в комнатке вдвоём, оклад – 700 рублей.

Вот вкратце такие дела. Ирочка, миленькая, при встрече всё расскажу в красках. А встречу обещаю и требую от тебя на Октябрьскую, если не раньше.

Ира, приехала бы ты до Октябрьских сюда, это было

бы замечательно.

Ира, как у тебя дела во всех отношениях? Где живёшь, как, что, не трудно ли в денежном отношении, как дома? Ира, пиши мне всё-всё.

Ира, время летит быстро. Его я так провожу:

В 6 утра просыпаюсь, к 8-и на работу. В 6 вечера прихожу домой, умываюсь, поем и спать, иногда в кино. Клуб здесь хороший, танцы не плохие, молодёжи всё-таки много, но понимаешь, такое безразличие, что просто жить не хочется.

Ира, на посёлке народ – сплетни пускать, это его просто основное занятие.

Вечером придёшь домой, надо отдохнуть, а тут в дверь начинают барабанить, того гляди дверь полетит. Эх, Ира, при встрече всё расскажу.

Эх, Ира, помнишь, как мы с тобой разговаривали о работе. Всё в жизни грубее, и всего предусмотреть нельзя.

Ира, у меня не сердце, а камень от всех переживаний. Прошу тебя, Ира, если ты в меня веришь, хотя немного, не покидай меня вот в эту минуту, поддержи, ты сумеешь. Ира, ведь я в общежитии не была, кажется, уж слишком гордой и злой, здесь же все твердят мне об этом. Ладно, пусть говорят, зря не скажут.

Ира, пиши все новости о техникуме, вообще обо всём. Да, учится ли Валя Буянова. Если учится, передай привет ей и Юле. Конечно, передавай привет Саше Фроловой. И Ильиной Светлане.

До свидания. Жду с огромным нетерпением ответ.

Ира, передай привет от меня и Лиды – Константин Андреевичу Петрову огромный привет.

ВАЛЯ.

Да, есть над чем задуматься...

Но что будет с нами всеми, когда мы окончим техникум – мы узнаем через полтора года. А пока будем жить сегодняшним днем.

Часть 41

В лес по ягоды

В начале учебного года произошел случай, который чуть не стоил мне жизни. У нас в группе учился Вовка Клюев. Его так все и звали – Вовка. Был он неказист, лицом не красавец, но очень любил одну из моих подружек – Валечку Калинину.

Жил Вовка на окраине Орехово – Зуева. Недалеко за городом начинался лес. В тех местах, вообще-то кругом были леса. И вот нам Вовка рассказывает, что поспела клюква и брусника, и мать его собирает много ягоды в лесу. Ну, мы загорелись – пойти по ягоду.

В выходные, я, Валя и Вовка (за проводника), пошли в лес ранним утром. С краю леса нам много встречалось ягодников, но ягод было мало. Пошли дальше. Лес стал старым, с буреломом.

Не знаю, как получилось, но Вовку мы потеряли. Ягоды стало больше. Мы набрали по пол бидончика каждая. Можно было бы и больше, да мы не умели её собирать. Настоящие ягодники ходили со специальными совочками. Совочки были деревянные, чтобы не мять ягоду, и со специальными прорезями, как у вилки. Поддеваешь совочком густые кустики, веточки сквозь прорези проскальзывают обратно, а ягоды скатываются в совочек. У нас, естественно, таких совоч-

ков не было, поэтому, мы кланялись каждой яголке.

В общем, мы потеряли не только Володьку, но и сами не заметили, как заблудились. Уж мы аукали – аукали. Никого кругом не было. А под ногами захлюпало. Мы слышали, что места болотистые, но что это значит, не представляли. Местами мы проваливались по щиколотку. Почва под ногами пружинила. Перебирались с кочки на кочку.

Неожиданно на нас, как говорят – лоб в лоб, откуда-то вывернулись два парня. Мы обрадовались. А они говорят, что сами заблудились. Но идти стало веселее. Ребята впереди, а мы – за ними.

Наконец, мы вышли к какому-то озеру. Озером мы его называли, потому что перед нами раскинулась гладь воды. Но на самом деле это было тоже болото, потому что под водой в некоторых местах виднелись моховые кочки. Стали пробираться по болотистому берегу. И, вдруг, неожиданно, у берега наткнулись на плоскодонку. Кем она была оставлена здесь? Вёсел не было. На дне плоскодонки было немного воды. То ли протекала она, или зачерпнули те, кто плыл в ней?

Ребята сразу же сказали, что нам надо на тот берег, так как, по их расчётам – город был в той стороне. Мы, естественно, говорим, что поедем с ними, иначе, мы отсюда не выберемся. Вёсел нет. Нашли длинный шест, на случай, если застрянем. Ребята нашли куски толстой коры. Мы сели в лодку. Кусками коры «гребли» по воде вместо вёсел. Это было чуть лучше, чем просто грести руками.

Очень медленно, но мы всё – таки приближались к противоположному берегу. Где-то на середине болотного озера, лодка дала течь. И также медленно, как мы продвигались вперёд, лодка наполнялась водой. Ребята заволновались. Один из них говорит – «Вот так. Если лодку засосёт, мы погибнем все. Чтобы выжить, нужно скинуть груз. А груз – это кто? Правильно молчите, значит, поняли – это вы. Сами решайте с кого начнём? Кого первую будем выкидывать?».

Мы поняли, что они не шутят. Внутри всё от страха не просто замерло, а замёрзло. Лодка наполнилась водой на две трети. Собственно, мы сидели в воде. До берега оставалось несколько метров. Под днищем стали сгущаться водоросли и трава, значит, дно близко. Ребята стали шестом прощупывать дно, а когда почувствовали его, стали опираться на него, и отталкиваться. Медленно, но упорно продвигались к берегу.

Наконец, когда берег был уже почти рядом, один из ребят не выдержал, и спрыгнул в воду. Дно оказалось твёрдым. Он дотолкал плоскодонку до берега. Мы вылезли мокрые, дрожащие от пережитого страха. Ребята сказали – «Молитесь Богу за спасение. Вам повезло. Мы ведь, не шутили»... С этой стороны озера берег был твёрдый, до города, действительно, было в эту сторону.

А Вовка Клюев, на следующий день, пришёл на занятия обиженный. Он решил, что мы нарочно от него сбежали...

Часть 42

Памяти Виктора Рябчикова посвящается

1955 год.

Время шло... И, хотя я продолжала писать письма мальчишкам, вся эта игра с перепиской не мешала мне флиртовать и встречаться с ребятами, которые были рядом.

Как-то так получилось, что до окончания 10-го класса я не выделяла из компании ребят кого-то одного. Мы дружили и держались «стайкой».

Но потом – то ли я повзрослела, то ли мне надоели детские забавы. Но я уже стала выделять из всех поклонников кого-то одного. Мне уже интереснее стало – бегать на свидания, провожаться вечером, стоять подолгу в подъезде, целуясь сладко, и выслушивая любовные признания. Ведь мне уже исполнилось в этом году 20 лет...

В 55-ом я остановила свой выбор на Викторе Рябчикове.

Наша переписка и наши редкие встречи (он учился в Москве, а я – в Орехово – Зуево) забавляли меня. Он был старше меня. Мне было интересно – смогу ли я вскружить ему голову, как не раз случалось с другими мальчишками. На этот раз я зашла слишком далеко. Он не только влюбился, но и сделал мне официальное предложение выйти замуж...

Можно было бы не приводить здесь полностью его письма. Но, в результате несчастного случая он погиб, вскоре, после окончания строительного института. И у меня осталось чувство определённой вины. В общем-то, я влюбила его в себя, и проявила жестокость, резко оборвав иллюзию нашей дружбы.

Вероятно, по моей вине он прошел через период разочарований и переживаний.

Из его писем видно, как он, медленно, сопротивляясь, погружался в воронку омута неразделённых чувств. А я не понимала, что играть чужими чувствами – всё равно, что шутить с огнём. Можно обжечься самой (но это будет моя воля), а вот опалить чувства другого человека – граничит с жестокостью...

Вспоминая здесь о нём, я, как бы, каюсь в своих давних поступках...

Он жил в доме, который стоял в глубине нашего двора и чуть в стороне от переулка, по которому нужно было спуститься к центральной улице. Но короче была дорога через наш двор, поэтому Виктор часто пробегал мимо. Учился он в Москве на последнем курсе института, был старше меня на несколько лет. Жил он с отцом, матерью и сестрёнкой – Галочкой. После школы она не устроилась никуда учиться, может быть, не попала по конкурсу. Работала она продавщицей мороженого. А потом она вроде бы вышла замуж и куда-то уехала. Виктор был интересным молодым человеком,

немного разбитным.

У наших девчонок со двора, он пользовался успехом, но, ни на кого не обращал внимания. Водился он с ребятами, которые тоже были студентами. Встречаясь в Шатуре по выходным, они могли и выпить при встрече. И вообще, они держались всегда обособленно от нашей подростковой компании. Меня это где-то не то, чтобы задевало, а вызывало любопытство, и подсознательно, возможно мне хотелось доказать, что для «побед на любовном фронте» у меня нет преград...

Как-то однажды, когда как раз со мной в Шатуру приезжал кто-то из девочек, уезжая, мы пришли на вокзал раньше времени. Туда же пришли Виктор Рябчиков с друзьями – Женей и Борисом. Как-то так получилось, что мы попали в один вагон в поезде, и даже места заняли рядом. Невольно завязалась беседа. Я держала себя немного вызывающе, а Виктора всё время старалась подковырнуть, то есть, вела себя задиристо. Может быть, именно это заставило его обратить на меня внимание. Он был очень самолюбивым, и обид не терпел, и не прощал. Его друзья болтали с нами, старались нас рассмешить. Прощаясь, они попросили у нас адрес, чтобы переписываться. Мы дали. Этот адрес Виктор у них забрал. Написал письмо. Я ответила.

Так начался наш «роман», который длился почти год. В его письмах я не буду выделять отдельные места. Они интересны в целом.

Я заметила, что большой объём, в составе написанного,

занимают письма. Но именно в них иногда содержится информация, которая будет не интересна и искажена, если её излагать своими словами.

Но сначала я расскажу о том, как мы с ним ездили к Вале в Киржач.

У Вали Буяновой приближался день рождения. Она решила отметить его дома. Пригласила меня, и с моей подачи – Виктора Рябчикова. Он сначала не решался, а потом согласился. Встретились мы в Орехово – Зуево, куда он приехал, а потом все вместе поехали в Киржач, к Вале домой.

Валина мама помогла накрыть стол. Был ещё один Валин местный знакомый мальчик. Праздник прошел как-то скучновато. Мне раньше не приходилось выпивать.

Первый раз, помню, я попробовала браги в Вельяминово. Второй раз – в коженно-обувном техникуме. Было какое-то студенческое застолье, на котором собралась вся группа. Праздновали в складчину. Водку разливали всем понемногу. Я выпила, вроде бы ничего не почувствовала, но всем объясняла, что водку пью первый раз. Третий раз я выпила немного вина, когда в Петровском отмечали с мальчишками первомайские праздники у Нюрочки Кириллиной дома. И вот в этот раз, я в четвёртый раз в жизни, выпила вина. У меня страшно заболела голова. Так сильно заболела, что я, практически, свалилась в постель. Праздник был испорчен полностью. Меня отпаивали анальгетиками, а потом Валина мама уложила меня пораньше спать. Вот и весь

праздник...

Кстати, в минуты откровений, на которые я любила вызывать собеседников, Виктор рассказал мне про свою не состоявшуюся любовь с девушкой Надей. Для меня этого признания было достаточно для того, чтобы потом долго его этим фактом прикалывать и поддразнивать. Конечно, это не совсем честно, но...

Мы с Виктором продолжали встречаться в те дни, когда оба приезжали в Шатуру. Гуляли по Шатуре, ходили в кино и на танцы. И каждый раз подолгу стояли на крылечке. В дом вели двойные двери, правые половинки которых были всегда открыты, а левые – закрыты постоянно. Обычно, если домой возвращалась «парочка», (как правило, кто – то из них проживал в этом доме), то они прятались в тамбуре, между этими нераскрывающимися половинками дверей. Можно было там целоваться. Но мы с Виктором не целовались, хотя я его не раз провоцировала на эти подвиги. Он говорил, что боится перешагнуть грань, которая нас разделяла до сих пор и ограничивала только письмами и платонической любовью. Он говорил, что боится потерять голову до такой степени, что допустит ошибку в наших отношениях, и потеряет меня, как свою первую любовь – Надю.

Тем не мене, дома он рассказал, что влюбился, рассказал обо мне, и о том, что хочет жениться, но не решается сделать мне предложение.

ПИСЬМА ВИКТОРА РЯБЧИКОВА

9 февраля.

Привет из Москвы!

Ира, здравствуй!

Довольно таки быстро я начинаю тебя беспокоить. Понимаешь, Иринка, боюсь затеряться в числе твоих многочисленных поклонников и опекунов, боюсь, что мои жалкие слова потонут в их похвальных речах о тебе. Поэтому и пишу тебе побыстрее, пока они тебя ещё не нашли.

Шучу, конечно. За такие слова ты бы мне прямым ударом... И, признаться, я опасаюсь этого. Что же мне написать тебе, чем покорить твоё гордое сердце? Ведь, о наших отношениях писать слишком рано. Мы знаем друг друга очень мало, и, конечно, полного представления друг о друге не имеем. Но и за эти немногие часы мы иногда показывали себя с плохой стороны.

И я, и ты, так что, не удивляйся, если я говорю «мы». Да и думала ли ты в это время о будущем,

о том, что между нами что-нибудь произойдёт. Ведь, когда встречаются в первый раз, над этим вопросом не задумываются. И стоит ли? Ведь, в жизни бывает очень много встреч, и только одна из них бывает решающей. Только одна положит начало хорошей, крепкой дружбе. Мне, почему-то запомнились слова одной хорошей писательницы. Она говорила, что дружба возникает не сразу. Она воспитывается во встречах, познаниях, взаимных обидах. Это, конечно,

общеизвестные слова. У меня, может быть, получается очень просто, слишком прямо я высказываю свои мысли. Не в лезть себе самому, что я вообще лгать не привык. Бывают, правда, погрешности, но не без этого. Я знаю, что тебе очень обо мне плохо говорили, и я точно не знаю, сумел ли я своим «примерным» положением хоть на треть разуверить тебя. Но это не так важно. Дальнейшее покажет всё, и я надеюсь, что мы узнаем друг друга поглубже.

Ты, Иринка, не думай, что я вот так прямо набиваюсь со своей дружбой. Зачем мне это? Мимолётного увлечения мне не нужно, а для большого – время ещё не подошло.

В письмах написать можно много и хорошего, и плохого. Ведь, краснеть не приходится. Гораздо важнее и труднее сказать всё с глаза на глаз. Ведь, мы с тобой только товарищи, может быть, немного больше. Может, мы немного увлеклись друг другом, но разлука поможет забыть это с условием, если этого хотим.

Я думаю, что вообще стоит задуматься над таким

вопросом. Ну, хватит об этом. Я надеюсь, что ты затронешь этот вопрос. Рассказать о себе нечего. Как-то чувствую себя неловко на новом положении, хочется ещё пошалить, хочется ещё погугать тебя.

Но вместо этого, делаю из себя учёного мужа, усердно начинаю грызть науку.

А Москва сейчас не приветливая, грязь, лужи, и всё старое.

Знаешь, Ира, у меня точь в точь получается, как у Чеховского Ваньки. Смешно получается. Ну, ты, наверное, знаешь, как трудно в первый раз писать письмо, когда всё туманно. Поэтому и не находишь нужных слов. Разве сравнишь моё письмо с письмами твоих поклонников, и у меня к тебе просьба – пришли хоть одно – поучиться. Я серьёзно прошу. Напиши, не писал ли тебе Володя, который провожал меня. И советую с ответом не задерживаться, а то я в этих вопросах очень щепетилен и промедленья не терплю.

Ну, на этом закончу, бегу в институт.

До свидания. Будешь писать Лиде, от меня привет.

Жму твою руку – ВИКТОР.

Сохранилось маленькое, не отправленное мной письмо.

ВИТЯ, ЗДРАВСТВУЙ!

Приехала только сейчас из дома. Праздники провела плохо. Письмо твоё получила. Отвечаю, как ты просил, немедленно. За долгое молчание сначала обиделась,

а теперь уже не обижаюсь больше. Как ты провёл праздники? Ездил ли домой?

Валя писала, что я болела. Она преувеличила немного – просто так, немножко простудилась, но теперь уже давно здорова, чего и тебе желаю.

Спасибо, что Женя и Борис не забыли меня. Передай им большой привет. А тебе привет от Вали.

Знаешь, Витя! Мне немного странно, почему ты меня в своём письме называешь другом? Ведь, мы почти друг друга не знаем. А, чтобы назвать человека другом, нужно его хорошо знать, уважать, и, может быть, даже любить... А мы всего только один раз виделись... в вагоне поезда. Так ведь?

Витя, напиши, пожалуйста, что ты понимаешь под словом – дружба и друг. Фотокарточку выслать могу, но вышлю лишь тогда, когда ты пришлёшь мне свою. Хорошо?

Учусь пока хорошо, но, вероятно, заработаю выговор, т. к. удрала с Валею в субботу с занятий – поехали домой, а в воскресенье не приехали на демонстрацию.

Пиши о себе. Высылай фотокарточку, если хочешь получить мою.

С горячим приветом – ИРА.

15 февраля.

ЗДРАВСТВУЙ, ИРА!

С горячим студенческим приветом к тебе – Виктор. Ты, наверное, на меня сейчас страшно обиделась, ведь, я не исполнил твоего приказа. Виновато письмо – оно во время не пришло. Получил я его вчера, так что, немного обидно, что нашей встречи не было. Но я не теряю надежды. Когда-нибудь мы ещё встретимся, и я ещё покрою твою буйную головушку снегом. Интересно, каким тоном ты пишешь письма. Прочитав твоё письмо, я даже удивился. Неужели ты думаешь, что ты надо мной имеешь большую власть? Или, может быть, все твои поклонники немедленно исполняют твои желания? Чем же тогда объяснить, что ты, не спрашивая моего мнения, коротко и ясно приказываешь приезжать. А, ведь, я ещё не подавал повода к этому. Я не объяснялся в любви, не клялся в верности. Так почему же ты мне приказываешь? Так хорошие друзья не поступают. Ведь, если ты слишком горда, то и во мне этого достаточно, ты сейчас хочешь, чтобы я приехал, чёрт побери, я тоже этого хочу. А, если бы я не хотел, тогда твоё хотенье тоже было бы ни к чему. Удивительно сильно в тебе самолюбие. Я и не скрываю, ты мне нравишься, но я никак не пойму, что ты за человек. Серьёзности в тебе совсем нет, или же ты это просто дурачишься.

Шатура – слишком дорогое место свидания. Конечно, я признаю, что любовь делает чудеса, и

сумасшедшие поступки. Но, ведь, в нас это только зарождается (смею надеяться на это). Почему же мой не приезд будет иметь для меня плохие последствия? Выходит, что ты для меня делаешь снисхождение, и что от нашего разрыва пострадаю только я. Запугивать меня не стоит. Это глупо и смешно.

Ты считаешь, что бросишь со мной переписываться, будешь проходить гордо при встрече, нанесёшь смертельный удар моему влюблённому сердцу. Отчасти ты, может быть, попадёшь в цель, а отчасти ошибаешься. Что же ты за человек, если из-за всяких пустяков будешь рубить молодые неокрепшие чувства. И я тебе советую сделать именно так, если ты, действительно ничего ко мне не имеешь. Ведь, размолвка в зародыше переносится гораздо легче. Сидеть дома тебя никто не заставляет. Я на это права не имею, ведь, я тебя не купил. Это твоё личное дело. У тебя есть свой разум и ты подчиняешь ему свои поступки. Я думаю, что не снежным комом я заставлял тебя гулять до 2-х – 3-х часов, да и ты сама об этом говорила. И я очень рад за тебя, что ты всё говоришь начистоту. Пожалуйста, не сердись. Я не хочу видеть тебя сердитой, а такой, какая ты есть на самом деле. Только будь немного попроще, пока жизнь тебя не испортила.

Очень тронут твоей заботой, но зимнего пальто мне не нужно. Я почти не бываю на улице. Вот, если бы ты была в Москве, тогда дело другое.

Спасибо Вале, хотя я и не знаю её, но мне кажется,

что она очень хорошая. Ты всюду хочешь быть одна, но, поскольку я знаю, тебе этого никогда не удаётся. Кругом тебя сразу же появляются поклонники. Они тянутся к тебе, как к чему-то возвышенному, идеальному. И это их привораживает в тебе, в том числе и меня, не знаю? Может быть оттого, что скромность ты умеешь сочетать с развязностью. Что же, это не плохо, по крайней мере, никогда не скучно. Везде найдётся с кем провести время, и старые встречи забываются.

Если, Ира, ты, действительно, хочешь ехать одна на день рождения, то я не воспользуюсь приглашением Вали. Я никогда не был навязчив ни в каком отношении. Обижаться я не буду, если только чуть-чуть.

Иринка, ведь, у тебя, кажется, есть друг, для которого тебя берегли в Шатуре, правда, плохо берегли. Неужели об этом не знает Валя, или она со счёта сбилась? Тогда, конечно, не удивительно, что такое звание присвоила и мне. Но меня это не устраивает, ни сейчас, ни в дальнейшем. Товарищей может быть много, а вот друзей – только один, если он, конечно, друг твоего сердца.

Значит ты описала Вале мою внешность, не лестную для меня. Ну, что же, я никогда не слыл красавцем. Но лучше бы было, если бы Валя сама, без чужой помощи, сложила обо мне своё мнение. А насчёт «жениха», ты мне начинаешь серьёзно надоедать. Я знаю, что это ты говоришь не серьёзно, просто хочется подурачиться. А то бы я тебя совсем убил. Шучу, конечно. Интересно, точно ли, после описания моей

внешности, Валя взяла слово «друг» назад, или же при твоим непосредственным попечительстве?

В первом письме ты мне передавала привет от каких – то Вов и Витек. Ответь им тем же, но, пожалуйста, напиши, кто они, может быть, такие же студентики у тебя, как и я.

Ну вот, я вроде бы и выдохся. Может быть, я в чём-то не прав в отношениях к тебе, но ты, Иринка, не обижайся. Я, ведь, всё-таки немного постарше тебя. До свидания, Ира. Мне кажется, мы скоро встретимся, было бы желание.

Ира, передай, пожалуйста Вале мою записочку.
С приветом – ВИКТОР.

ЭТО ВАЛЕ.

ВАЛЯ, ЗДРАВСТВУЙТЕ!

Очень благодарен Вам за приглашение, и буду очень рад познакомиться с Вами. Вы меня немного знаете со слов Иры. Действительно, я страшен, мямля и пьяница. Вашим приглашением воспользуюсь только с согласия Иринки. А она такая девчонка, что не поймёшь, чего она хочет. Только из меня плохой кавалер. Я очень плохо танцую и ухаживаю за девушками. Так что, Вашей компании я буду только мешать.

Извините, Валя, за беспокойство. До свидания. С

приветом —
ВИКТОР.

17 ФЕВРАЛЯ

ИРА, ЗДРАВСТВУЙ И ПРОСТИ!

За то, что не мог понять тебя, за то, что писал такие письма. Спасибо за откровенность, спасибо за нравоучение. Это мне не мешает, и подчас очень полезно. Не пойму, что со мной творится. Хочется много сказать тебе, а мысли путаются, переплетаются, и нет им выхода из моей удалой головушки.

Ты пойми меня, Иринка. Те два письма писал не я, вернее, писал их вчерашний Витяй. Сегодня я бы таких писем не писал, и счёл бы их глупыми и не нужными. Оправдываться в своих каких – либо поступках я не привык. Но мне как-то не удобно, и немного стыдно. Сейчас я живу мечтой о встрече. Я тебе так много должен сказать. Ответить на все твои вопросы. А эти вопросы очень серьёзные. Придётся вспомнить всю свою жизнь, заглянуть внутрь, и посмотреть, было ли у меня там что-нибудь чувствительного.

Ты не понимаешь, и удивляешься, как это из многих, лучше меня, и внешностью, и душевной красотой, ты выделила меня. Мне приходится удивляться вдвойне. Ты права, что сердцу не прикажешь. Говорить о любви, раскрыть смысл этого слова я не могу. Это слишком для меня сложная проблема, и в то же время непонятная.

Ведь, пока не испытаешь сам, пока не поймёшь своим сердцем – всё, что говорят и пишут об этом, кажется выдумкой.

Но, ведь, кто из нас смертных не задумывался над этим вопросом. Жизнь без любви – это ничто, она будет безрадостной. И вот, когда приходит молодость, со дня на день ждёшь, что тебе встретится человек, которому ты доверишь всё, с кем будешь делиться и радостью, и печалью. Иные слишком рано испытывают это. Но не всегда всё хорошо устроено в жизни. Иной раз не разберёшься в своих чувствах, и, кажется, что любишь. Но стоит случиться какой-нибудь неприятности – всё летит к чёрту. И приходится горько разочаровываться. Ты не подумай, что со мной что-нибудь случилось. Но, ведь, у каждого из нас есть товарищи, и на их ошибках нам приходится учиться. Что у меня за дурацкая привычка говорить во множественном числе.

Ты извини меня, Ира, я буду хорошим мальчиком. Ты понимаешь, что после твоего письма, я ни о чём не могу думать, мне кажется, что сейчас я с тобой, что мы забыли детство. Ты прямо и откровенно говоришь мне о том, что я тебе нравлюсь, ты не задумываешься, что я за человек, чем я живу, к чему стремлюсь. Правильно. Так поступают смелые, гордые люди, уверенные в себе и в своём будущем. На меня, да и на тебя тоже возложена очень большая задача. Мы должны ответить друг другу взаимностью, и я хочу, понимаешь, хочу, чтобы мы были с тобой хорошими, искренними друзьями. Было бы желание, в успехе я не сомневаюсь.

Я в этом письме не смог ответить тебе прямо и чётко, что я имею к тебе. Я сам удивляюсь, но ты поймёшь меня. Нам очень, очень нужна встреча. Правда, я боюсь, что и при встрече не смогу сказать, я ещё не доверчив. Слишком быстро, и как-то неожиданно ты меня ошеломила, так, что я ещё никак не опомнюсь. Но я в долгу не останусь. Писать о любви я, может быть, и смогу. Но слишком много говорить об этом, но не чувствовать – большая глупость. Я лучше буду больше молчать, а сердце подскажет, и поможет разобраться во всём.

Оставим этот разговор до встречи. Если я приеду с Куровским поездом, то я найду тебя там, если же с Черустиным, то в Шатуре. Придётся дать отставку моему тёске.

Не будь злой, и не пытайся мне отомстить. Сейчас бегу в институт. До свидания. До скорой встречи, Иринка. Огромнейший привет твоей без секретной подруге Вале.

Крепко жму твою руку – ВИКТОР.

24 ФЕВРАЛЯ

ИРА, ЗДРАВСТВУЙ!

С горячим приветом к тебе – Виктор. Ну вот я и снова в Москве. Опять всё идёт по – старому.

А вчера было очень красиво. Всей группой смотрели

салют. Какое великолепное зрелище. Затем в институте был вечер. Как я жалею, что не умею танцевать. Чувствовал себя совсем одиноким, никому не нужным. Как всё нехорошо, да ещё ты заботы прибавляешь. Ну, положительно не знаю, что тебе писать, как повлиять на твоё гордое сердце.

Последнее твоё письмо содержит директивы моего поведения по отношению к тебе. Ты прямо говоришь, что какое бы начало не было, конец будет один. Ты посмеёшься надо мной, и презрительно отвернёшься. Я мало этому верю, но задумываться приходится. Неужели твоё сердце – камень, что его ничем нельзя достать и нельзя забросить в него искру любви? Не верю, ты такой же человек, как и я. Последняя наша встреча мало ясности дала на наши взаимоотношения. Мы ничего не говорили друг другу о своих увлечениях. Но мне кажется, что ты для меня много значишь.

Писать открыто о своей любви к тебе – я не имею права, потому что я ещё не разобрался в своих чувствах, да притом и не знаю, как об этом писать.

Понимаешь, Иринка, я очень не люблю исполнять прихоти девчонок, быть безнадежно влюблённым, зная, что взаимности не имею. Это мне кажется глупо. В то же время, я не могу найти слов той, которая мной интересуется.

Вообще, женское общество для меня – тёмное место. Я в нём теряюсь. И потом, я не признаю любви с первого взгляда. Мне кажется, что настоящая любовь появляется в процессе крепкой, крепкой дружбы. Это

не значит, что за время дружбы я буду выискивать в тебе то, что можно любить. Ерунда. Правда, некоторые мои товарищи пытаются убедить меня, что самая лучшая, крепкая любовь именно с первого взгляда. Ну, тогда же можно любить очень много, если нравится только внешность. Мне кажется, что жить придётся не с красивыми глазами, а с человеком, а вот какой души человек, это можно понять со временем. Не мне об этом судить.

Ты писала мне, что тебе хочется вернуть свою юность, хочется пошалить, вскружить мальчишкам головы. А представь себе, что и мне того же хочется, хотя я и взрослее тебя. Но надо не забывать, что кружа головы другим, как – бы не закружиться самому. Почему же ты мне показалась в последнюю встречу такой серьёзной, какой-то задумчивой. А тебе, Ира, томность очень идёт. И, пожалуйста, не думай, что ты делаешь плохо. Если меня девушка уважает, я никогда не сделаю ей ничего плохого, я боюсь спугнуть и оттолкнуть её чересчур горячими признаниями и недозволенными поступками. Хотя особенно ругаться не могу, ведь мне уже 21 год, и адский огонь иногда бурно горит в моей крови.

Ирочка, я прошу, не показывай этого письма Вале. Она же надо мной посмеётся, слишком уж неловко у меня всё получилось. Но я, как хороший мальчик, со временем исправлюсь.

Теперь поговорим о 27-ом. Так мы и не договорились о месте и времени встречи. Ответа получить на это

письмо я не успею. Как же теперь быть? Может быть, ты уже расхотела меня видеть? Ну, ладно. Во-первых, я должен приехать, хотя бы силком вырваться от обязанностей шафера. Давай договоримся так. Я приеду к обеду. Вот только не знаю, когда ходят поезда на Орехово. Попробую найти ваш техникум. В общем всё так не определённо. Если решу, то с первым поездом. Узнай когда он приходит, и встречай меня на вокзале. Боюсь, что этого письма ты к субботе не получишь. Если я не ошибаюсь, то поезд на Киржач идёт в 5 часов. Если не встретимся раньше, то тогда в 4 часа. Идёт?

На всякий случай: поздравь от меня Валю с днём рождения, поцелуй её за меня, а я приеду, отдам тебе.
До свидания – ВИКТОР.

2 марта

ЗДРАВСТВУЙ, ИРА милая сумасшедшая девчонка!

Прошло два дня после нашей встречи. А эта встреча для меня очень много значит. Сейчас я могу сказать, что я почти узнал тебя. Я знаю, как ты жила раньше, что тебя интересует сейчас, и все твои планы на будущее.

Ира, ты правильно сделала, что выдала мне свои тайны, свои переживания и свои стремления. Это значит, что ты меня уважаешь и веришь мне. Скажи, Иринка, имею право я говорить так? Если нет, то извини меня пожалуйста.

Я не думаю, что ты всем давала читать то, что посчастливилось мне. Теперь я хочу высказать своё мнение о том, что я читал и слышал. Может быть, я и преувеличиваю, но то, что я скажу сейчас, является единственной причиной тому, что я не знаю. Как строить мои отношения с тобой.

Итак, начинаю.

Может быть, тебе надоело, но я начну именно с поклонников. Попробую разобраться без тебя, почему ты никого из них не любила, а тебе же хочется этого. Мне кажется, что всему виной является вымышленный образ молодого человека. Годами создавалось в твоём воображении мнение о друге. Эту мечту ты лелеяла и в детстве, и в юности.

Не знаю, может быть, ты воспитывалась на средневековых романах с их чудесными героями, пылкими любовниками. И вот такого же героя пылкого, сильного, способного делать головокружительные поступки, ты видела во сне. Он был неразлучно с тобой в твоих девичьих грёзах. Твоё сердце замирало от мнимой его близости, ты страстно ждала, надеялась, что он будет именно таким, каким ты его себе представляла.

Но, ведь, в наш век таких героев очень и очень мало. Но попадись одни из них на твоей дороге, и ты сразу полюбишь, ты назовёшь его привратником судьбы. Пушкин в образе Татьяны дал именно такую девушку, пылкую и мечтательную, способную полюбить с первого взгляда навечно. Но её судьба дальнейшая, а впрочем, ты сама знаешь какая её судьба.

Ты охарактеризовала каждого твоего поклонника, но ни один из них не подходил под такого. У каждого были свои достопримечательности и недостатки. Ты увлекалась некоторыми, но что это, по сравнению с любовью, пылкой и страстной, с горячими, жгучими поцелуями. Это, конечно, не трудно создавать и намечать образ будущего друга, но вот найти его гораздо труднее. Ты считаешь себя выдающейся, чем-то возвышенной над другими девчонками, что душа и тело у тебя тоже устроены по – другому, конечно, ты и ищешь особой любви. Только так я могу ответить тебе.

Да, ты, действительно, одарённая натура, очень развита, умна и не плохой внешности. Ты хорошо пишешь стихи, мечтаешь стать писательницей, архитектором, врачом. Какие прекрасные и нужные профессии. И я нисколько не удивлюсь, если ты осуществишь всё это. У тебя есть всё необходимое для выполнения задуманного. Но, всё-таки, я советую тебе не забывать, что ты такой – же человек, как и мы грешные, с теми – же недостатками.

Я, конечно, на твоего воображаемого никак не похож, простой человек, не выдающийся, такой же мечтатель, как и все. И мне становится жутко подумать, что со мной будет, если ты серьёзно увлечёшь меня. Я буду любить тебя так же, как и все, особых качеств на ореольную любовь у меня нет. Я буду страдать в разлуке, молчать и вздыхать при встрече, сгорать в твоих объятиях, но всегда буду помнить, что я не тот, кого тебе надо.

Я чувствую, что ты будешь смеяться над этим, разнесёшь меня в пух и прах с моими взглядами на тебя. Ну что же, я буду только рад, если это не правда. Я стараюсь сдерживать свои чувства, стараюсь меньше о тебе думать. Но!

После каждой встречи я чувствую, что меня всё больше и больше влечёт к тебе. Я знаю, что недалёк тот час, когда я прямо скажу тебе, что я люблю тебя, люблю страстно, всей душой, и чувствую, что это признание погубит меня. Ты поймёшь, что ошиблась во мне, что я такой же, как и все – не мог устоять против твоих чар. А когда поймёшь – потеряешь всё уважение ко мне. А мне останется мука и горечь переживаний.

Но мне почему-то хочется испытать этого до боли. Пусть мне будет трудно, но я хочу узнать муки любви, хочу страдать, и вообще, чёрт знает, что я хочу.

Я чувствую, что падаю в бездну, бездонную и жуткую, мне хочется кричать – «Люди добрые, спасите!», но сделать этого я не могу. Сейчас во мне идёт страшная борьба, и исход той борьбы близок. Это борьба двух невидимых существ целиком поглощает меня. Я не хочу сдаваться. Невидимые нити собирают по чёрточкам твой образ и он всё время стоит в моих глазах. Строгий, захватывающий и такой призывный, что нет сил устоять, и невольно заражаешься дикой страстью.

Ну, нет! Рано, рано, Ещё не всё потеряно...

Немного освежился, дал остыть чересчур горячей головушке. Прочитал ранее написанное, и удивился.

К чему это? На смех тебе. Ну и пусть. Я дал тебе возможность заглянуть в мой мир, узнать мою слабость.

Ира, не думай, что я не верю в свои силы, что я атеист. Ерунда. Я знаю, что большая часть того, что я написал тебе неправда, вернее, я хочу думать так.

Надо немного рассеяться. Напишу о своих мирских суетах. Я потерял уважение в глазах хромого. Вчера я ходил к нему. Он страшно на меня обиделся, и в отместку напоил меня до чёртиков. Я этого ему не прощу, и при первой же возможности отплачу тем же. А в институте кутерьма. Все почему-то пришли к мысли, что я женился. Наверное, у меня было такое глупое и счастливое лицо.

Вообще не знаю, но каждый сочувствует.

В это воскресенье мне придётся обязательно ехать домой. Меня разыскивает военкомат, не знают где я обитаю, и написали моему отцу. Перепадёт же мне здорово. Настраивают до чёртиков, и с миром отпустят. Насчёт пропусков пока тихо – 20 часов. Но выговор мне обеспечен. За курсовой никак не возьмусь, такая апатия и скука, что не знаю, что и делать с ней.

А ты, вредная девчонка, не смей мне попадаться на узенькой дорожке. Я покажу тебе, как измываться над ребятами.

В общем, надо кончать, а то договорюсь до всякой ерунды. Сейчас бегу в институт. У нас с 12-и часов – практические по «технологии бетона».

Ну, а Москва, как Москва в серебряном уборе.

Бежишь по улицам Москвы, один нос торчит из воротника, и ничего не видишь. Так всё надоело. Скорее бы лето, практика, каникулы, скорее бы увидеть тебя. Вот пока и всё, как я сейчас живу. Я высылаю тебе Надину фотографию. Одну просьбу я исполнил. Остальные за мной. Рецензии о её внешности пришлешь или расскажешь, если приедешь домой. Я захвачу ещё кое-какие фотографии.

Ну вот и всё. Пока. До свидания. Передавай большой привет Вале. Крепко жму твою руку.

ВИКТОР

Р. С. Сегодня воскресенье. Уже давно я не был в такой день в Москве. Воскресенье было для меня чем-то заветным, и я ждал его с нетерпением. А сейчас я один, но мне хочется быть дома, увидеть тебя. Вместо этого, я занимаюсь проектом, Умножаю, делю, складываю, и получается целые полчища, а за этими цифрами чудится что-то хорошее, милое, приятное.

Конечно, просидеть долго за проектом я не смог. Часов в 5, всей группой ездили к нашему заболевшему товарищу. Купили кое-какие ему подарки. Он был очень растроган, и мы тоже. Вообразили себя чудными докторами, способными и мертвеца поднять из могилы. Долго сидеть не пришлось, строгая сестра загородила койку, и закрыла нашего обожаемого товарища. Ну, мы, конечно расстроились и направились в кинотеатр. Посмотрели картину – «Море студёное». Какая-то сказка. Понимаешь, Ира, уже с самого начала картины

знаешь, что будет дальше, а это не интересно, и нет того захватывающего чувства, поэтому и здесь мы были недовольны.

Тогда решили исправить своё настроение посещением катка. Ну, сказано, сделано. Быстро разъехались по домам, и через час ярые конькобежцы осаждали окошко кассы. Был уже вечер, но разве чувствуешь это в Москве, когда всё залито огнями и так заманчиво увлекала вдаль белая дорожка. Ребята побойчей, быстро работая ногами, с юношеским задором скрылись вдали, а я, и некоторые другие, гнались со скоростью звука, но – увы, передвигались медленно. Да и лёд немного подтаял. Но всё же, мы своего добились. Сколько веселья, шуток, смеха. Это может быть, только в хорошей дружной компании, а именно такие компании я и обожаю.

Возвратился домой немного усталый, но дома не сиделось. Лёнька, Славка, их девушки и я, помазанник Божий, направились по Москве. Тихий, тёплый ветерок тёк с Москва реки, ярко горели рубиновые звёзды, часовые у мавзолея, венки около них. И вот, в эту минуту особенно хочется жить, хочется чувствовать около себя друга, чтобы поделиться с ним виденным, вместе полюбоваться на Москву с Москворецкого моста. Тебя, наверное, это не интересует. Ведь, ты много раз была в Москве, и всё, о чём я пишу, ты видела. Но зато со мной ты этого не могла видеть. А, ведь, каждый человек по разному воспринимает, и различно высказывает свои чувства.

Мне кажется, что я уже слишком разговорился о природе, Москве. Много наговорил возвышенных слов. Ну, не сердись, больше не буду. Ещё только немного о ландышах, ты права, что весной, это прежде всего – цветы, что ими покрывается не только земля, но и человек. Правда, я искажил немного твои слова. Да и ландыши скоро появятся. Только с каждой весной появляются новые, а старые своё отжили, отдали свой аромат, насытили воздух драгоценными каплями. На их место появляются новые, но функция у них одна, и, конечно, им безразлично, кто будет их собирать в этом году. Они всем одинаково отдают себя, они не признают мировой суеты, и, наверное, не думают, что о них будет так много разговору, что явятся причиной каких-то воспоминаний – кому хороших, а кому и плохих.

Я смотрю на твой подарок, пусть он и восковой, но для меня он стал лучше живого. Я тебе отплачу только настоящими ароматами и ландышем. Пусть твой ландыш не живой, но он всегда будет волнующим воспоминанием о тебе. Ты, наверное, его присылала с мыслью сделать мне больно, ведь с ландышами у меня связаны воспоминания о Наде.

Ты ошиблась, Иринка. Надюха для меня забыта и далека. И, если я разговорился о ландышах, то только из-за тебя. И мы ещё нарвём вместе этих цветов, но я не хочу, чтобы они дали те – же воспоминания.

У меня, Ира, к тебе просьба. Пожалуйста, расшифруй, что это такое, а то я своим слабым умишком никак не догадаюсь.

Н + В = Л (+ или —)

Я дошел только до того, что Надя + Витя = любовь. Так это или нет?. Если это так, то береги свою шею при встрече. А потом, что это такое за китайские палочки. И прошу, брось ты это слово – «жених». Оно мне на нервы начинает действовать. Наверное, вдвоём с Лялькой трудились, пока не исписали весь лист, да в разной форме.

Ну, и вредная же ты, девчонка, так и хочешь чем-нибудь уязвить. Не забывай, что и я при надобности могу это делать.

До встречи – ВИКТОР.

8 МАРТА

ЗДРАВСТВУЙ, ИРА!

Сегодня нехороший день, ведь, он – ВАШ. Всё, посвящается девушкам. Кругом о них говорят, хвалят и ругают в одно и то же время. Ну, и я, пожалуй, внесу свою дань в общие комплименты по вашему адресу, в частности, по твоему.

Ты, наверное, сейчас веселишься, мило улыбаешься, шутишь, или кому-нибудь по старой привычке крутишь голову.

А я – прямая противоположность. С великим мучением отсидел сегодня 8 часов лекций. С какой мучительной завистью смотрел я на девчонок, которые гордыми павами обрывались с лекций, на ребят –

сияющих и радостных, спешивших с лекций к своим милым, чтобы совместно отпраздновать женский день. А на последних часах в аудитории не осталось ни одной девушки. Седой профессор перед началом лекции громко откашлялся, посмотрел на молчаливую аудиторию из 25 человек вместо 250, и открыл, было рот, чтобы поздравить девушек с их днём. Но на него смотрели усатые морды и ехидно улыбались. Он возмущённо потряс головой, и произнёс – «Да, товарищи – проблема жизни весьма существенный вопрос». И ради такого случая на 20 минут раньше срока отпустил нас. Мы, конечно, не возражали, и с унылым видом поплелись по домам.

А в открытые форточки лились песни, слышались звуки аккордеонов, звонко топали каблучки. Да, жизнь – серьёзная вещь. Сижу сейчас в своей дыре и предаюсь горьким раздумьям. Хочется сделать что-нибудь не хорошее, злое – испортить кому – ни будь настроение, избить что ли кого-нибудь, хочется, чтобы и самого избили. В общем, всякая ерунда лезет в голову. И Лёнька бегает где-то, даже поговорить не с кем. Хоть ты под горячую руку подвернулась. Попробую поговорить с тобой по человечески – немного отрешусь от своих мрачных и никому не нужных мыслей.

Ты, наверное, не задумываешься сейчас над тем, а что поделявает Богом забытый, горький пьяница – Витяй? А он ничего не делает. Сидит сыч сычом, дурак дураком, ищет по всем углам папиросные окурки, и

с великим омерзением тянет едкий дым. Напиться бы сейчас до потери сознания, да водка в душу не лезет. Кроме того, я заядлый холостяк и пессимист, и не хочу пить в женский день. Скука ужасная. И невольно задаю себе вопрос – когда всё это кончится, и есть ли смысл продолжать такую жизнь безрадостную и скучную до чёртиков.

А, впрочем, есть смысл. У меня ещё впереди много хорошего, мне нужно ещё многое сделать. Чёрт возьми, я совсем здоровый человек, а поддаюсь такому унынию. Что же делать тем, кто жил убогим, или духовно не развитым. Им, наверное, сейчас очень обидно, что красивые девушки не обращают внимания на них, а мечтают о красавцах, геркулесах и т. п. А вот душевные качества маленького человека не замечают. У, как подло они поступают.

И ты тоже хороша, ничего не скажешь. Тоже мне – рыцарь без доспехов, птица без перьев. Видите ли, она воспитана совершать благородные поступки, соединять разбитые сердца воедино, а самой оставаться в стороне и радоваться чужому счастью. У! Изверг ты рода человеческого. Попортила мне крови в Шатуре. Я с тобой ещё не так рассчитаюсь – узнаешь, почём фунт совести стоит. Я, кажется, очень глупо вёл себя дома, и сейчас продолжаю то же самое. Ну и чёрт с ним, думай обо мне, что хочешь, считай меня кем хочешь, но я тебя заставлю относиться ко мне с уважением, и не пытаться уверить меня в том, чего нет на самом деле

Меня одно интересует: пыталась ли ты жертвовать

ради Надюхи, или же скрывала свою неприязнь ко мне словами о моём мнимом счастье с ней, что я её люблю, что в моём сердце нет места такой девушке, как ты. Я уж стараюсь воздерживаться от таких «лестных» эпитетов по твоему адресу. Ты довольно-таки много приводила их в своих письмах. А мне приводить их не стоит, да я и не считаю тебя такой, какой ты себя выставила. Ты же клеветала на себя, а это до одурения глупо. Так низко говорить о себе, пусть ты это даже делала для моего же счастья.

Не знаю, почему, но когда я прочитал твои письма, я рассмеялся.

Мне показалось, что это бредовые крики. Я не поверил, что ты так легко хотела порвать со мной. Всю неделю, когда я не получал от тебя письма, я думал, что это очередной каприз, что это опять глупое мщение. И я, кажется, не ошибся. Я не верю, понимаешь, Ира. Не верю, чтобы всё так быстро кончилось, чтобы ты так рано разочаровалась во мне. Уж, если кому разочаровываться, то мне же первому. А я этого не сделал, потому что с такой девчонкой, как ты, всегда не знаешь, как себя вести. Я хотел бы услышать от тебя всю правду. Ты же прямо и честно говоришь о том, что думаешь. Вот ты подумай и скажи мне, ложь была в твоих словах или правда? А, впрочем, это будет трудно для тебя, ведь ты, наверное, не привыкла отказываться от своих слов.

Ну, вот и Лёнька тащится с какой-то девчонкой... И куда её дуру несёт – понятия не имею. Волей неволей

приходится ложиться спать. Заканчиваю свою писанину и лезу под крылышко матери-одеяла.

А тебе желаю получше повеселиться. Кружи мальчишкам головы, пусть они, черти, попляшут. Но смотри, не закружись и побереги свой темперамент для более лучшего времени.

А ты, Лялька, не будь такой, как она, и старайся мешать необдуманным поступкам. Благодарить меня за нравоучения не следует. Ну, пока, милые девочки (так, кажется, говорил ваш Юлька).

До свидания. С крепким рукопожатием – ВИКТОР.

13 МАРТА

ПРОЧКА, ЗДРАВСТВУЙ!

Какой сегодня хороший день. Когда я ещё лежал в постели, то невольно улыбнулся. Поймав на себе солнечный зайчик. А на улице просто прелесть. Кругом лужи, с крыш вместе с капелью падают отпавшие сосульки, так что прохожие шарахаются в сторону под колёса нескончаемого потока машин. Всё благоприятствует хорошему настроению. И солнце, и тепло, и наступающая весна. На улице всё больше слышно звонких голосов. Молодёжь выползает из укрытий. А девушки – что за прелесть. На их лицах отражаются первые вестники весны. Румяные, весёлые, глаз не отведёшь. И что это за время года, такое беспокойное и такое хорошее. Я бы, наверное, всю

жизнь желал бы, чтобы весна, по крайней мере, пока молод, пока чувство молодости не успел утратить, не кончалась. А эта весна является 22-ой весной в моей жизни.

Как быстро бегут года. На каждом этапе своей жизни, по иному относишься к тому, что дала природа. В детстве мечталось скорее вырасти, чтобы делать большие дела. В юности, чтобы скорее выучиться, устроить свою жизнь, полюбить замечательную девушку – спутницу в жизни. А дальше пока мало задумываюсь над дальнейшим. Меня интересует больше настоящее, а в настоящем – это учёба и отношения с тобой.

Я очень признателен за твои письма, за твою откровенность, за внимание и заботу ко мне. Так может делать только очень хороший человек, с большими чувствами и душевной простотой.

Ты пишешь, что я тебе не верю. Это чистейшая ложь. Дружить с тобой и не верить тебе – это же чёрт знает что, я и слов подходящих найти не могу. Ты можешь задать мне вопрос, неужели я так быстро меняю свои мнения? Вряд ли, собственно, мне их менять было незачем. То, что я говорил дома – это было ответом на твоё письмо. Я же сразу понял, что ты мала, поэтому я ответил тем же, а, именно, говорил тебе не правду, хотел тебя уязвить. Правда, неумело всё у меня получилось – я нанёс тебе обиду. Ну, что же, что было, то прошло.

Пожалуйста, не обижайся на меня, ведь, обиды друга надо быстро прощать, и зря, что ты их так близко приняла к своему сердцу, а говоришь, что у тебя нет

сердца, что ты чёрствый человек. Так я тебе и поверю.

Ира, ты пишешь, что скоро переходишь в общежитие. А как же Валя? Неужели ты оставишь её одну? Это будет не честно. А, вообще, это твоё дело.

Ну, мне пора кончать, а то я слишком стал болтливым.

Всё у нас наоборот получается. Ты стала писать короткие письма, а я где-то верхушек нахватался, и тетради мало.

Ну, пока, спокойной ночи, Иринка! Приходится расставаться.

До свидания, вреднющие девчонки. Самый большой привет Вале. С крепким рукопожатием – ВИКТОР.

Привет Юре, Олегу, Володе, Вере Яковлевне – мне хочется ещё раз поблагодарить её за гостеприимство, и Лялиной сестре, забыл её имя.

Где ты, не знаю я, но вспоминаю я
Образ любимый, родной,
Образ любимой, неповторимый
В сердце ношу я с собой.
Но ты вернёшься, и скажу, дорогая тебе,
Как я скучал без твоих золотистых волос,
Губ твоих алых мне не хватало,
Слов твоих нежных, нежных и ласковых слов.

ВИКТОР.

15 МАРТА

ИРА, ЗДРАВСТВУЙ!!!

Начнём ругаться. Ты пишешь мне, что я редко вспоминаю тебя, т. е. редко пишу тебе письма. Да пойми, ты, чудачка, как же я могу часто писать тебе письма, если ты говоришь, что они скучные, сплошное нытьё. Это же меня раздражает. Я, например, не нахожу твои письма скучным, хотя ты намного опытнее меня в этом деле. Извини меня за частые помарки. Ты хочешь писем – романов, интересных.

Захватывающих. А если я пишу, как умею, если писатель из меня плохой. Что тогда? Всё к чёрту.

Ну, знаешь ли, ты чересчур много хочешь, даже от писем. А, ведь, письма пишутся (как я понимаю) для того, чтобы поговорить с другом, поделиться с ним и радостью и горечью, рассказать о своих делах, переживаниях, посоветоваться. А что я слышу в ответ, что я нытик, что я скучный и грубый, что я не умею писать писем, что мне надо у кого-то поучиться. Если бы мне так написал кто-ни будь другой, я бы не задумываясь, вообще писать не стал. А вот с тобой я ещё медлю, мне интересно, что же дальше будет. Может быть, ты будешь мне высылать темы, рисунки на мои письма, и я как по заказу буду их писать. Именно то, что тебя интересует, и что тебе будет нравиться.

Скажешь – напиши о звёздах, и вот, пожалуйста, – письма три о небесных светилах. Пожелаешь о любви – пожалуйста. В таком же духе и дальше. Просто

прелесть. И интересно, и уважение видно, А что до того, кто пишет, или как живёт? Может быть, и правда ему скучно, может быть не с кем поделиться своим горем. Было бы мне хорошо и не скучно.

Так я, Иринка, должен тебя понимать?

Я же не говорю тебе, что мне так приелось и надоело это слово – «жених», что нужны чувства радости от твоих писем. В общем, чтобы долго не ругаться, давай так договоримся. Критику моим письмам ты оставь при себе, или делись с Лялькой. А мне, пожалуйста, об этом не пиши. Я знаю, что тебе пишу, и за каждое сказанное слово отвечаю. Когда подучусь, тогда жди от меня большего. Ясно? Моя фирма больше таких претензий не принимает. Нет, ну надо же, чёрт возьми, так расстроить человека, больше того – сделать его в собственных глазах глупым. Ну и ну. До всего доберёшься, всё рубишь напрямик, не считаясь с правилами приличия. А я по правде сказать до сего времени не считал себе глупым. А вот сейчас, благодаря твоей удивительной прозорливости – прозрел. Спасибо, Ира, за науку.

Так, вводная лекция кончилась. Пойдём дальше. Ага, Юлька у тебя сидит – открыточки свои смотрит. Ай, да Юлька! Молодец из молодцов. Везде поспел – всё у него хорошо, и открыточки лучше всех, и уважение тоже. Что за парень, а нам дуракам и невдомёк, как же нужно покорять женские сердца. Оказывается, открыточками, исполнением всех капризов, и дело в шляпе.

Сразу завоёвывается и уважение, и любовь. А я-то, я-

то, наобещать язык повернулся, а выполнить – руки не поднимаются. Так его, Витя, и в хвост, и в гриву. Пусть знает наших – в другой раз будет умнее.

Каюсь, Ира, ох как каюсь, поверь мне, милая. Выполню все твои просьбы, всё, что ты пожелаешь. И стихи напишу, и цветов куплю, и... А ещё что? Ай, ай, ай, и не стыдно тебе, Виктор, так быстро забыть свои обещания. Ну что ты за человек такой дуралей родился? Всё бы тебе грубить, заниматься мальчишеством. Пора бы заняться серьёзными делами. Ох и представляю, что мне будет от этого. Или ты считаешь меня чересчур самокритичным, или жестоко обидишься. Я прошу тебя не делать этого. Лучше посмейся. Ты же знаешь меня, когда меня обидают, я стараюсь ответить тем же, хотя я знаю, что это неприлично и противопоказано.

Но и ты тоже такая. Моя обида мимолётная, потому что я знаю, что ты писала мне для того, чтобы я исправился, покаялся в своих поступках. Грозить тебе? Да, ты, что, Ирка, смеёшься надо мной? Грозить тебе, это значит – самому себе вдвойне. И ты думаешь, зная это, я буду рисковать? Нет. Уж, если я задумал сделать что-нибудь нехорошее, то без лишних слов сделаю. А, если я начинаю об этом говорить – значит, я шучу, и не стоит обращать внимания.

Вот ты узнала ещё одну мою черту. Немного терпенья, и ты узнаешь меня всего, и тогда сделаешь соответствующий вывод – как я, кто я и куда я.

А вот ты грозишь мне в каждом письме. Где именно?

Обожди, сейчас слажу в чемодан, выну твои старые письма и отведу. Минуточку. Ага, нашёл. Начнём с азав.

Угроза № 1 – «Если не приедешь, будешь иметь плохие последствия».

Угроза № 2 – «Только учти, если пришлешь ещё такое письмо – даю слово – писать тебе не буду, и мы с тобой не знакомы. Ясно?»

Угроза № 3 – «Если ты, действительно, поймёшь меня не так, то я также прямо пошлю тебя к чёрту».

Угроза № 4 – «Если будет всегда так, как было вчера – мы скоро станем врагами».

Представляю, как я тебе надоел этим. Ну, успокойся, я больше не буду. Пошли дальше. Здесь ты совершенно права. Я точно не знаю, что я тебе говорил в пьяном виде, но у меня такой осадок, а это значит, что я действительно говорил пошлости. И я только сейчас удивляюсь, почему ты сразу не погладила мои уши своей нежной рукой, а сделала это после, когда я возвратился к жизни.

Ира, прости меня за то воскресенье. Даю тебе слово, что так себя вести больше не буду. И давай на этом закончим, и больше без надобности к этому вопросу не возвращаемся.

Ты спрашиваешь – правдив ли я? Ну что я могу на это ответить? И да, и нет. Да, потому что я так думаю, нет, потому что так думаешь ты. Ты скажешь, что я опять говорю неопределённо. Именно так. Пока наши отношения не сделаются ясными, конкретными, пока ты не будешь мне грозить, я буду таким. Пойми,

что только ты принуждаешь меня к этому. Но моя неопределённость всё же должна тебе о многом сказать. И, если ты не находишь в моих письмах ничего определённого, то ты просто или не хочешь этого, или не замечаешь. Говорить вот так тебе прямо о любви я не могу. Это чувство во мне вынашивается долго, и зря я никогда не признаю его. Так, пожалуйста, не требуй от меня невозможного. Лицемерить в таких вопросах я не умею. Я тебе писал уже не раз, что ты мне нравишься, и с каждым разом всё сильнее, несмотря на некоторые неприятности. Но назвать это любовью пока рано, да я думаю, что сейчас тебе этого не нужно. Давай, Ира, взвесим всё раз и навсегда, чтобы потом не раскаиваться, и не спохватываться, и не ругать себя за неосторожность. Время у нас ещё есть, так что спешить некуда. А дружить мы сможем, по крайней мере, я так думаю, и не теряю надежды на большее. Всё будет зависеть от тебя, и, конечно, от меня. Если мы, действительно, этого хотим, то добьёмся своего.

Не подумай, что я хочу сказать о насилии. В таких вопросах вообще смысл насилия отпадает. Опять, я, Ира, заболтался.

Нет, мне надо писать письма покороче, сжатыми и интересными. А то опять развёз на 4-х листах, а что написал хорошего, интересного? Опять ты будешь недовольна. Ну, не осуждай меня так, тебя я умоляю. Вернись в Шатуру, и счастлив буду я. Ты говоришь, что Юра пишет Вале через каждый день. Ну и что же здесь удивительного. Только я на их месте писал бы каждый

день. Ведь, у них всё решено, всё так просто и ясно, и, конечно, есть о чём писать. А я вот пишу и в некоторых вопросах себя оттаскиваю, успокаиваю, как не в меру зарвавшегося.

За прошедшие два дня никаких новых картин не видел. В Москве сейчас идёт «Укротительница львов». Скоро – «Плата за страх». А вот о «Газовом свете» хорошо отзываются. Напиши, понравилась ли тебе та картина, ведь ты у меня подлинный ценитель искусства. И к твоему мнению в таких вопросах я всегда прислушиваюсь. Ну, ладно, я, кажется выдохся, вернее, не я, а бумага. Передавай привет всем, всем. А Вале – особенный.

До свидания через 1,5 недели.

С приветом, поклонник твоих сценических успехов.

ВИКТОР.

Мы с Виктором продолжали встречаться в те дни, когда оба приезжали в Шатуру. Гуляли по Шатуре, ходили в кино и на танцы. И каждый раз подолгу стояли на крылечке. В дом вели двойные двери, правые половинки которых были всегда открыты, а левые – закрыты постоянно.

Обычно, если домой возвращалась «парочка», (как правило, кто – то из них проживал в этом доме), то они прятались в тамбуре, между этими нераскрывающимися половинками дверей. Можно было там целоваться. Но мы с Виктором не целовались, хотя я его не раз провоцировала на эти подвиги. Он говорил, что боится перешагнуть грань, которая нас раз-

деляла до сих пор и ограничивала только письмами и платонической любовью. Он говорил, что боится потерять голову до такой степени, что допустит ошибку в наших отношениях, и потеряет меня, как свою первую любовь – Надю.

Тем не мене, дома он рассказал, что влюбился, рассказал обо мне, и о том, что хочет жениться, но не решается сделать мне предложение.

Однажды к нам в воскресенье домой пришел отец Виктора. Он пришел один. Познакомившись с моим отцом, он, от лица Виктора повёл речь о желаемой женитьбе. Папа позвал меня. Я сказала, что не собираюсь замуж, что я не люблю Виктора, а между нами – только дружба...

Я не знаю, что отец рассказал Виктору, но только до меня дошли слухи, что Виктор крепко напился после разговора с отцом...

Я написала Виктору письмо с упрёками о решении, которого мы не принимали...

20 МАРТА

ЗДРАВСТВУЙ, ИРА!!!!

Писать мне тебе нечего, твоё письмо всё сказало мне. Дело не в моих и твоих родителях, не в сплетнях, а в том, что ты ничего не имеешь ко мне, и неумело находишь причины конца нашим отношениям. Я бы только попросил своё мнение о моих родителях

оставить при себе и не пытаться убедить меня в том, что они хуже тебя. Тебе на это никто не давал права. Я знаю своих родителей, знаю, что они никогда себе этого не позволят, пусть они и не интеллигенты, а простые рабочие. Называть меня сплетником я никому не позволю.

Наша семья не заслуживает такого мнения. А, если ты одна, да твой папа и бабушка так думают, то это ещё не вся Шатура. Если ты не имеешь своего мнения, а только мнение папы, да бабушки, так вот тебе мой совет. Тебе же с ними жить, так ты и ищи того, кто достоин их, кто не пьёт, не курит, кто ходит на задних лапках перед тобой и умиленно поглядывает на тебя, а в особенности на папу и бабушку, чтобы завоевать их расположение. А, если завоюет их, то пусть считает, что и ты завоёвана.

А ты груба, со слабым умишком, да к тому же, мы, горькие пьяницы обойдёмся и без этого. Жить-то придётся мне, и плевать я хотел на все сплетни. Я ещё сумею постоять за себя. Я приеду в пятницу и постараюсь узнать всю правду. Если это действительно, правда, то я скажу своим родителям веское слово. Если же нет, то я возненавижу тебя и постараюсь не оставить этого без ответа. И грош тебе цена, если ты ради сплетен готова идти на всё. Это показывает твою мелочную душонку. Тоже мне, идеал, только идеал, не стоит оскорблять.

Прости за нескромность, но я глубоко возмущён твоим бездушием, и как ты говоришь, мещанством. Переубеждать я тебя не собираюсь, ты давно выросла из

этого возраста. Только неприятно, что я мог ошибиться в тебе. На этом надо поставить точку. Ответа можешь не писать, я не желаю больше читать таких писем, где моих родителей и меня пытаются уничтожить и поставить в нелепое положение.

Советую тебе не приезжать 27-го, это будет иметь плохие последствия, если ты хочешь.

До свидания! Передавай в последний раз горячий студенческий привет Вале.

19 ОКТЯБРЯ

Guten tag meine liebe Madchen!

Или, что вам будет угодно, а, если проще, то

Ира, здравствуй!

Тысячу приветов я преподношу своей «невесте», и один из них мой – твоего «жениха» Витяя.

Ну что, довольна? То, что же. Я, ведь такой. Вот взял и написал тебе письмо, невзирая на последствия.

Хочешь плачь, хочешь радуйся, а отвечать мне придётся.

А скажи, Ира, силён я в знании немецкого языка? Во! Гордись своим Виктором. Ну да ладно, шутки в сторону. Давай-ка напишу я тебе что-нибудь существенное. Вот сейчас подумаю немножко и готово. Ведь, хорошо

писать, когда следуешь взаимному влечению. А наши с тобой отношения – тёмный лес.

Не знаю только, почему ты до сих пор помнишь обо мне, и почему я не поставлю точку на наших отношениях, и почему-то иногда вспоминаю эту противную девчонку Иру Степанову, которая в Шатуре имеет очень громкую репутацию, и все молодые люди Шатуры имели с ней кое-какие отношения. Не пугайся, не хватайся за голову, а радуйся. Если я не забыл о тебе, пройдя все невзгоды и невыгоды, то это значит, что дальнейшего бояться нечего.

Пока же я не считаю тебя пустой девчонкой, мне всё время кажется, что за излишней болтливостью, лёгкостью поведения, кроется что-то хорошее. А вот что, я пока не замечаю.

Ты меня, Ира, пожалуйста, не ругай за нелестные эпитеты по твоему адресу. Ведь, пока мы с тобой разговариваем так, чтобы унижить друг друга, чтобы сделать одного глупее другого, чтобы вывести из себя одного из нас глупыми замечаниями. Скажешь не так? И пока никто из нас не берёт верха. И я думаю, что в наших отношениях будет перелом, если кто-то из нас окажется впереди.

Мы иногда вырываемся вперёд. Ты, например, успехами у молодых людей, а я у водки. Только здесь есть две существенные разницы. Молодые люди бросают тебя, а я сам бросаю пить водку. Скажешь – не тактично? Конечно. В этом-то и вся суть дела, а мне приходится радоваться и ублажать твоё отвергнутое

сердце. Интересно, правда? Ведь, я до этого сам дошел, а ты говоришь...

Ну, если тебя ещё удивить, выдавшая виды девчонка? Хочешь, я даже буду просить у тебя совета. Скажи, куда мне ехать на работу. Я назову тебе несколько мест: Куйбышев, Сталинград, Новосибирск, Ташкент, Сахалин, Сочи, Москва.

Только в Москве с небольшим окладом 900–1100 р. Разве хватит такому горькому пьянице, как мне? И ещё об одном прошу. Как только прочитаешь мои письма, немедленно сжигай. А то взяла привычку показывать их, даже в Шатуре, что унижает не только меня, но в какой-то мере и тебя. Если я узнаю что-нибудь об этом, то пеняй на себя. Я буду беспощаден. Передавай мой привет Вале.

До свидания – ВИКТОР.

Странно, но нашла не отосланное одно письмо, написанное Виктору. Привожу его здесь полностью.

ВИКТОР, ЗДРАВСТВУЙ!

Получила твоё третье письмо. Кстати, в конверт вкладываю 20 копеек за напрасно исписанную бумагу.

Куда же посоветовать тебе ехать на работу? Выбери сам.

А я бы поехала с удовольствием:

В Сочи – курорт, юг, природа, море солнца и солнце

в море, или —

В Куйбышев – уютный город на Волге. Волга – моя родина, или —

В Сталинград – красавиц город – герой. Старинный, суровый закалённый, или —

В Ташкент – город хлебный, фрукты, яблоки, виноград, вина, персики, арбузы, дыни, или – на Сахалин – широкий простор для идей, мыслей – тайга, неизвестный край суровых приключений, фантазия, дворцы строить в тайге – мечта... дело... потом лауреат. Разве плохо? или —

В Новосибирск – то же самое.

А Москва – это знаешь, тёпленькое местечко для трусов, папенькиных сыночков.

А лично я, несмотря на то, что мне обеспечено место после техникума в Шатуре, поеду на Ангарскую ГЭС.

У нас, вероятно, весь выпуск поедет. Вместе учились, вместе дружили, вместе будем жить и работать, снова учиться. А учиться в институте я буду обязательно.

Ты прекрасно знаешь, что я упрямая. А я считаю, что упрямство сильнее настойчивости. И раз я решила, значит, добьюсь своего.

Так что, можешь не хвалиться своим инженерским дипломом. Будет он и у меня. Только сначала поработаю так, чтобы мне не стыдно было перед Родиной за свою комсомольскую совесть. Понимаешь? И сама, без колебаний поеду на самую большую и молодую стройку, а не стану втираться в тёпленькое местечко в Москве

или Шатуре.

О, Виктор! Я вижу, ты не только заставил меня дать совет, но и разглагольствовать на целых двух листах.

Я тебя уже просила, Виктор, не писать мне больше про любовь. Ты прекрасно знаешь, что по-твоему не будет. Твоя глупая выходка со сватовством, когда ты своего отца послал к моей мачехе с объяснениями мне в любви – ничего не дала.

Говорят о нашей свадьбе? Я знаю, что у нас в Шатуре не верят, что я откажусь от такой партии – только что кончивший институт инженер, молодой, красивый, покоритель сердец. За тобой бегают многие девчата. А я считаю низостью за кем-нибудь бегать. За это я и тебя не уважаю.

У нас в Шатуре странным кажется то, что я отказалась от твоего предложения, но пойми, ведь, я не люблю тебя. Зачем обманывать? Я вообще в Шатуре, да и в Орехове, да и раньше в Москве – ни с кем не дружила, и не дружу лишь потому, что не хочу дружить с ребятами не настоящей дружбой.

Я признаю товарищеские отношения, или товарищескую дружбу. Но большего я не хочу, потому что мне никто не нравится, а обманывать, или, как ты выражаешься, играть в любовь – я не желаю. Зачем я буду обманывать человека, если он мне не нравится?

Ну ладно, надеюсь, тебе уже достаточно известны мои взгляды, и ты больше не будешь вынуждать меня затрагивать этот вопрос. Ясно?

С приветом – СТЕПАНОВА ИРА.

ИРА, ЗДРАВСТВУЙ!

Обиделась. Что-то тебе этого не подходит. Не будь принципиальной. На мои глупости отвечай тем же. А то мне кажется, что ты остаёшься в дураках, а это не в твоих правилах. Ведь, так, кажется? Где же у тебя Чувство корректности, где женское самолюбие. Ведь, в первом письме я именно на это и ударял. Мне хотелось получить, хотя и не лестную для меня, небольшую весточку от тебя.

Но, оказывается, твои дела для меня закрыты, и больше твоё воображение не волнует тебя, так же как и мои, надо признаться, глупые пошлости.

Ну, что же, поделом мне. Но всё-таки я решил ещё раз напомнить о своём существовании. Ведь, чертовски хочется получать письма, а от тебя, сама наивность, особенно.

Ну, поругай меня, назови никчёмным болваном, но не лишай меня удовольствия читать твои письма, по которым (надо отдать справедливость), ты большая мастерица. Здесь я говорю без всякого подвоха, и ты вправе этим гордиться. Так неужели ты не внемлешь моим мольбам. Это было бы очень жестоко с твоей стороны, и клянусь всеми чертями на свете, ты потеряешь вернейшего и преданного друга в моём лице. А тебе, наверное, этого не хочется, так как и мне.

Несмотря на всё твое сумасбродное поведение,

невнимание к моей личности, несмотря на все твои нападки, я уважаю тебя. А это мне кажется очень много. Вот теперь и посуди сама, почему я так тщетно, но терпеливо взываю к твоей милости. Если и это не поможет – значит ты чёрствый эгоистичный человек.

Какие мне только глупости не лезут в голову. Сначала я хотел написать письмо в стихах, потом на немецком языке, и в конце концов ни то, ни другое. Ведь своим русским языком, русской прозой можно выразить гораздо больше и интересней. Правда, и стихами можно очень много сказать, и я не спорю, что это красиво. Но я, ведь, не Пушкин и не Байрон, и, наверное, не влюблённый романтик.

Естественно, грош цена моим стремлениям и хотениям. Но я родственен с этими людьми, хотя бы тем, что у нас одно начало. Правда, обезьяны и те, наверное, имели больше чувств и этикета, чем «шибко грамотный человек», как я, к тому же кандидат в инженеры. Правда, инженерский диплом ещё не светит мне своим золотистым гербом, но, если мне сейчас взяться за ум, то пожалуй, толк будет.

Да, я, ведь, у тебя просил совета. К перечню мест я могу добавить ещё несколько. Как то: Рошаль, Орёл, Минск, Ленинград, Лисичанск (у Азовского моря).

Жаль, Ирочка, что бумага кончается. У меня сегодня очень благодушное настроение, и я бы мог тебе ещё много тёплых слов написать. Поберегу их до следующего раза, если представится такой случай. Передавай привет Вале и поздравь её с праздником от

меня. До свидания, Ирина Владимировна.
Жму твою мужественную лану – ВИКТОР.

ХА, НЕ СМЕ – ШНО!

Как же, Ира, тебе не ай-ай-ай! Ну пусть ты меня ненавидишь, презираешь. Но всё – же долг вежливости остаётся долгом. Неужели у таких почтенных, культурных родителей выросла такая дочь, которая забывает об этом.

Ну, теперь – ЗДРАВСТВУЙ!

Итак, что же я тебе хотел сказать. Всё, что нужно было – уже сказано. Возвращаться к старому – это значит, к новым унижениям, ругани, а это, действительно, не в моих интересах.

Твоё предупреждение немного запоздало. Я кажется, кое-что уже успел рассказать Шарковой. Но это было неумышленно, а в минуту взаимной откровенности, хотя сейчас я об этом жалею. Но, что было, то прошло. Как мне известно, ты тоже не отличалась изысканным молчанием. Правда, многого о нашем знакомстве не расскажешь, и я это только приветствую.

А насчёт Валиного мнения, и что до него тебе нет никакого дела – не правда. Если вы настоящие подруги, и как ты говорила, у меня перед ней нет секретов, то ты обязана и должна знать её мнение. Более того, ты

так или иначе прислушиваешься к её советам в минуты душевного колебания. А уж, насчёт мнения, тем более. Каждое новое знакомство – твоё мнение, каждый новый разрыв – другое мнение.

Меня только удивляет какое же её мнение о тебе? Или тебя это тоже не интересует?

Так. Не знаю, что же ещё написать. Видимо, я разучился писать письма, или у меня уже нет того огонька? А, вернее всего, и то, и другое. Сижу сейчас, и ловлю новую зацепку, какую мысль ещё осветить в этом письме. Оскорблять тебя – нет смысла, ибо на оскорбление ты ответишь ещё большим презрением. Я знаю, что в долгу ты не останешься, особенно перед мальчишками. И, действительно, мальчишки, юнцы являются твоими мнимыми поклонниками, которые восторженно преследуют тебя и также восторженно отпускают свою добычу. Все они наивны в своих стремлениях. Их взгляды, их первые шаги ещё подстрекаются старшими. И о, чудо! Такая великолепная дивчина соизволила ответить ослепительной улыбкой на его страстные, горящие взгляды. И потом, как обычно, насмешливая улыбка – взгляды не оправдались. Ведь, это только взгляды, а дело-то и нет.

А не думаешь ли ты, что некоторые из неудачных поклонников так же открыто смеются над тобой. А я знал и знаю таких.

Недавно я прочитал книгу какого-то польского писателя под названием «КУКЛА». И вот её поступки в

точности гармонируют с твоими. Но о конечном исходе ещё говорить рано, поживём – увидим.

КОГДА В НАШ ВЕК ОНА БЫВАЕТ
УЖЕЛЬ, ТЕРПЕТЬ ЕЁ ДОЛЖНЫ,
КОЛИ НЕВИННЫХ ЗАБАВЛЯЕТ,
Л ВРЫ ЛЮБВИ ЕЁ СМУЩАЮТ,
А ВПРОЧЕМ, К ЧЁРТУ ПОСЫЛАЮТ...

И МЫ, ГЛУПЦЫ, ВКУСИВ ЕЁ
РУКАМИ ГОРЕСТНО РАЗВОДИМ,
ИЛЛЮЗИЮ ЕЙ ВОЗВОДИМ,
НАДЕЯСЬ, ЧТО ПРИДЁТ ПОРА,
АДЬЮ, МАДАМ, И ПЕСНЯ ВСЯ.

Огромный привет, и мои наилучшие пожелания Вале. Желаю всего хорошего, сдать экзамены, и хорошо отдохнуть.

До свидания. ВИКТОР РЯБЧИКОВ.

Мы перестали с Виктором встречаться. Он тоже делал вид, проходя мимо меня, что мы не знакомы. И, наконец, произошел случай, который развел нас в разные стороны навсегда.

Виктор решил объясниться со мной окончательно. Для смелости выпил, и стал дожидаться меня у нас на крыльце. Я возвращалась с танцев, к счастью – одна. В руках у меня были, завёрнутые в бумагу сменные туфельки, в которых я танцевала. Виктор остановил, и мы стали о чём-то говорить.

В это время я в Шатуре проходила практику, и поэтому уезжать в Орехово на следующий день мне было не нужно. Но было уже поздно. Окна нашей квартиры выходили во двор, рядом с подъездом. Форточки были открыты. Отец услышал наши голоса повышенной громкости, выскочил на крыльцо в нижнем белье и скомандовал мне, чтобы я немедленно шла домой. Я сказала – иду. Виктор выхватил у меня туфли, и сказал – не пущу, мы ещё не договорили.

Я прошла домой за отцом, в комнате сказала ему, что сейчас вернусь, что у Виктора остались мои туфли. Папа сказал, что сам у него их возьмёт. Опять выскочил на лестницу, обругал Виктора, выхватил туфли. Когда выхватывал, получилось, что он ударил Виктора. Одна туфля упала. Когда отец вернулся, я обнаружила, что туфелька – одна. Вышла к Виктору сама, и ужаснулась – он был весь белый лицом и его трясло. Он был в каком – то порыве ярости. Я сказала, что в таком виде я с ним говорить не собираюсь. Откровенно говоря, мне стало страшновато. Я решила – черт с ней, с туфлей, повернулась и пошла к двери.

Виктор швырнул туфлю мне в спину, потом сделал шаг вперёд левой ногой, и резко размахнувшись правой сделал жест вслед мне – ну, мол и катись...!!!

Но я в этом миг почему-то остановилась, и получилось так, что Виктор ногой нанёс мне очень сильный удар сзади. Он попал прямо в копчик...

Виктор в гневе убежал. Я подняла туфлю... Боль была та-

кая сильная, что я не могла лежать на спине. Не спала всю ночь. Утром не могла сидеть. Практику я проходила на растворном узле. Весь день я провела на ногах, и до дома еле доплелась. Дома сочинила сказку, что я получила травму на растворном узле. Сказала, что я стояла на рельсах узкоколейки, по которой подвозили к растворному узлу на вагонеточках песок и цемент. Ну, будто бы вагонетка сама покати-лась и ударила меня ниже спины...

В общем, копчик болел у меня несколько месяцев, а затем ещё несколько лет я не могла очень долго сидеть на жестком. К концу фильмов, в кинотеатрах, например, я уже была вынуждена садиться немножко боком.

Вот так кончился мой роман с Виктором Рябчиковым из Шатуры.

Он окончил институт и уехал куда-то на работу по распределению на какую-то стройку. В 1959-ом году, когда Люда и Тамара приехали ко мне на работу в Крюково, они рассказали, что на стройке, где работал Виктор, случилась авария. С крана сорвалась большая бетонная плита. Она упала на другие плиты, сложенные штабелем. Плиты разъехались и, обвалившись вниз, придавили Виктора. Травмы были тяжелейшими. Он долго лежал в больнице, вышел оттуда инвалидом, и вскоре умер...

Продолжение о моей бесшабашной юности – в следующей книге.

Приведённые фотографии взяты из личного архива И. В.

Дудко.